

МАТАЛЪЯ ЮРАЙ

ВОЛЧЬЯ
ЯГОДА

Заглохшая "семёрка", безлюдный зимний лес, мороз, отнимающий силы к сопротивлению и неожиданное спасение. Но где же на самом деле оказалась Женя Васильева, и кто эти люди, похожие на сотрудников этнографического туристического центра?

Живописный зимний лес окажется порталом, впусившим молодую женщину в другую, почти сказочную реальность. Героиня пройдёт через ряд серьёзных испытаний, обретёт любовь, познает ненависть, раскроет неизвестные грани характера и станет совсем другой.

Чем пожертвует Женя, чтобы жизнь ее стала счастливой в старом мире, и кем станет в мире новом?

А что же волчья ягода? А она растёт, наливаясь соком и ждёт своего часа...

Волчья ягода
Наталья Юрай

Глава 1. Тепло ли тебе, девица?

Будь проклят тот день, когда я села за руль этого драндулета! Советский кинематограф просто кладезь цитат для описания нынешнего состояния Васильевой Евгении Николаевны, двадцати шести лет от роду. «Кавказскую пленницу» я уже использовала, так, что у нас там? «Бриллиантовая рука»? Семё-ё-ё-ё-н Семёныч! Опять повелась на отцовские уговоры, взяла его машину, пока своя в ремонте? Ведь всем известно, что я и техника — это две параллельные вселенные, и мой «Рено» функционирует только за счёт бескорыстия бывшего одноклассника, имеющего свой процветающий автосервис и виды на меня.

Отцовская вазовская «семёрка» меня ненавидела: открывала вторую переднюю дверь, когда захлопывалась водительская, запотевала в любую погоду, воняла жженой резиной, намекая, что трогаться с места я не умею. Папа мог усмирять эту дуру цвета «пицунда» одним взглядом. Но где папа, и где дура, чёрт её дери!

Машинально похлопав по всем карманам и заглянув в бардачок, попыталась найти хотя бы одну сигаретку, но семёрка явно была для меня несчастливым числом. Я сидела в машине с отказавшей электрикой на грунтовой обочине посреди леса. На экране смартфона угрожающе высвечивалось 22:45. Падал милый пушистый снежок, нос замерзал, и трасса была пустынна, как перспективы моей личной жизни. Нужно закрыть глаза и расслабиться. Ну не выйдет же, в самом деле, из леса серый волк, правда? Какие тут могут быть волки? Или медведи, например. Лоси всякие. Так, пара зайцев и белки. Тишина здесь, на забытой богом трассе, на которую я свернула после Т-образного перекрёстка (ну, Ольга, доберусь я до тебя!), стояла необыкновенная. Если отбросить все неприятности, то можно услышать, как падают на колючие ветки высоченных елей невесомые снежинки. Подставить лицу новорожденному снегу было так... приятно? Какое забытое ощущение — стоять, задрав голову к небу, и ловить холодные пушинки языком. Прямо детство! С дерева слетела какая-то птица, обрушившая с ветки целый сугроб и чуть не доведшая меня до кондратия. Ладно, птичка как-тебя-там, спасибо, что вернула в реальность. Конечно же, интернет не ловил и сеть, естественно, «не найдена». Паника липкими пальцами пробиралась за пазуху, а в таких случаях лучше чем-нибудь занять мозг.

Где-то в салоне осталась карта, я открыла дверь и сунулась к переднему пассажирскому сиденью, чтобы поднять с мокрого (привет студентка, попросившая подвезти!) раскисший лист формата А4, на котором Ольга, коллега, распечатала карту, скачанную из интернета. Подсветив себе телефоном, я пыталась понять, это у меня с ориентацией плохо, или карта нагло врёт? Ага, значит, свернули мы с «семёркой» вот здесь, по этой еле видимой серой ниточке. Если же вернуться назад, к перекрестку, то, прошагав еще пару кмэ, можно погреться в придорожной забегаловке без названия.

— Охо! — зычно крикнула сова совсем рядом.

— Да уж! — нервно поежилась я под коротким норковым полушубком. — Сама от себя в шоке, знаете ли.

Сто лет не запирала машину ключом, да и кто угонит-то? Снегири? Сова? Хотелось весело засмеяться, но не получалось. Ну и влипла ты, Женечка!

Идти было далеко, дорогу еще не замело свежим снегом, вокруг красивые ели — ей богу, смотр красавиц для Кремлёвского новогоднего утренника. А вот под раскидистыми нижними лапами, у самых стволов, притаилась пугающая чернота, которая от наведенного

луча телефонного фонарика становилась только страшнее. Ладно, пройдушь пешочком, заодно согреюсь. Ни с того, ни с сего мне вдруг запелось в маршевом ритме: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве, пожелай мне удачи в бою, пожелай-а-а-а-й мне удачи!» Ничего более оптимистичного память не подсказала, но песня бодрила. Через минут десять показался Т-образный перекрёсток и, свернув направо, я зашагала быстрее: прекратился снегопад и легкий морозец принялся покусывать нос и щёки. Прошло время, и запас бодрящих песен, слова которых я знала бы от и до, закончился. Тёмная тень сорвалась на меня так внезапно, что ноги сами присели, а руки закрыли голову. Большая птица скрылась из виду, с ветвей елей, что она задела, падали комья снега.

Ну, хорошо! Пусть здесь редко ездят нормальные люди, но ведь ездят же? Моя надежда не хотела умирать ни первой, ни последней, она жмурила глаза и делала вид, что всё прекрасно. Знакомый писк помог воспрянуть духом: сотовый милостиво сообщал о том, что он пришёл в сетевое сознание. На ходу я искала в телефонной книге знакомый номер и, когда раздались первые гудки, чуть не запрыгала от радости!

— Тётя Тань! Это Женя! Машина сломалась, и я тут заблудилась немного, иду пешком по трассе, замёрзла — жуть! Пусть Михай меня подхватит, а?

Странное молчание тётки поначалу было списано на оторопь от услышанного, но вот родственница, наконец, заговорила каким-то не своим, слегка осипшим голосом.

— Жень, ты же спать ложилась пять минут назад, какая трасса? Вы с Мишкой самогона дедовского хлопнули что ли? Шутите по-дурацки, как дети малые!

— Как спать? Я же не доехала до вас! — мозг отказывался анализировать полученные данные. — Иду вот по свежему снежку, папкина машина за поворотом осталась. У вас тут леса и днём-то выглядят серьёзно, а сейчас и подавно. Страшно! Если Михая жалко бензина, так я бак ему залью, честно!

— Миша! — крикнула тётя в невидимое пространство, и волосы зашевелились под шапкой: я слышала, как там, в знакомом с детства доме, двоюродный брат разговаривал... со мной!

И тётка обращалась ко мне тамошней с укором:

— Жень, тут ерунда какая-то! Шуточки всё ваши, доведете до инфаркта меня, остолопы!

— Тётя Тань, ты чего? — какой весёлый у меня там голос, слегка пьяненький.

— Девушка звонит с твоего номера и говорит, что она — это ты!

— Алло! — как, оказывается, цинично-грозно разговаривает самозваная Евгения с незнакомцами. — Девушка, что происходит, вы кто? Почему пугаете моих родных?

— Ты Женя?

— Да.

— Евгения Васильева? Николаевна?

— Николаевна... — на том конце провода собеседница тоже почуяла неладное.

— Не может быть! Это я Николаевна Васильева!

Но доказать свою правоту не удалось: вопреки полным закромам зарядки, телефон прощально пискнул и погас.

Надежда рухнула в глубокий обморок, а я разрешила себе паниковать и кричать от страха.

— Помогите!

— Ите-ите-ите-те-те! — отвечало с издёвкой лесное эхо.

— Жила была девочка. Сама виновата! — я начинала говорить сама с собой, что, в

принципе, в такой ситуации не удивительно.

Нужно вернуться в машину, утеплиться и ждать утра. В конце концов, высосу бензин и разведу костёр. Или спалю к чертям эту самую «семерку», к утру точно не замерзну, и еще до обеда тепла останется. Я развернулась и сначала не поверила глазам: сочная полная луна, висевшая аккурат надо мной, освещала засыпанную снегом широкую просеку, на которой еле-еле угадывалась какая-то колея.

— Да ну вы бросьте!

Дороги не было. Не было дороги! Не Бермудский же здесь треугольник!? За спиной посёлок Солнечный, указатель проезжала, помню, а вот в той стороне живёт моя родня. Деревня Кленовый стан, улица Совхозная, дом пять.

В итальянские сапожки с евромехом набился снег и невыносимо холодил щиколотки. Как я оказалась в сугробе? Нужно выбираться! Но выбираться было некуда. Снежная девственная равнина серебрилась в лунном свете. Неужели так занесло? Страшась догадки, я повернулась в обратную сторону и закусила губу. Исчезли любые ориентиры, которые подсказывали бы направление трассы. Да и леса больше не было — кое-где, дырявя идеально ровное снежное пространство, высились одиночные сосны. Ноги подогнулись, и я осела. Вскипели и вырвались на волю слёзы непонимания и ужаса. Глаза снова уловили движение — передо мной в позе елочной игрушки сидел большой белый заяц. Трудно было разглядеть его мордочку, но сто к одному — на ней было выражение крайнего изумления.

— Ну, есть что сказать? Или так, понаблюдать решил? — если коллеги узнают, что я разговаривала с косым, то меня прямо из офиса в дурку увезут. — Покажи лучше, где дорога. Мне машину свою нужно найти.

Думаю, на самом деле, заяц не смеялся, просто это активно шевелился его нос, пытающийся определить, чем пахнет странная женщина, сидящая в снегу. Но казалось, что в его лице похихикивала надо мной с издёвкой сама судьба.

— Чего ржёшь, шапка-ушанка?

Косой обиделся и, смешно подкидывая задние ноги, неспешно вышел из чата.

В безумной попытке оживить мобильник, положила его за пазуху — вдруг отогреется и заработает, и тогда я позвоню по номеру сто двенадцать и вызову МЧС. Бравые ребята примчатся на помощь на снегоходах, напоят горячим чаем из термоса, укутают в теплое одеяло, немного пожурят и отвезут домой. Да-да, именно так и будет! Только нужно встать и постараться походить туда-сюда. Подумаешь — легкий морозец! Но самовнушение уже перестало помогать, телефон реанимироваться не хотел, вокруг не наблюдалось ни души, и только оглушающая тишина служила фоном для панических мыслей о скорой смерти. По спине прошла волна странного озноба, словно кто-то стоял сзади и внимательно меня рассматривал. Стало страшно, как в детстве, когда в полутёмной комнате мерещатся ужасные чудовища, а встать и посмотреть, что это всего лишь брошенная небрежно на стул кофта, не хватает мужества. Оглянулась: никого! Как там у Джека Лондона? Белое безмолвие... Накатила странная апатия, почему-то начало клонить в сон, и стоило лишь закрыть глаза, как я провалилась в холодную темноту.

— Ну-ка то! Вставай девонька! Зазябла, ой, зазябла! — во сне со мной разговаривал сам Морозко. Его белая борода в лунном свете переливалась серебром, а изо рта вырывались облака пара. — Каким поветром, какой дорогою добрела, горемыка?

Меня зачем-то пытались поднять на ноги, и оставалось лишь вяло отбиваться: всё равно сил ни на какие активные телодвижения не было. Помню, что уложили на что-то достаточно

мягкое и укрыли сверху тяжелым и тёплым. Отлично! Досыпать в комфорте и под мерное укачивание гораздо приятнее!

* * *

Нет, ну такого же не может быть?! Где-то совсем рядом истошно закричал петух, но один с трудом приоткрытый глаз оптимистично сообщал о том, что ещё темно и можно спать дальше. Тётя Таня же говорила, что петуха головы лишили. Нового завела? Я перевернулась на другой бок, но сон не шёл. Какие-то чужие запахи витали вокруг. Слишком резкие. Раскрыла оба глаза и поняла, что лежу лицом к лицу с девочкой лет десяти. В весьма тусклом свете ночника я с трудом смогла разглядеть круглое личико, заострённое книзу, чуть открытый рот, одеяло, подтянутое под самый подбородок. Немного сориентировавшись в пространстве, с удивлением обнаружила себя на полу, а за спиной еще пару детишек. То есть нас всех четверых уложили на одну постель? А как же диван в гостиной? И тут мой взгляд наткнулся на ночник. Ну как ночник — горящая щепка в металлической подставке. Привстав на локте, заметила женщину, нагнувшуюся к печке. К печке?! Пришлось сесть для ясности мышления.

— Здравствуйте! — громко прошептала я, боясь разбудить детей. — Меня Женя зовут!

— Оклемалась, голубушка! — трудно было сказать, сколько хозяйке лет. Голос молодой, но в полумраке лицо её казалось морщинистым и одутловатым.

— Я по дороге заблудилась, знаете, у меня там машина осталась, забрать бы. У вас в деревне трактор есть?

Женщина слушала меня, кивала и слегка улыбалась, как капризному ребёнку, которого иной возможности успокоить нет. Скрипнула дверь — в помещение вошел давешний Морозко, хозяин, судя по всему. Он подошел к женщине, и та, продолжая мне улыбаться, принялась что-то нащёптывать супругу на ухо. Мужчина был одет странно даже для деревни. Может, староверы? Медицину отрицают, машины, интернеты всякие? Как жаль, что я не интересовалась этой темой, теперь вот думай, как себя вести.

— Спасибо, что помогли! Извините, не знаю, как вас зовут. Но вы прямо как МЧС!

Мужчина слегка нахмурил густые брови, что в условиях плохой видимости выглядело угрожающе. Женщина прикрыла рот ладошкой и покачала головой.

— Чудно говоришь, девица. Спи покуда! — приказной тон Морозко немного напряг, но что взять с человека, просыпающегося ни свет, ни заря.

Я послушно улеглась на место и стала вспоминать, куда сунула мобильник. Ну не могут же люди, пусть и староверы, совсем без электричества и связи жить. Лишь бы зарядка нужная нашлась. Рядом сладко посапывали ребяташки, и не было никакой силы сопротивляться желанию снова закрыть глаза. Спать до обеда я умела с детства, с годами этот навык оттачивался регулярными тренировками. Странно было ощущать, что уже день, но открывать глаза всё в том же полутёмном помещении. Почему такое маленькое и грязное окно в комнате? Я осмотрелась: рядом уже никого не было; тихо, даже слишком. Ладно, пойду искать туалет. Полушубок лежал на лавке, похожей на реквизит для какой-нибудь исторической постановки. У самой печки отыскались и сапожки. Одевшись, я вышла на улицу и столкнулась лицом к лицу, то есть к морде флегматично жующей лошади.

— Привет, коняшка, как дела? Где у вас тут уборная, не подскажешь? Не подскажешь!

Ладно, сама найду. — пришлось протискиваться мимо большого тела, закрывающего обзор. И вид простого крестьянского двора меня обескуражил окончательно. Никаких признаков цивилизации не наблюдалось: утоптаный снег, сероватая солома, раскиданная клоками тут и там, аккуратно сложенная поленница, вилы, прислонённые к деревянному столбу, поддерживающему крышу навеса. Романтика! Справа от очень скромного крыльца заметила ворота с калиткой и решила выглянуть на улицу. За секунду до того, как несущаяся лошадь чуть не сбила меня с ног, всадник резко крикнул и огромное животное встало на дыбы, опасно вскинув большие копыта. Я шатнулась в сторону, но мужчина, у которого я смогла разглядеть лишь колючие светлые глаза, стеганул воздух плёткой и выругался непонятными словами.

— Ох, тетеря! — жена моего спасителя тянула за рукав обратно во двор.

— У вас правила совсем не соблюдают что ли? Носятся как дикие. И мне бы в туалет.

По всему видно было, что объяснять просьбу придётся жестами. Как могла обрисовала ситуацию, и хозяйка повела меня на задний двор, в углу которого стоял странный шалаш. Там я обнаружила доску с отверстием, установленную над ямой. Отлично! Ватерклозеты, по-видимому, в этой деревне не приветствовались, а уж о том, чтобы помыть руки, жители даже и не думали. Нужно как можно быстрее попасть домой, иначе в этом псевдоисторическом антураже я и сама одичаю.

Глава 2. Гостеприимство

Окно в избе, а это была именно изба, затянули странным материалом, похожим на тонкую кожу. Конечно, он немного пропускал свет, то есть позволял определить, светит солнце снаружи или нет. Странные люди, стекло-то им чем не угодило? Беспокойство усилилось после того, как я не обнаружила ни одной розетки или заваливающего пыльного электрического проводочка. Ну, точно туристическая деревня, воссоздающая быт Древней Руси. А что, хороший бизнес, полное, так сказать, погружение. Дико хотелось курить, я бы сейчас купила сигаретку по цене пачки у любого спрятавшегося от взрослых за углом пацана. Должен же быть здесь сувенирный киоск, или как её... лавка!

— Хозяюшка, я имя хотела ваше спросить, а то как-то неудобно общаться. Некомфортно и вам, и мне! — вежливо вроде бы спросила, без хамства.

Однако женщина снова прикрыла ладошкой рот и покачала головой. Может, она слышит плохо?

— Спрашиваю, звать вас как? — прокричала я, наклонясь к её уху.

— Пуще грому! — хозяйка говорила сама с собой. — Беду накличет, ой, накличет!

— Кто накличет? Я что ли? Женщина, вы меня вообще слышите? А?

— Кисель постыл, ешь!

— Что, простите?

Сунув в руки глиняную миску с каким-то белёсым мутным желе, хозяйка ретировалась, оставив меня одну. Выхватив из берестяного стакана выдавшую виды деревянную ложку я попробовала съесть этот самый кисель. Вкус был неприятным, если не сказать хуже. Сами пусть едят своё варево!

Порыскав по лавкам и закуткам, я отыскала и сумку, и сотовый в ней. Найдутся добрые люди, подскажут дорогу к трассе. Решительно натянув шапку, шагнула через порог и снова уткнулась в лошадиную морду.

— Слушай, ты бы отошла что ли?

Лошадь не ответила, да никто, собственно, и не ждал.

На улице никого не было. Постояв у ворот, я двинулась наугад в направлении солнца. Неказистые избушки, неровные, кое-где латаные заборы, снежная колея вместо чищенной дороги, ни одного фонаря, не говоря уже об указателях. Глухомань, да и только! Далеко уйти я не успела. Позади послышался конский топот, и кто-то закричал: «Вона, вона на тропке, хватай, лови!» Сильные руки двух всадников подхватили меня под мышки и, приподняв над землёй, закинули поперёк лошадиной спины. От неожиданности и сильной тряски — лошадей пустили галопом — ни сказать, ни крикнуть ничего не смогла. Сверху прижимали, не давая вырваться, и только холодная снежная крошка, вылетающая из-под копыт, била по лицу, мешая осмыслить ситуацию. Мучительная скачка длилась минут десять, но у меня было ощущение, что несколько часов. Непривычное к подобным силовым экзерсисам тело ныло и болело в самых неожиданных местах, кружилась голова и во рту пересохло. С каким-то весёлым отчаянием я подумала о том, что староверы из туристической деревни, возможно, промышляют похищением людей и продажей их на органы. И тут они, похоже, здорово промахнулись: в моем организме на данный момент не осталось ничего целого и нормально функционирующего. Варвары, такой товар испортили! Но вот лошадь заметно сбавила темп, и я сумела разглядеть высокие тёмные ворота, подвешенные к украшенным

резьбой столбам. Выглядела постройка в разы добротнее и красивее, чем у приютивших меня статистов. Неужели к начальству привезли? Хлопнув по моей обтянутой джинсами попе, всадник потянул за ноги вниз и, поддерживая за локоть, чтобы я не упала, подтолкнул вперёд:

— Ступай!

Пришлось шагать по утопанному снегу, пока похитители переговаривались и посмеивались сзади. Я не понимала половину слов, но ясно, что их весьма забавит мой внешний вид. Большой двор был почти безлюден, если не считать нескольких девушек в перевязанных прямо поверх сарафанов теплых платках. Девушки подглядывали из-за угла какой-то хозяйственной постройки и хихикали. Что ж они все юмористы-то такие, мне вот совсем не смешно, а даже немного страшно. Под раскрашенной крышей крыльца находились лестница в два пролёта, резные перила и человек со знакомым злым прищуром светлых глаз. Многослойная одежда, отороченная мехом, и высокая меховая же шапка не давали в полной мере оценить ни его возраст, ни телосложение.

— Вот, Мстислав Годинович, добыли девицу чужеземную.

— Уважили, други! Пестя! — крикнул хозяин куда-то позади себя, и тут же из дверей показался сухонький сутулый человечек неопределенного возраста.

— Бегу, бегу! Опередь хотел казну перетрясти.

— Пестя!

Немного недовольный тем, что его не выслушали до конца, человечек подбежал к моим похитителям и вручил каждому что-то в ладонь. Судя по звуку, это были монеты. Значит, продали меня?!

— Минуточку, уважаемые! А что здесь происходит?

В установившейся тишине хозяин дома медленно спустился с лестницы и, заложив руки за спину, подошел ко мне. Теперь я могла близко рассмотреть лицо. Тонкий нос с горбинкой, колкие серые глаза, аккуратные тёмно-русые усы и бородка, ровная, чуть смугловатая кожа. Мужчина как-то криво улыбнулся и белые ровные, без малейшего изъяна зубы, блеснули в хищном оскале.

— Величают как?

— Женя!

Незнакомец слегка качнул головой и отошёл, вытянув в сторону дома руку с раскрытой ладонью.

— Прошу гостевать, девица жданная!

— Кем это жданная?

Но ответа не последовало.

Деревянные ступеньки слегка поскрипывали под ногами, и отчего-то вспомнился бабушкин старый деревенский дом. Мурашки пошли по коже, и я передернула плечами, отгоняя непрошенные мысли. Нельзя расслабляться, нужно разобраться, чего от меня хотят. Хозяин шёл сзади, отсекая пути к бегству. Такого здорового легко не оттолкнуть, ещё и сдачи даст — с него станется! Внутри было как в сказке. Нет, правда — у меня в детской книжке про Сивку-Бурку был изображён именно такой расписной зал с длинными столами и скамьями, с деревянным царским тронem.

— Проходи, садись. Есть хочешь?

Что-то неуловимо изменилось в стиле общения.

— Хочу. Только не кисель!

— Хм... Это ты зря. Кисель здесь варят овсяный, от всех хворей полезный. Витаминов полно и микроэлементов. Клетчатка опять же!

— Слушайте, если вы моё тело на органы решили пустить, то это зря. Меня ведь ищут уже!

Мстислав Гоудинович снял шапку и небрежно бросил ее на стол. Чуть влажные от пота волосы прилипли ко лбу, и он пальцами зачесал их назад. Теперь можно было дать ему лет этак тридцать — тридцать пять. Не старый ещё мужик. Симпатичный.

— А если вы рассчитываете на выкуп, то единственное, что могу предложить, это отцовская «семёрка», которую я где-то потеряла. Понимаю, трудно в это поверить, но так и есть. Честно.

Хлопнув в ладоши, хозяин сел на свой трон с высокой спинкой и откинулся назад. Как любят вот такие люди изображать из себя вершителей судеб. Сидит, наверное, на бюджете, туризм внутренний развивает и наслаждается властью. В комнату вошли давешние девушки и принесли глубокие миски с едой, хлеб и крынку с каким-то напитком.

— Поешь. Еда успокаивает и настраивает на мирный лад.

Меня не нужно было уговаривать, тем более, что прямо перед носом поблескивали золотистыми бочками куриные ножки, искрилось капельками влаги сбитое в горку масло, а ржаной каравай пах так вкусно, что рот моментально наполнился слюной.

— Давайте так, — прожевав нежнейшее мясо, я совершенно по-свински утёрла ладонью жирную струйку, сбегаящую с подбородка, — вы меня просто докинете до Кленового стана, и мы разойдёмся без обид. Зачем вам проблемы?

— Не могу, — Мстислав вытянул ноги, отчего слегка съехал вперёд, — нет твоего Кленового стана.

— То есть как? — кусок хлеба с маслом намертво застрял в горле, я начала задыхаться, но выкашлять проблему не удавалось.

Хозяин вскочил, в два прыжка оказался рядом, подхватил под живот и резко вскинул моё тело вверх. Злополучный кусочек вылетел изо рта, но горло нещадно саднило, из глаз и носа потекло. Мстислав принялся вытирать влагу с моего лица полотенцем.

— Когда я ем, я глух и нем. Слышала про такое?

— Ещё в детском саду. — дыхание постепенно выравнивалось, и я с благодарностью приняла из рук спасителя кружку с напитком, напоминающим не слишком сладкий компот.

— Узвар ягодный. Нынче год был урожайный, запасов сделали много.

— Понятно. Финансирование урезали, да? На подножный корм перешли?

— Ничего тебе не понятно, Женя!

— Точно! Не понятно, как это — нет Кленового стана?

— Не появился ещё. Ну, или появился, но не здесь. Ты в другую реальность попала, милая.

— Ой, выходите уже из роли, я вам не наивная туристка. Меня это вот всё совершенно не удивляет. Даже ваше водевильное имечко: Мстислав! А чего не Вещий Олег или Ярослав Мудрый, к примеру? Совершенно не впечатляющую постановку разыгрываете!

Резко нагнувшись к моему уху, Мстислав прошептал:

— Погоди, впечатлений будет ещё много!

— Только не говорите, что у вас тут подпольный бордель, и вы девушек на трассе воруете. Ей-богу не смешно!

— Трассы тоже нет! — белые зубы вонзились в куриное мясо, и мое сердце пропустило

один удар: клыки у Мстислава были чуть длиннее и острее человеческих. Может, он вампир? Ну, а что, ворует людей, кровь из них пьёт. Глотнув узвара, я хрипло поинтересовалась:

— Денег на солярку для грейдера тоже не выделяют? Тяжко вам приходится!

— Грейдеров нет, солярки, дорог и асфальта. Автобусов, электричек, автомобилей и даже велосипедов. Не-ту!

— Не смешно!

— А я и не смеюсь, милочка. Сквозь дыру ты прошла. Как и другие.

— Дыру? Какую дыру? Сами-то верите в свой бред?

— Все стадии прошёл, хотя было тяжело. Но, как видишь, освоился. Обжился. И тебе советую. Кстати, ты бы одежду сменила, а то народ у меня простой, без затей. Завалят и своё возьмут.

— Своё?

— Твоё, Женя.

И тут я задала мучивший меня вопрос:

— А почему жданная? Откуда знали, что я потеряюсь, и вы меня найдёте?

— Знак был, люди видели. Студенец вроде как сигнал посылает, что готов заморозить очередную перешедшую портал жертву — сполохи в небе запускает над тем местом, где человек погибает. Вот тебя Ляшка и нашёл.

— Кто?

— Ляшка, у которого ты в избе ночевала.

— Ну и имечко!

— Какое уж есть.

— А Студенец кто? Местный маньяк? — этот придурок перестанет издеваться надо мной или нет?

— Можно и так сказать, — хозяин улыбнулся.

— Прикольно у вас тут всё организовано. Весело. Хорошо, ну сани-то есть в вашем хозяйстве? Я готова ехать на санях до ближайшего населенного пункта, где есть телефон и электричество.

— Ты не поняла. Отсюда невозможно уехать. Из этого мира. Да и не ищет тебя никто.

— Ищут, ищут!

— Подумай хорошенько...

И тут я вспомнила разговор с теткой, и той, другой Евгенией. Сразу пропали аппетит и настроение. Я ещё разберусь, что за дела творятся в моей семье!

— Хорошо, дам тебе возможность самой во всём убедиться. — Мстислав смачно облизал пальцы и зычно крикнул:

— Волче!

Тот, кого звали, не показываясь минуты две, хозяин встал и, добавив к крику удар кулаком по столу, рявкнул со злостью:

— Волче, пёсий сын! Шкуру спущу!

Скрипнула дверь под низкой притолокой, и в гостиную, или как там её называют, вошел мужчина, одетый в серые меха с ног до головы: шапка, полушубок странные сапоги, чем-то напоминающие сибирский пимы. Серая гора поклонился своему господину и что-то буркнул.

— Давно плетей не получал? Приспалось ему! С чего приспалось-то? С кем приспалось? Опять у бабы какой меж грудей? Сколько раз говорено: не порть мне девок! Где

обещанный глухарь? Где сохатый? Который день пустой вертаешься! Э-э-э, да что с тобой, раззявой, разговаривать! Девицу свезёшь, куда потребует. Охальничать не смей, заporю! Иди, каурого запрягай в кленовые розвальни. Те, что новые, да жди во дворе!

Человек что-то снова буркнул в ответ, поклонился и вышел.

— Ну, езжай, Женечка, поищи свой Кленовый стан. Шубею дам тебе бобровую — не замёрзнешь. А коли устанешь, возвращайся, приму с распростертыми объятиями, а то мне тут и словом человеческим перекинуться не с кем.

— Нет уж, лучше вы к нам на Колыму!

— Ну-ну! — усмехнулся Мстислав. — Не прощаюсь!

Одна из сотрудниц этого заповедника диких древних нравов принесла мне огромную шубу коричневого меха, которая, при моем не маленьком росте, свисала до самого пола.

Пару раз чуть не запнувшись, я спустилась с крыльца. Волче — забавна фамилия — вёл в поводу лошадь, запряжённую в сани. Неудачливый охотник весьма фамильярно закутал мои ноги в меховой полог, подтянул повыше ворот шубы и, оглядев меня запелёнатую, чуть заметно кивнул. Сел спереди, взял в руки вожжи, негромко свистнул, лошадка дёрнула головой, сдвигая с места груз, полозья скрипнули, и мы выехали через распахнутые ворота.

Глава 3. Хищники

Никто бы не поверил на моём месте. Никто в ясном уме и твёрдой памяти не принял бы на веру все эти словечки, грубую силу и отсутствие удобств. Потому что так не бывает в нормальной жизни, а я была уверена, что проживаю именно её.

Зимнее скупое солнце скатывалось к верхушкам высоченных елей, сани замедлили ход и остановились. Сколько мы ехали? Минут пять? Возница что-то глухо проговорил.

— Не слышу! — мне вовсе не хотелось любезничать с этим актёром-самородком. — Можете яснее говорить?

— Куда?

— Ехать? Не знаю... к большой дороге, районной. К тракту, шоссе, трассе, магистрали.

— Далече к большой...

— А пофиг! Вам сказано везти, вот и везите!

Сани снова резко дёрнулись вперёд, а меня откинуло назад. Мелкая месть гадкого человека. Но вскоре злые мысли куда-то улетучились. Розвальни еле слышно шипели по снегу, словно просили не шуметь. Было в этой поездке и мерном шаге лошади что-то такое, что вдруг заставило часто-часто биться сердце: я неожиданно прониклась этим лесом, этим морозным воздухом, даже этой большой спиной в сером меховом одеянии. Мне словно влили самый чистый, самый энергетически заряженный кислород в кровь, она забурлила, заволновалась. Жаль, что скоро останется позади чудесный пейзаж и странные люди, верящие в представление, что разыгрывают перед туристами. Да и бог с ними!

— Большак.

— Чего?

— Приехали.

— Стоп! Куда приехали, какой большак?

— Большая дорога на Белую реку. Оттель и до Возянки дотопаешь.

Я с сожалением выбралась из-под мехового тяжёлого полога и огляделась: никаких признаков сколько-нибудь нормальной дороги не было видно.

— Шутишь что ли? Нет тут твоего большака!

— Запорошило. — мне показалось, или в голосе мужчины прозвучала ирония?

Тревога заставляла нервничать. Вечерело, а этот питекантроп оставлял меня среди леса на произвол судьбы. Ведь ясно же, что ни до какой Возянки или Белой реки одна я не дойду.

— Скатёрушкой ровненькой дороженька, девица! — верзила почти вытолкнул меня из саней.

Лошадь несколько раз вскинула голову, прощаясь, видимо, и, неуклюже переступая, принялась разворачиваться в обратную сторону. Мужчина в розвальни садиться не спешил — животному, увязаящему в глубоком снегу, и без того тяжело. Надо же, какие нежности, подумала я совершенно некстати. Тётя часто говорила, что главная моя проблема — гордыня. Ни помощи попросить, ни в слабости признаться. И вот именно сейчас я была с родственницей совершенно согласна, но переделывать собственную натуру пока была не готова.

Розвальни с возвышающейся над ними серой спиной казались кораблём, отплывающим от необитаемого острова, на котором в совершеннейшем одиночестве остаётся Евгения Васильева. Крикнуть бы, попроситься обратно, но слова застряли в горле костью. Ничего!

Доберусь до цивилизации, я им такую антирекламу обеспечу! Жалко, что сотовый сел, а то бы и фоточек подходящих в соцсети накидала бы!

Шагать по снегу было совершенно невозможно, но я решила не сдаваться и пропахала метров тридцать белоснежной целины, пока изрядно мешающая продвижению длинная шуба не начала действовать на нервы. Пришлось остановиться и отдышаться. Солнце садилось как-то слишком быстро, и длинные тени от деревьев всё больше растворялись в сумраке. Вспомнив предыдущую ночь, я содрогнулась от страха. Как можно быть такой гордой дурой? Могла бы улыбнуться, как умеешь, Женечка, попросить довести до этой самой Белой речки, раз уж возвращаться не хотелось. Но насладиться жалостью к себе я не успела: совсем рядом, за стволами деревьев, кто-то бесшумно двигался. Вскоре стало понятно, что тех, кто неотвратимо окружал меня, было несколько.

Такого животного, испепеляющего остатки разума страхом я ещё не испытывала. Горящие в сгущающейся темноте жёлтые глаза не оставляли сомнений — волки решили поужинать моим молодым телом, и никакой возможности спастись от страшных смертоносных клыков не было. Дедушка рассказывал, что на заготовке дров ему пришлось как-то целую ночь сидеть на сосне, пока волчья стая, вольготно расположившись под деревом, спокойно дожидалась, когда окоченевшая от холода добыча сама упадёт в их пасти. Тогда деда спасли коллеги, заподозрившие неладное и примчавшиеся на выручку. Сейчас хищники вели себя пугающе странно: неспешно окружали, садились, и даже ложились на снег, один волк и вовсе немного покатался на спине, задрав воздух крупные лапы. Я прижалась к дереву, на которое взобраться не сумела бы — ни одно сучка, и лихорадочно вспоминала, что нужно делать при нападении бродячих собак. Вот только волки — это не дворняжки, их камушком не отгонишь, да и где я камушки найду? Даже снежок не слепить, снег сухой. Постепенно сужая круг, волки подходили всё ближе и высоко задирали морды, ловя непривычный запах. Вряд ли в их чаще кто-то пах ланкомовскими духами.

С собой были ключи от дома, телефон, массажная расчёска и спрей для свежести дыхания. Медленно, чтобы не спровоцировать нападение, я сунула руку под шубу и нащупала в сумке, висящей через плечо, маленький баллончик. Почти одновременно с этим самый нетерпеливый волк кинулся вперёд, и его челюсти сомкнулись на рукаве шубы, больно скользнув по коже — я успела инстинктивно поднять руку вверх, защищая горло и лицо. Пальцы второй лихорадочно разворачивали носик спрея в сторону хищника и успели нажать ровно в тот момент, когда вторая зверюга кинулась с другой стороны. Волки, озадаченные неожиданно резким запахом, отскочили; один смешно чихнул, сморщив морду, но голод, похоже, был сильнее осторожности. Ещё один прыжок, и большое сильное тело повисло на воротнике, не долетев до шеи буквально пару сантиметров. Что-то щёлкнуло в голове, какой-то аварийный автопилот притормозил ход времени и подключил хладнокровие. Теперь я понимала выражение «как в замедленном кино» — именно так всё и было. Нацелила носик спрея прямо в глаз дергающего шубу из стороны в сторону волка и нажала. Хищник заурчал, потом заскулил, но не отпустил воротник. Тогда пришлось методично бить его по голове и глазам баллончиком. словно не было с десятков других, ждущих своей очереди зверей. Пока они только настороженно принюхивались к ментоловому запаху ароматизатора и шаг за шагом подходили ближе. Рывок влево чуть не сбил с ног: зверь вцепился в шубу под мышкой, опять каким-то чудом не задев тела. Спасибо тебе, Мстислав Гоудинович, за во всех смыслах защитную одежду, подумала я, и больше ни одной мысли в голове не осталось — лишь парализующий волю ужас. Смелости хватило ненадолго. Волки прыгали один за другим, и

пока только ствол дерева держал меня на ногах, не давая хищникам повалить на снег и вгрызться в горло.

Свист я расслышала не сразу, поначалу казалось, что это гудит голова, но внезапное чувство облегчения заставило широко открыть крепко зажмуренные от ужаса глаза. В нескольких шагах от меня стоял Волче, это он свистел, отзывая стаю. Сейчас перед ним сидели и бродили из стороны в сторону, но не смели снова броситься на жертву раздражённые и всё ещё возбуждённые волки. Шуба была разодрана в клочья, саднили бок, нога и обе руки, ныла шея — звери так сильно дёргали меня, что голова моталась как воздушный шарик на ветру. Я хотела что-то крикнуть, но сведённые судорогой губы совсем не слушались. Ноги подогнулись и подняться снова не было сил. Крупная дрожь била всё тело, и мне было трудно понять, что происходит между женщиной и зверями. Странно осознавать, что тебя только что чуть не съели. Вот волки один за другим — цепочкой, потянулись прочь, в черноту леса. Большая фигура высилась теперь надо мной. Чего этот увалень хочет? Добить? Но Волче нагнулся, удивительно легко поднял меня на руки и понёс прочь. Оказалось, что недалеко стоят всё те же розвальни, на которые меня бережно уложили и укрыли меховым пологом. Если вся эта псевдославянская братия хотела проучить гордую горожанку, то справились она с задачей блестяще: единственное, чего сейчас хотелось, так это забиться в какой-нибудь безопасный тёмный угол и не высовывать оттуда носа.

Словно со стороны я наблюдала за женщиной, отрешённо глядящей на бесконечные деревья, снежные поляны и движения человека, подгоняющего лошадь. Куда вёз её этот опасный мужчина? Через какое-то время сани остановились возле крепких ворот. Осмотревшись, я не обнаружила других домов рядом. Одинокий волк живёт на отшибе? Не удивительно с таким-то характером и человеколюбием. Думала, что снова вытолкает в снег, но Волче перекинул меня кулем через плечо и занёс в просторный, гораздо больше, чем изба Ляшки, дом и буквально привалил к едва тёплому печному боку. Сам он занялся растопкой, зажиганием свечей, манипуляциями с посудой и какими-то кореньями. Отогреться не получалось, дрожь всё ещё сотрясала тело, стучали зубы и помимо воли из горла вылетали короткие стоны и совершенно щенячье поскуливание. Однако хозяина дома мало волновало душевное и физическое состояние гостыи. Он даже не смотрел в мою сторону, кулинар хренов. Дремотное забытьё было настоящим благословением, на какое-то время я выпала из реальности и парила в обволакивающей теплом неге, возникших из ниоткуда травяных ароматах и странном монотонном звуке, который трудно было сразу идентифицировать. Длилось блаженство не так уж и долго — Волче теребил за плечо, протягивая маленькую глиняную миску с чем-то жидким и горячим.

— Не обварись!

Такая забота могла бы тронуть, но перед глазами всё ещё стояли оскаленные клыки и розовые волчьи дёсны под сморщившимися серыми губами. Вареву расплескалось, едва я взяла посудину в дрожащие руки. Мужчина еле слышно вздохнул, поднялся с корточек и вернулся уже с деревянной ложкой.

— Ну-ка то! — ложка уткнулась в губы, и пришлось открыть рот, чтобы проглотить нечто, отдаленно напоминавшее коктейль из микстуры от кашля и прокисшего компота.

Буквально с третьего глотка по телу понеслась горячая расслабляющая волна. Такой же эффект я испытывала от хорошего коньяка, но в вареве вроде бы не было алкоголя.

— Что это?

— Пей! — ложка снова была полна. — Спать на печку полезешь.

— Угу...

Теперь я могла сфокусироваться на внешности своего мучителя-спасителя, и увиденное меня изрядно удивило. Скинувший в доме шапку и свою волчью шкуру мужчина выглядел весьма впечатляюще. Имея в кузенах Миху, с самого детства занимавшегося различными единоборствами и остановившегося в итоге на дзюдо, я могла с первого взгляда оценить мышечную массу и физическую подготовку собеседников. Этот выглядел идеально: отличный баланс между нижней и верхней частью тела, крепкая шея, великолепно развитые грудные мышцы, которые хорошо заметны под холщовой рубахой с расстёгнутым воротом. Атлет, которому в пору позировать начинающим художникам. Лицо Волче при этом нельзя было назвать красивым. Нет, не так — смазливым. Не было в этих скулах, едва заметно скошенном (в драке сломали?) вправо носе, прямых темных бровях ничего приторного. Самыми притягательными были пронзительно синие глаза, густо опущенные почти черными ресницами, которым позавидовала бы любая девушка. И зачем мужикам такие опухала, что за несправедливость? Мои были куда скромнее. Глаза Волче умели... сиять? Или огоньки свечей пускали блики по радужке, или в питье и вправду плеснули коньячка, или это нервы расшалились?

— А ты симпатичный! — зачем-то выпалила я, но, не заметив понимания во взгляде, сконфузилась.

Не хватало еще выказывать интерес, хватит с него удовлетворения от страшного и глупого розыгрыша с волками. Мужчина и бровью не повёл, вручил мне плошку с остатками питья, а сам вынул из печки горшок, в котором, как оказалось, нагревалась вода, и вылил её в деревянную кадку.

— Обмыться бы тебе, горюха. Вот! — и бросил на стол возле кадки комок тряпок, видимо, полотенец.

Послушно поднявшись с пола, я скинула шубу, и плечам сразу стало легче. Рукава толстовки были подраны в клочья и покрыты засохшей кровью. На джинсах тоже зияла окровавленная прореха. Нужно было раздеваться.

— Отвернись! — скомандовала я, и Волче с каменным лицом ушел за печь.

Зеркала здесь, конечно же, не было, но и без него ясно, что волки нанесли несколько заметных ран. Придётся делать уколы от бешенства, и тогда на полгода прощай выпивка, баня и ныряние после парной в прорубь. Черт вас дери, уроды! Сколько у меня времени на то, чтобы привиться вакциной? Кажется, сорок восемь часов?

Глава 4. Волчица

Толстовка полетела на пол, следом за ней джинсы и колготки. Стоя босиком на холодном полу в трусах и лифчике, я мечтала о горячей ванне с ароматическими маслами, о шампуне и бальзаме для волос, о большом пушистом полотенце...

Ну почему, почему Михай решил устроить семейные посиделки и именно в тот день, почему я не согласилась поехать с ним, зачем нужно было доказывать свою самостоятельность? Допрыгалась, сильная женщина? Допрыгалась!

— Ай-ай, мамочка! — рана на руке оказалась глубже, чем я думала, от воды её защипало неожиданно больно.

— Дай-ка! — внезапно появившийся у стола Волче уже тянул мой локоть в свою сторону. Зря это он!

— Что, испугался? И правильно! Я на тебя в суд подам, дебил! Урод! Как ты мог меня бросить там одну? А если бы они меня разорвали? Твои псы? Они же твои, да? Ты их научил на людей кидаться? Сволочь ты, придурок лапотный! Да убери ты свои клешни, я сама справлюсь, не маленькая! — для вящей убедительности я даже саданула кулаком по мужскому плечу, но Волче не сдвинулся с места, а продолжал внимательно осматривать рану.

— Сама достанешь? — деловито спросил он.

— Что достану? — я немного опешила от такой железобетонной непробиваемости. — Где?

— Гляди.

Теперь и я увидела маленький кусочек меха, застрявший глубоко в ране. Сейчас весьма пригодился бы пинцет, но его искать здесь было бесполезно.

— Пинцета у тебя, естественно, нет. А спички? Спички есть? Вата? О-о-о, о чём это я! Хорошо... булавку дай, палочку, не знаю, щепку в конце концов!

Нахмутив брови, Волче внимательно смотрел на мои губы, пытаясь вникнуть в смысл произносимых слов. Отошёл, вынул откуда-то большой узкий нож.

— Руку рубить не дам, — вяло пошутила я.

Но мужчина потянулся к сваленным у печки поленьям и, выбрав одно, точными движениями принялся срезать тонкие щепочки.

— Годно?

— Годно! Только свечку поставь поближе.

Закусив губу, я принялась ковырять щепкой в ране. А пока занималась самоврачеванием, хозяин нырнул куда-то за дверь и вернулся с маленьким, почти игрушечным горшочком. Внутри оказалась тёмная тягучая субстанция, пахнувшая травой и тухлятиной. Волче перемешивал её палочкой и ждал.

Но вот я достала злополучный кусок, и только тогда, когда новый знакомый принялся омыывать, смазывать, а потом и бинтовать мне руку, поняла, что стою в кружевном нижнем белье перед молодым, здоровым и, судя по всему, одиноким мужчиной. И ведь отбиться не сумею, если что. Хотя Михай и учил меня приёмам самообороны, но все как-то перерастало в шутку, а надо было бы посерьёзнее отнестись к делу.

Однако Волче смотрел на меня, как на нечто недушевлённое, без всякого интереса. Закончив перевязку, принялся осматривать и другие раны, присел и повёл рукой по бедру, но

видно там всё было более или менее в порядке, потому что предводитель волков встал, потёр шею и молча ушел за печь. Что за люди?

Вернулся хозяин с рубахой и штанами из какой-то грубой серой ткани.

— Не брезгай, не ношено. Подхват какой найду, и будет впору, — пробурчал он и снова скрылся за печкой.

На вид одежда и вправду была новой, но слишком уж большой. Выглядела я во всем этом грустным Пьеро, который утирает нос свисающими рукавами. Рубаха доходила до колен и при известной доле воображения могла бы сойти за стильное платье а-ля рус. Одно радовало: штаны были длинноваты совсем чуточку. Волче принёс плетёный из тонких колючих веревочек пояс, больше похожий на макраме, выполненное ученицей пятого класса. Но за неимением других ремней и этот сойдёт.

— Давай-ка пособилю, — большие ладони сцепились в замок, и я догадалась, что Волче предлагает мне что-то вроде ступеньки.

Воспользовалась помощью, я оказалась на печке, укрытой меховым — кучеряво живут — покрывалом. Подушками служили скатанные то ли одеяла, то ли просто куски ткани. Ну, всё лучше, чем на полу.

Влияние печки на физическое состояние человека вовсе не преувеличивали. Если бы существовало кенгуру, карман которого спокойно вмещал бы высокую женщину, то я сейчас в нём, по ощущениям, и блаженствовала.

Волки окружали кольцом, то и дело устарашающе кидались на пол шага вперёд, оскаливая зубы, и отступая назад — пугали. Но страха не было, даже когда за спиной я услышала угрожающее рычание вожака. Обернулась, и тут же спереди налетела крупная белёсая волчица. Она метила прямо в горло, но я успела шагнуть в сторону. Прوماхнувшаяся хищница отбежала и приготовилась ко второму прыжку. Вдруг звери прижали уши, поджали хвосты и присели на задние лапы. Передо мной на залитый луной снег легла большая тень. Стая сорвалась с места и побежала по белоснежной равнине, оставляя лишь едва темнеющую цепочку следов. Всё ещё разгорячённая такой скорой победой, я обернулась к защитнику и отшатнулась в ужасе — сверкая огромными белыми клыками, на меня надвигалась кроваво-красная пасть...

Удар головой был слишком сильным, я забыла, как низко потолок нависал над печкой, зато боль сразу привела в чувство и избавила от кошмара.

Дико хотелось пить, но тело, вчера еще верой и правдой служившее мне каждой клеточкой, сейчас нещадно сопротивлялось — опухли и, по-видимому, воспалились раны, невыносимо ныли мышцы, отказываясь подчиняться приказам мозга. Слезть самостоятельно с печки, как это не обидно было признавать, я не могла.

— Волче! — позвала я куда-то в крошечную темноту, но ни ответа, ни даже дыхания крупного спящего мужчины не было слышно.

Ладно, мне не привыкать всё делать самой! И чего это я раскисла, обвиняя себя накануне в излишней самостоятельности? Только так и можно выжить, ведь на сильный пол надежды нет ни-ка-кой!

Кое-как перевернувшись на живот и свесив ноги, попыталась нащупать ступнёй какой-нибудь печной выступ или ямку, но не нашла; пришлось прыгать, и это было крайне неосмотрительно. Приземление мягким и тихим не получилось: заболело всё и даже то, от чего никак не ожидаешь такой чувствительности! Странно, что на звук задетой и опрокинутой лавки тоже никакой реакции домовладельца не последовало.

Хорош хозяин! Бросил раненого человека в темноте и одиночестве.

Нужно было успокоиться, расслабиться и вспомнить, что и где стояло в помещении. Вроде бы Волче зачёрпывал воду в небольшой бочке у самой входной двери. Вытянув руки и вода ими из стороны в сторону, я дошла до пункта назначения и, нащупав “хвост” деревянного ковшика, зачерпнула живительной влаги. Вода была ледяной, отчего жутко заломило зубы, зато жажда исчезла и голова немного прояснилась.

И куда, интересно, делся этот человек? Неужели поехал к Мстиславу докладывать? И сейчас примчится довольный собой Гоудинович, и зальёт городскую гордячку отборным сарказмом?

Я уже тихонько продвигалась обратно, когда со двора раздался громкий женский голос:

— Пусти, постылый!

— Не ходи, Малуша! — отвечал-отговаривал невидимую мне собеседницу Волче.

Интересно! А тут, оказывается, мексиканские страсти кипят! Неловко развернувшись и больно ударившись раненым бедром об угол стола, я чертыхнулась, но вернулась к входной двери. Тут она с силой распахнулась, оскорбленно звякнув железным засовом, и впустила в дом женскую фигуру, детально разглядеть которую не имелось никакой возможности.

В запале не заметив меня, гостья прошла до печки; и в слабом свете луны, вместе с морозным воздухом льющимся со двора в открытую дверь, я увидела, как неизвестна дама привстала на цыпочки и резко сунула руку туда, где несколько минут лежало мое уставшее тело.

— Ох, ты!

— Малуша! — голос хозяина звучал сейчас тише, но гораздо злее.

— Куда запрятал, говори!

— Если вы про меня, то я не вещь, чтобы меня прятать. Стою вот перед вами, водичку пью. У вас проблемы какие-то, девушка?

— Ах ты стервь! До моего мужика доохтилась? Во ужо я тебя за косу да в омут! — женщина подскочила ближе, света было недостаточно, чтобы оценить ее внешность, однако ростом нападавшая подруга Волче была на голову ниже меня.

— Вы бы, любезная, успокоительного попили бы! Дался мне ваш мужик. И даром не надо!

Но влюблённая воительница вдруг ринулась вперед, и мне не оставалось ничего другого, как выплеснуть из ковшика ей в лицо ледяную воду.

Пока она отфыркивалась и утирала рукавом лицо, я благоразумно спряталась за широкую спину вошедшего Волче.

* * *

— Погоди-погоди, как это ты? — почему-то Мишка быстро глянул на мать, а не на меня.

— Ну вот так. Смотри, у меня до сих пор руки трясутся!

— Дай-ка сюда, — кузен отобрал сотовый и проверил номер, с которого звонили на материнский телефон. — Твой. Узнаю, какая сволочь стащила, накостыляю по шее! — Михай говорил нарочито громко, чтобы в соседней комнате услышал его младший брат Гоша.

— Тётъ Тань, вы идите спать, всё нормально! — на растерянную женщину было жалко смотреть.

— Сынок, и правда пойду я, поздно, пустырничка мне накапай как обычно, ладно?

— Да мамуль, бегу!

Мы с Михаем переглянулись, он отправился на кухню за аптечкой и водой, а я сунула ноги в обрезанные по щиколотку растоптанные валенки, накинула телогрейку, вытянула из Мишкиной пачки две сигареты и вышла на крыльцо.

Кто бы не разыграл меня этим вечером, пожалеет. Такое я не спускаю ни врагам, ни уже тем более друзьям. Зажигалка никак не хотела работать, повышая градус раздражения.

— Как она? — спросила я двоюродного брата, вышедшего следом.

— Вроде легла.

— У тебя жига не работает.

— Спички есть.

Мы закурили, пряча огонек от ветра.

— Как думаешь, кто это?

— Не знаю, Миха, но я его прибью.

— В очередь вставай после меня. Мать напугали, уроды. Ты же понимаешь, что подделывать номер Гошка не мог?

— Да понятно, что это дяди-тёти повзрослее. Вот только зачем?

— А не бывший твой резвится?

— Нет, у него для таких дел ширинка слишком короткая.

— Жень...

— А?

— Тебе бы замуж, а ты как мужик — куришь, ругаешься, из штанов вон не вылезает.

— Мне так удобнее. Давай не будем.

— Будем-будем. У меня для тебя и кандидатура есть!

— Жених из Кленового стана? Я тебя умоляю!

— Продолжишь зубоскалить, тумака дам!

— Это насилие! Надеюсь, не пастух?

— Обижа-а-а-ешь! Бизнесмен!

— Ну, тогда я перед встречей обязательно побрею ноги!

— Жень!

— Ладно, ладно, ладно! И не нужно так орать!

— Волчица ты, Женька! Поэтому мужики к тебе и не подходят.

Глава 5. Горячие эмоции

— Пстой! — мой защитник выставил вперёд руки, но примирительно-успокоительный жест не возымел никакого действия. Рванув ворот верхней одежды, похожей на дублёнку оверсайз, Малуша глубоко вздохнула и принялась наскакивать с яростью того самого петуха, которого взбешенная поведением злой птицы тётя Таня пустила на бульон.

— Изведу! — вопила психически нестабильная дамочка, — Попорчу! Своё не дам!

Её не прекращающиеся попытки схватить меня за волосы изрядно утомили, я вышла из-за спасительной спины и молниеносным апперкотом — спасибо, Михай! — уложила гостью на пол. Этот боксёрский удар кузен показал, когда понял, что дзюдоиста из меня не получится, а силу для единичного мощного выпада я наскрести сумею.

Бедная Малуша упала с эпичным грохотом, но Волче не торопился поднимать на ноги или как-то реанимировать предполагаемую возлюбленную. Опершись руками о колени, он нагнулся, рассматривая лежащую на полу женщину.

— Знатно бьёшься, будто и не девка вовсе.

— Приходится, знаешь ли. Брат научил.

— Зна-а-а-тно. Зашибла руку-то?

— Неа.

С некоторой медлительностью хозяин зажег свечу с помощью странной приспособы, определение которой я дать пока не могла, и осветил лицо уже приходящей в себя Малуши. Теперь можно было рассмотреть ту, что ревновала к пещерному человеку. Девушка была очень даже ничего, она еще не открыла глаз, но и без того понятно, что на полочке в ее доме стоит приз за самую красивую форму губ, бровей и вообще всего, включая выдающуюся грудь.

— М-м-м, — застонала моя спарринг-партнёрша и, опираясь на подставленную руку Волче, села.

С некоторым раскаянием я наблюдала, как меняла цвет одна из её щек, как опухала.

— Прости, но ты сама напросилась!

— Смолкни, сорока! — Волче старательно перекрывал нам доступ другу к другу. — Ну-ка, подымись-ка.

— Моченьки нету, — обессилено прижавшись лбом к мужскому плечу, Малуша весьма выразительно зыркнула глазами. Намёк был понят, и я ретировалась в тёмный угол комнаты, наблюдая оттуда, как бережно хозяин сажает красотку на лавку, как утирает ей слёзы и выступившую на губах кровь, как выводит во двор, с силой захлопнув дверь. Ну и правильно, напустили морозу, как теперь согреться?

Снова залезть на печку удалось не сразу; мех еще хранил тепло, а организм требовал отдыха, и я малодушно уснула, оставив все размышления на завтра.

А завтра началось с температуры. Едва раскрыв глаза, я поняла, что бесследно для моего организма приключения не прошли. Озноб, казалось, усиливался с каждым движением, и приступ ипохондрии был вполне ожидаем. Бешенство, воспаление лёгких, столбняк и отравление — для всех этих паталогических состояний у меня находились явные симптомы.

— Эй! — хрипела я с печки, — Эй! Мне в больницу нужно срочно! Прекращайте свой балаган, вызывайте эмчээсников, слышишь? Где у вас тут камеры? В какую говорить?

— Чего голосишь, богатырка? — откуда-то из полутьмы выплыло лицо Волче.

— Пожалуйста, отвезите меня к врачу, мне плохо очень! Очень!

— Застудилась... — многозначительно заметил хозяин и пропал из зоны видимости.

Голова наполнялась жаром и гулом. Свернувшись калачиком под одеялом, чувствовала, как всё больше нагревается растопленная печь или это моё тело било температурные рекорды.

— Пожалуйста, — попыталась я ещё раз, но потом глаза закрылись, и меня понесло по волнам обрывочных сновидений...

* * *

— В баню с нами пойдёшь?

— А что, мы прямо все голые будем?

— Жень...

— Эх, а счастье был так возможно, — хохотнула я и запустила в Михая диванной подушкой, которую он легко поймал и водрузил на место. — Пойду, но предупреди там своих — никаких вольностей!

— Замётано! — кивнул кузен и продолжил говорить по телефону: — Идёт. Только предупреди там мужиков, что она у меня психическая, чуть что — кусается.

— Попей, попей, — знакомый голос звучал как сквозь вату. Было невыносимо душно и... мокро?!

— Эка ты девку-то... Эх, Волче, Волче! — еще один говоривший, я чувствовала это, низко склонился над моим лицом, — Мни ей спину-то, с бока на бок перекидывай, а мне продыхнуть надобно, жар здесь сильный.

Запахи и звуки теперь уже со всей ясностью говорили о том, что я в бане, раздета и натираема какой-то вязкой гадостью. Во рту стойкий вкус смородины, а по голой спине деловито скользят сильные руки.

— Сестрёнка моя двоюродная — Евгения! Прошу люби..., — тут Михай споткнулся и тут же перефразировал: — беречь и защищать!

— Ого, — протянул высокий блондин, — а чего раньше не показывал?

— А он показывал, только вы не смотрели! С детства каждое лето набираюсь здоровья в вашей деревне.

— Так сейчас не лето же — зима! — хохотнул перекачанный брюнет.

— Так и я не девочка! — божественный запах трав витал в воздухе простороной парной, но не от этого плавилось моё удовлетворённое сердце.

Все пятеро мужиков в этой большой бане, выстроенной Михаем на овражистой границе с другим участком, смотрели только на меня. Кузен с тревогой и сожалением, а другие, роняя слюну на горячий деревянный пол. Да-да, мальчики, над телом я тружусь неустанно и с серьёзными финансовыми вливаниями. Плаваю, бегаю, тягаю железки, кручу педали велосипеда. Любуйтесь, раз уж подфартило.

Купальник хранился на моей личной полке во вместительном тёткином шкафу, как и несколько футболок, штанов и толстовок — стратегический запас на случай внезапного приезда. И сейчас небольшие кусочки ткани будили мужское воображение, а мне нравилось

производить этот горячительный эффект.

Жаркий влажный воздух вытапливал из кожи следы большого, загазованного напрочь города, и я физически чувствовала, как грязь стекает и с души. Хорошо!

— Хорошо, Миш! Спасибо, что позвал! А веники?

— Всё, как ты любишь!

— О! — больше говорить не хотелось. Я млела и сквозь полусомкнутые ресницы рассматривала Мишкиных друзей, среди которых, скорее всего, находился и тот самый бизнесмен местного разлива.

— Майка, а ты нас представить не хочешь?

— Не хочет! — отрезала я, — давайте помолчим, а? Насладимся, так сказать.

И мужики покорно принялись наслаждаться.

Прозвище Михаилу дали не просто так — оно родилось из имени Майкл и заношенной братом до дыр форменной майки-тельняшки отца, бывшего десантника, участника военных конфликтов и сильного во всех смыслах человека.

Я хорошо помнила дядю Пашу. Во многом именно он, а не папа, сформировал мое представление о настоящем мужике, каких после смерти Мишкиного отца уже не делали.

Намешано в Павле Васильеве было много чего: роскошное, не всем понятное чувство юмора, музыкальный слух и хриплый тенор, берущий за живое, умение концентрироваться на задаче, физическая мощь, надёжность, верность данному слову. Они с моим отцом были похожи внешне — высокие, сильные, привлекательные шатены. Но папа — сугубо гражданский человек — мягче, интеллигентнее, добрее и менее накачанный. Это сейчас я осознала свою безграничную дочернюю любовь к родителю, но в детстве и сопливой юности мечтала, чтобы именно красавец дядя Паша был моим отцом.

Воспоминания выключили меня из тихого разговора, да и пора было использовать притирку, как называла её тётя Таня.

Смесь крупной соли и мёда творила с кожей нечто чудесное. Мужики заворожённо смотрели на то, как медленно я наношу домашний скраб на влажное тело.

— Жень... — Михай бдил, и это немного раздражало, — ты нам морсику не сварганишь?

Я поняла, что переборщила с сексуальностью, безропотно кивнула и покинула мужскую компанию.

Баня была похожа на дом, столько сил и денег в неё вложил Михай, достраивая — выполняя обещание, данное отцу. Удобная парная, два отсека с душевыми лейками, огромная бочка с водой, в которую помещались трое взрослых. Просторный предбанник, по площади сопоставимый с приличной гостиной в каком-нибудь коттедже, был укомплектован длинным деревянным столом на мощном подстоле, лавками вдоль, мягким уголком напротив, телевизором на стене и большим холодильником. В больших, восстановленных своими руками сундуках Мишка хранил веники, простыни, полотенца и всё то, что обычно гости забывали брать с собой. Возле входа выстроился полк мужской обуви, запасные резиновые шлепки и неубиваемые галоши, сохранившиеся еще с советских времен.

Справедливости ради нужно отметить, что вся обстановка перетащена из большого дома или от соседей. Старая мебель и утварь были вычищены, отремонтированы, а техника перебрана и приведена в рабочее состояние. Но ведь главное было не это. Атмосфера здесь царила до того уютная, что уйти в баню по-васильевски означало выпасть из жизни на полдня, а при хорошей компании — на ночь.

Тусса с ягодами стояли в морозилке еще с лета. Мне нравился такой способ хранения. Что-то было в этом доброе и немножко сказочное.

* * *

— Как же, горюха, занемогла ты? — Волче растирал мою спину неизвестным снадобьем. — Такая богатырка...

— М-м-м-м, — как могла отвечала я.

— Обожди чуток, выгоню из тебя всю хворь, засветишь пуше солнышка!

Какой разговорчивый мне попался банщик, какой умелый. В полотно заворачивает, обтирает, снова укладывает, а ведь я в этот раз совсем без белья. Чудо чудесатое. Тело парило где-то под потолком, кости размякли, отключился мозг, и я, перемещённая на печку, задремала.

— Дядька Лешак, оклемается птаха?

— Да уж помирать не станет. Хозяину донёс весточку? А? Чего молчишь? Не донёс, стало быть. Вправду заперет, сынок, прикопает на опушке, волки повоюют и сгниют косточки твои белые во сырой земле.

— Что ты каркаешь! — слышно было, как Волче тяжело вздыхает. — Мне Золик накаркает, коли понадобится.

— Золик твой над костями твоими карать станет, коли ты девку не возвернёшь. Отстань, Волче, не яри Мстислава. Сам видывал, что он с ослушниками творит. Добытчиком поставлен? Вот и носи ему зайцев да тетеревов. Всё дело.

— Эх, дядька...

— А девка-то телом крепка, ладна, не зря хозяин на неё засматривается! — старик похлопал Волче по колену и поднялся на ноги, — Ой, оттаскает её Малушка твоя за загривину!

Волче благоразумно помолчал, а я быстро прикрыла веки. Сон улетел прочь.

— Пойду я, сынок. Спровадь её, не кличь погибель!

— Свидимся, дядька Лешак!

— Свидимся, свидимся, охо-хо!

— Не спишь? — стаскивая через голову влажную рубаху, Волче касался низкого потолка руками. — Питья дать?

— Дать.

Уже знакомый ковш приплыл в мой закуток со слегка дымящимся напитком внутри.

— Что это?

— Узвар. Смородиновый лист да мёд. Более потчевать тебя нечем, девица.

— Спасибо!

— Чего?

— Ничего.

— Зла, аки собака.

— Волк.

— А?

— Как волчица злая я. Вроде твоей Малуши. Тронул бы меня в бане своей, руку б

отгрызла!

Мне никто не говорил, что можно влюбиться в смех. В морщинки, разбегающиеся от глаз лучиками, в запрокинутую назад голову, в ямку у основания шеи... Не говорил, не предупреждал, и дыхание перехватило так, словно кто-то ударил по горлу. Нет-нет. Только не этот деревенщина. Ни за что!

Повозившись немного, Волче уснул, а я не могла — то ли температура никак не снижалась, то ли узвар этот как-то неправильно действовал на организм, то ли взволновали меня низкие, чуть хрипловатые нотки мужского голоса. Но не спалось, мечталось, грезилось, дышалось тяжело и сладко. Нет-нет, это всё полнолуние. Да. Магнитные бури и ретроградный Меркурий. Я не такая!

Провела пальцем по деревянному потолку — немного копоти осталось на коже. Где мой прагматизм, стремление рваться вперед и вверх? Почему впервые с потери “семерки” и дороги я вдруг по-настоящему отпустила руль? Это всё печка, баня и чёртов добытчик, охотник с тремя классами церковно-приходского.

Малуша у него видишь ли! Имя-то какое дурацкое! Малушка-подушка!

Нарисованное сердечко получилось немного корявым. Вот ведь дурочка, чем занимаюсь? Я повернулась на бок, и укрылась с головой...

Проснулась резко, не понимая, что происходит. Путаясь в рукавах длинной мужской рубахи, сползла с печки — Волче показал, как ловчее это сделать. Со двора доносилось рычание, звуки грызни. Пол был холодным, и я на цыпочках подбежала к двери, попутно отметив что хозяина на лавке опять нет. Что за манера шляться где-то по ночам?

Звериная драка была в самом разгаре, неужели снова волки? А вдруг они на Волче напали или лошадь убивают? Добралась до двери, прижалась ухом — похоже, хищники дрались между собой. Ну не Малуша же лупит своего женишка? Любопытство пересилило осторожность, дверь не сразу поддалась, но лучше бы я ее не открывала!

На залитом лунным светом дворе спиной ко мне стоял обнажённый по пояс человек; напротив него, пружиня коленями и согнув в локтях руки с ножами, чуть переступал с ноги на ногу противник. Было понятно, что зверье тоже поделено на два лагеря. Те, что рядом с Волче, — а это именно он стоял спиной к дому — его болельщики, что ближе к воротам — чужака. Зачем им обоим нужно было раздеваться в мороз?

Но не успела додумать ответ, как вооружённый мужчина кинулся на соперника, я вскрикнула, Волче обернулся всего лишь на секунду и волки, выстроившиеся полукругом между мною и дерущимися, напряглись и оскалились.

Неизвестный издал победный крик и направился к крыльцу, но я всё ещё стояла у приоткрытой двери, замороженная жутким зрелищем.

Легко подскочив на ступеньку, передо мной, поигрывая мышцами и утирая пот со лба, стоял Мстислав Гоудинович.

— Прячешься? — весело спросил он.

— С чего бы?

— Ну как... вернулась с полдороги, до дома не добралась, а ко мне в терем носа не кажешь. Поехали!?

— Не могу, температура у меня, простыла, — ситуация казалась комичной, но по рукам пробежали мурашки и вовсе не от холода: глаза Мстислава горели жёлтым огнём, который с каждой секундой становился тусклее. Я впервые видела подобное, и не могла найти разумного объяснения.

— Ничего! Травками отпою, баньку затоплю. Поболтаем о том, о сём. Соскучился я по образованным женщинам.

Вооруженный мужчина наступал, вынуждая пятиться назад, в темноту неосвещённой комнаты, и теперь мне становилось по-настоящему страшно.

— Спасибо, но нет! Да и тем у нас общих ля разговора не намечается.

— Брось ломаться! Поехали...

Неловко оступившись, я снова въехала в угол стола.

Мстислав подошёл почти вплотную, и в нос ударил острый запах мокрой псины, исходящий от его тела.

— Красивая ты, — мужчина швырнул ножи на стол и ухватил меня за рубаху, подтягивая к себе. — Что-то восточное в тебе есть, и волосы... — его пальцы подцепили прядь и потянули голову вбок и назад.

Такое поведение не позволялось никому. Горшок с остывшим уже узваром разбился о висок Гоудиновича, он качнулся и повалился на меня, прижимая к столу. Закричав, я начала молотить потерявшего сознание мужчину по обвисшим рукам, но вдруг тело Мстислава чудесным образом поднялось вверх и, переместившись в пространстве, вылетело за дверь, где снова послышалась волчья грызня, перемежающаяся визгами и даже отчаянным потявкиванием.

Вернувшийся ко мне Волче протянул руку, помогая подняться.

— Лихова дочка!

— В смысле?

— Горюха... — вдруг прохрипел спаситель, согнулся пополам и упал на колени.

— Эй! Ты чего это? Эй!

Волче что-то шептал, но слов было не разобрать, да и разглядеть, что с ним, было трудно. Неужели нельзя хотя бы одну единственную лампочку ввинтить на экстренный случай?

— Так, погоди! Сейчас свечку зажгу и посмотрю, что там с тобой, — затараторила я, уже понимая, что придётся иметь дело с ножевыми ранениями.

Дверь распахнулась и в дом ворвалась Малуша. Это было совсем не смешно — она что, в сарае дежурит что ли?

Но девушка никак не отреагировала на мое присутствие, повозилась у печки, и через несколько секунд на столе уже горела свеча. Слово до этого дожидался лишь света, Волче рухнул вниз лицом. Малуша кинулась к своему возлюбленному и попыталась перевернуть, но не справилась: большое тело не поддавалось.

— Пособи!

Меня не нужно было дважды просить, я подскочила с другой стороны, и вдвоём, скользя руками и коленями по натекающей крови, мы уложили Волче на спину. На животе, чуть выше пупка, зияла глубокая длинная кровавая рана.

— Рви полотно! — скомандовала Малуша, и я послушно вскочила, но тут же замерла.

— А... как?

— М-м-м... — ненавидяще застонала селянка и, поднявшись на ноги, принялась быстро перемещаться по комнате, набирая в охапку какие-то вещи, кинула их мне, — Прижми, я к Лешаку! — и выбежала на улицу.

Оставаться с раненым человеком, из которого вытекает жизнь, не очень весело. К тому же, я не понимала, что происходит снаружи, и кто защитит меня от Мстислава, который

обида не простит. Может, я с ума сошла, и всё это галлюцинации?

Протяжный стон прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула и нагнулась ниже:

— Подожди чуть-чуть, твоя за стариком убежала. Как его... Лешак. Ну, тот, что мне травки давал. Он врач, да? — мне показалось, что вот так — разговаривая с Волче, я сумею удержать его в сознании или на этом свете. — Ты зачем с Мстиславом дрался? А он у вас тут что, крестный отец? Дон Карлеоне? Вы больные здесь на голову все? Чего вам не живётся спокойно? Каждую ночь, слышишь? Каждую ночь разборки. Это ж сбрендить можно!

Ноги начали замерзать, и я сволокла с печки меховое одеяло, укрыв себя и Волче. Абсурдность происходящего всё ещё не укладывалось в голове.

— Жаль интернет не ловит, а то я погуглила бы симптомы бешенства. Молчишь? Конечно, оправдываться смысла нет: натравил на меня свою свору. А Малуша твоя ничего так, миленькая. Вы прямо идеальная пара, ага. Дрим тим. Вам бы в спецназ, карьеру мигом бы сделали.

— Горюха... — теперь я знала, где у меня кнопка ВКЛ. Едва прозвучал этот голос, как сердце подскочило так высоко, что закружилась голова.

— Что, миленький? Больно? Больно, да? Потерпи, мой хороший! Потерпи, всё пройдёт, — откуда рождались глупые, совсем не свойственные мне слова, почему интонации стали такими елейными, словно ребёнка уговаривала?

— Спужалась?

— Чего? А-а-а! Нет, не испугалась, чего тут пугаться — кишки у тебя из живота не выпали, а крови я и не боялась никогда.

— Лешак схоронит тебя, по тропе оленьей выведет.

— Куда схоронит? Не надо меня хоронить, что за бред?

— Рассвета не дожидайся, уходи, — голос Волче становился всё тише. — Уходи, горюха...

И тут, подтверждая мою слабость и растерянность, хлынули слёзы. Выращенная дядей и отцом, плакала я редко и по серьёзным поводам, но сейчас, хотелось верить, организм просто исторгал стресс. Холодные пальцы коснулись моего лица, словно Волче решил потрогать соленую влагу, что будто бы раньше не видел никогда, а тут такой случай!

— Домой хочу, — из носа тоже текло, и я стыдливо отворачивалась от мужского взгляда, — к отцу, к друзьям. Какого хрена я делаю в вашем дурдоме? Не хочу быть членом кружка мазохистов-любителей.

Рыдания, больше похожие на судороги, не давали нормально вдохнуть, и чувство незащищенности сбивало с ног. Ненавижу уязвимость!

— Разнюнилась горюха, — изо рта закашлявшегося охотника крупными каплями выбрызнула кровь. Рука его упала, и без осторожных касаний стало так плохо, что я подхватила ладонь и прижала её к своей щеке, пытаясь сохранить внезапную связь.

— Потерпи, сейчас помощь будет, только не умирай, пожалуйста! Не бросай меня!

Через силу улыбнувшись, охотник прохрипел:

— Не свалит недуг, не берёзку гнёт.

Скрипнула дверь, пронзительный звук заставил вздрогнуть и обернуться. Переступив передними лапами порог и поскуливая, в дом заглядывал крупноголовый волк с приметным шрамом поперёк морды. Он вскидывал голову, ловя запах крови и моего страха, но ступить дальше не решался. Под рукой не было никакого оружия, разом заныли всё ещё опухшие

раны от волчьих зубов. На руках раненый — вожак не вожак, но человек, который как раз сейчас провалился в забвенье.

— Чего надо? — медленно, чтобы не спровоцировать нападение, я поднималась сначала на колени, а потом в полный рост. — Только подойди, упырь, я тебе морду под хохлому разукрашу!

Не знаю, что там творилось в голове у зверя, но ему было совершенно плевать на странную бабу в несуразной рубахе, выпачканной кровью. К моему ужасу, над первой головой в проём втиснулась вторая.

— Ребят, а вы не офигели ли? — возле печки лежали поленья, и если быстро метнуться и схватить парочку, то можно попытаться отбиться.

Первый хищник продвинулся на полкорпуса. Я взвесила все “за” и против” и решила, что если взобраться на печку, то пёсики меня не достанут. А вот Волче...

— Мальчики! Вы же мальчики, да? — теперь пятилась я гораздо увереннее, чем от Мстислава. — Шли бы вы... зайчиков ловить! А-а-а!

Истошно завизжав, я птицей забралась на печку, а серые гости прошли вперёд и дальше. Ну вот, теперь они сожрут хозяина, а мне до конца жизни нести такой груз на совести!

Волки посетились немного, покружили и улеглись рядом с мужчиной, совершенно не обращая внимания на кровь, натёкшую лужей. Один прижался к ногам, другой расположился так, чтобы мохнатая спина прижималась к плечу и голове. Чёрт возьми, да они же его греют!

Совершенно не удивляясь тому, что в дверь протиснулся еще один волк, я закуталась в оставшееся на печке одеяло — встать и закрыть дверь не хватало мужества. Кто его знает, распространяется ли волчье милосердие на женщин.

Трудно сказать, сколько прошло времени, возможно, полчаса или чуть больше, но казалось, что минуты текут бесконечно долго.

Глава 6. Бегство

— Ой, лихо! — уже знакомый старик заходил в дом, отряхивая меховую обувь от снега и пропуская вперед раскрасневшуюся Малушу, которая оглянулась, пытаясь отыскать меня.

Никто не удивился волкам, лежащим в человеческом доме. Лешак что-то вполголоса сказал хищникам, и они нехотя поднялись, но отходить далеко не стали. Жёлтые глаза с черными зрачками внимательно следили за всем, что делает деревенский лекарь. Наблюдала и я, свесив голову с печки.

— Ну, девонька, натерпелась страсти?

— Ага, — на высоте чувствуешь себя гораздо увереннее, — особенно с волками под боком!

Резко вскинув голову, Малуша окинула меня внимательным и злым взглядом:

— Бросила Волче! Толковала тебе — прижимай! Вся кровушка истекла!

— Не голоси! — сурово оборвал девушку Лешак. — Печку растопила бы, кулёма! Чего гостюшке пеняешь?

Печку растопили, немного подогрели воду. Под неусыпными взглядами волков принялись раздевать Волче и обмывать его рану. Лешак вынул из котомки большую кривую иглу и моточек суровых ниток, которые намазал чем-то, похожим на воск, пропустив сквозь сжатую в кулак ладонь.

Однажды мы с Михой отправились через сосновую посадку к речке на велике, а оказались в поселковой больнице. Братишка не заметил камень, и мы долго летели над зелёной травой, пока не приземлились — я на кочку, а Мишка головой на обломанную сосновую ветку. Острый сук распорол подбородок. Тогда я в первый раз увидела, как зашивают человеческую плоть — фельдшер был один и попросил посильной помощи.

Сейчас всё было страшнее и серьёзнее, но понять еле слышные переговоры Лешака и Малушы было трудно, хотя сильно хотелось оценить шансы раненного на выживание.

— Ну, кукушка, собирайся да одевайся! Со мной поедете! Мстислав Гоудинович возвратится и со всех спросит за обиду. Собирайся, собирайся!

— А можно волков выгнать?

— Не уйдут, — почти весело ответила Малуша, — они своих не покинут!

Пришлось собирать волю в кулак и спускаться вниз. Звери разом вскинули головы, едва я сделала шаг в сторону Волче.

— Не тронут, собирайся, — успокаивающе проговорил Лешак, в очередной раз протягивая сквозь человеческую кожу окровавленные иглу и нитку, — прибью, коли кинутся.

— Ну да, прибьёте, точно! Успокоили, ага!

Неожиданно Малуша схватила меня за руку повыше запястья:

— Загрызу, очи ему не засти, чернявая, пришлые у нас не заживаются, и тебе не заживётся.

— Как бы я тебе не загрызла, ку-лём-ма! — повторила я обидное слово, но в глазах грозной собеседницы плескалось такое отчаяние, что мне стало ее немного жаль: кто знает, как сама бы вела себя, будь мой бойфренд ранен?

Бестолковы и суетливые мои сборы были прерваны волчьим воем, донёсшимся со двора. Малуша подскочила, а хищники, что охраняли Волче, оскалились и, дыбя холки, зарычали.

— Скорее, дядька Лешак, в дорогу пора! — девушка окинула меня раздражённым взглядом.

Втроём мы кое-как донесли Волче до саней, где Малуша укутала его, словно ребёнка, оставив видным лишь нос.

— Сторожи, девонька, да заматай! — Лешак кивнул подруге охотника, присвистнул, и лошадь тронулась с места, совершенно не реагируя на трёх волков, увязавшихся следом.

Мы въехали в тёмный непроглядный лес, но теперь он не пугал, а сулил надёжное укрытие от преследователей.

— Глянулась ты ему, недоброе то дело.

— Кому?

— Мстиславу. Много девок в округе попортил, всласть напробовався. А ты поперёк его воли пошла, вот и захотелось ему тебя о коленку сломить.

— Как бы я ему кое-чего не сломала Ромео перезревший!

Лошадь резво бежала по едва заметной утопанной дороге, рядом со мной постанывал Волче.

— Дяденька Лешак, как бы мне домой попасть, а? У вас хорошо, разумеется, но у меня явная передозировка кислородом и аутентичностью.

— Гогочешь гусынею, не разумею, — Лешак высоко занёс над головой кнут и щёлкнул им прямо над спиной лошади, та заметно прибавила ходу. За санями, сосредоточенно глядя перед собой и не сбавляя темпа, неслись три волка. А потом, за каким-то из особенно крутых поворотов, из-за елей выскочила белёсая волчица, Она смотрела прямо на меня, и зрела уверенность, что не зверь это, а Малуша, неизвестно каким образом превратившаяся в лесную хищницу...

Вот в такие вот времена, когда разум и чувства живут совершенно порознь, я старалась держаться за простые вещи: еду, сон, наведение порядка и собственной красоты. Столько дней в зеркало не смотрела, как там лицо, волосы?

Семейные посиделки редко обходились без реплик о моей внешности, которая резко контрастировала с обликом остальных родственников. И только старый фотоальбом железобетонно утверждал, что пошла я в бабушку по маминой линии, которую ни я, ни остальные никогда не видели — умерла рано, не успев порадоваться замужеству дочери. Обе мы были черноволосы и черноглазы, с густыми, словно нарисованными бровями и кожей, что никогда не боялась солнца. Меня, загоревшую, в конце лета принимали то за испанку, то за турчанку, то за цыганку, и это даже немного льстило. А вот отцу пришлось немало выслушать грубых шуток по поводу моего зачатия.

Тётя Таня говаривала, что если бы у меня еще и волосы вились, то звали бы меня ведьмой, как и бабуку, ведь по рассказам покойной мамы, которых я в силу возраста не помнила, бабушка обладала даром предвидения и пару раз бросала вслед обидчикам слова проклятий, которые удивительным образом сбывались. В конце концов дошло до того, что ретивые старушки как-то раз не пустили её в церковь, и тогда обиженная женщина в сердцах кинула: “Да гори оно всё!”. Через две недели в восстанавливаемый на народные деньги храм попала молния. Сгорели строительные леса, большая часть бруса и досок, оснастка купола. После этого в деревне отвернулись от одинокой женщины с маленькой девочкой, и семье пришлось перебраться в город.

Почему я сейчас вспомнила бабушку? Покрутив головой, отгоняя непрошенные мысли,

приподняла повыше голову Волче, громко стонавшего на каждом ухабе. Эх, вот бы мне и вправду волшебную силу — подлечила бы доброго молодца.

— Вот и прибыли! Скидовой покрову, в дом болезного понесем! — довольно резво Лешак соскочил с саней, приказав волкам: — а вы в дозор, чтобымышь не пробежала!

С большим трудом — весу охотник был немалого — мы занесли раненого в неприметный с виду дом, за порогом которого я невольно раскрыла рот от удивления. Мне нравились оптические иллюзии на картинках, но когда перед тобой неказистое, зарытое по крышу в снег строение, за дверью которого прячутся огромные помещения, то хочется снова выскочить на улицу и ущипнуть себя.

— Оторопела? — улыбнулся старик, — Погоди, не то увидишь!

Обещание слегка пугало, но сейчас нужно было помочь Волче: кровь давно просочилась наружу, измочив одежду и почти не оставляя надежды на то, что крепкий молодой мужчина, выглядевший сейчас бледнее простыни, выживет.

— Подсоби-ка!

— Как? Что делать-то?

— Сама знаешь, а и не знаешь, так вспомнишь, а и не вспомнишь, так само вылезет.

— Что вылезет?

— Ох, девка, не тебе меня пытаться, будто не чуешь в себе силы!

— Не чую, дяденька, мне бы так-то поспать бы...

— Ну, поспи, поспи, дочка, — неожиданно быстро согласился Лешак, — вон в закуточке и прикорни.

Лишь голова коснулась лавки, я тут же провалилась в чёрную бездну..

Глава 7. Чёрный ворон

Ощущение странной тяжести и того, что на меня кто-то смотрит, заставило раскрыть глаза. Я едва не закричала от испуга: на груди, слегка нахохлившись, сидел огромный чёрный ворон, который, если бы раскрыл крылья, дотянулся бы от макушки до пяток.

— А ну-ка то! Не замай девку, Золик! — в кожаном фартуке, выпачканном кровью, с закатанными рукавами и всклокоченной шевелюрой Лешак сейчас был похож на сумасшедшего хирурга.

— Птичка, слезь, — ласково попросила я.

Ворон деловито переступил с ноги на ногу, хрипло крикнул, словно тьякнул, и, больно оттолкнувшись от моего тела, перелетел на шест, видимо, специально установленный в странном доме.

— Вишь-ка, какого себе помощничка Волче словил. Выкормыш евоный.

— Здорово! — удивительное дело, чувствовал я себя отдохнувшей и бодрой, но сильно голодной.

Двое из четверых волков лежали перед лавкой, на которой я спала, положив морды на большие лапы, и только по шевелению рыжеватых бровей было понятно, что они не спускают с меня глаз, следя за каждым движением.

— Не боись сторожей, они уж более не тронут. В печку загляни, хлебушек для тебя припасен да киселёк овсяный, не побрезгай, красавица!

С удовольствием я съела всё, что было предложено гостеприимным хозяином, который неспешно смывал кровь с рук и одевался.

— Где Волче?

— Вона! — грязный палец ткнул в угол, где на куче какого-то тряпья мирно спал охотник. — Подыметя и краше прежнего будет. Вот ужо Малушке радость-то! — Лешак усмехался, но его цепкий взгляд держал в прицеле моё лицо. — А я погляжу, мил тебе-ка то дружок?

— Чего это? Просто переживаю за человека.

Но старик ничего не ответил, лишь хмыкнул в усы и шикнул на наостривших уши волков.

А я подошла ближе к раненому. Оказалось, что спит он на нескольких перинах, укрытых сверху красивым тканым полотном со странным красно-черным узором. Что-то внутри меня, какое-то незнакомое волнующее чувство, заставило нагнуться и зачем-то поправить широкую повязку, убрать чуть влажные волосы с красивого лба, провести кончиками пальцев по тёмной брови.

— На улицу и носа не кажи, а я скоренько возвращусь...

За Лешаком закрылась дверь, и я осталась в незнакомом доме с раненым, волками и наглым вороном.

— Вот дерьмо! — ругнулась я, обернувшись к зверям. — Я, кстати, невкусная очень, у меня гемоглобин понизился на фоне стресса, и курить начала. Знаю, знаю, что плохо, но иногда помогает.

Ворон моргнул, волки один за другим зевнули, демонстрируя острые зубы. Нужно было как-то налаживать контакт.

— Золик, — чёрный птах переступил с лапы на лапу и повернул голову, рассматривая меня одним глазом, — давай дружить, я тебе хлебушка дам!

В печке еще оставалась лежать завернутая в полотенце початая краюха, и я отщипнула приличный кусочек.

— Смотри! Вкусный, тёпленький, м-м-м, а пахнет как!

Ворон низко наклонился, раздул горло так, что перья встали торчком, и широко раскрыл клюв.

— Не сули, зазеваешь, отберёт! — со своего места иронично заметил проснувшийся Волче.

Почему мне кажется, что он постоянно надо мной смеётся?

Тем временем охотник пощелкал языком, и чёрная тень метнулась в угол комнаты, подняв настоящий ветер огромными крыльями. Острые когти впились в обнажённую кожу руки, но мужчина даже не поморщился.

— Друзик мой, скучал?

Ворон что-то проскрипел в ответ, словно и правда отвечал хозяину.

— Девицу не обижай, добрая девица-то, услужливая!

Теперь я уже не сомневалась, что Волче откровенно насмехается.

— Другая бы тебя на себе не попёрла бы, увалень деревенский! Смотри, вся одежда в крови, а рядом, между прочим, голодные волки. Но ты можешь и дальше смеяться, это так по-мужски.

— Поди-ка, — протягивал свободную руку собеседник, — поди скорее!

— Не пойду!

— Эка, невелика горка, да крута! — охотник, держа на весу птицу, поднялся со своего ложа, едва заметно качнувшись при этом, и сделал неуверенный шаг. Постоял, прислушиваясь к ощущениям, что, как видно, не радовали, и снова протянул руку:

— Ну, поди же!

Не заставляя же мучиться раненного человека, пришлось подойти.

Волче подхватил мою ладонь, сжал и провел по упругим блестящим перьям ворона, заставил погладить пушок у основания клюва, почесать горлышко. Золик закатил круглые глазки, прикрыл их кожаными веками и запрокинул голову назад, предлагая не останавливать приятные ласки.

— К рукам привыкший. Малой был — на ладошке спал.

— Ты его в лесу нашёл? — мне понравилось касаться птицы, и я уже сама принялась щекотать Золика, удивляясь его мирному характеру.

— С неба упал — улыбнулся охотник и осторожно сел. — Должно, кукушка кукушонка подложила, вот и вытолкнул он птенчика из гнезда.

— Ух ты! А как ты его выкормил?

— Кисельком да мясом жёванным, червей выкапывал. Думал, подохнет, а он вона какой стал ладный. — Волче снова пощёлкал языком, и разомлевшая птица доверчиво прижалась головой к заросшему бородой подбородку. — Не гляди, что птаха, иного мужика умнее. Догада!

Открыв ладонь, я предложила Золику кусочек хлеба, и птица аккуратно, опасаясь причинить боль, взяла в клюв угощение и перелетела на шест, где зажала корочку в лапе и принялась теревить.

— Всю руку тебе расцарапал, — я рассматривала красные отметины, а рядом замечала

белые старые. — Лешак тебя лечит, а Золик калечит.

— Ладушко моё! — Малуша ворвалась в дом внезапно, как и всегда, впрочем. Прильнула к обнажённой мужской груди, положив на неё ладони, — Истосковалась, извелась вся. Мстислава погоню отвела — в дубраву свернули.

Быстро отвернувшись, я с удивлением почувствовала болезненный укол в сердце, а потом множественные в плечо — Золик сел на него, потершись головой о висок. Мол, не грусти, я рядом! Весил нежданный приятель килограмма два, если не больше. Но внезапно именно эта тяжесть наполнила меня силой.

— Пойдём еще хлебушка стащим, как думаешь? Зачем нам смотреть, как другие целуются, да?

Именно в этот момент, в эту секунду пришло понимание, что нахожусь в своём месте, в своём времени и со своей птицей. Ворон занял пустующую нишу, снабдив меня уверенностью, что вот теперь я целая, теперь я — это я!

* * *

Когда накрывает ощущение, что с тебя сошла старая шкура, кости превратились в желе, а голова опустела напрочь, ты в который уже раз благодаришь человечество за придумывание бани. Я откинулась на спинку дивана и блаженно закрыла глаза. В такие моменты задевать меня опасно, но красавчик Славик этого не знал.

— Говорят, будущую жену нужно ловить возле бани, — пропел в ухо хорошо поставленный баритон.

Мое молчание ошибочно было принято за милостивое разрешение продолжить разговор.

— Смотрю на тебя и понимаю, что правильно говорят: ты невероятно хороша сейчас и, если не обидишься, безумно сексуальна.

Пора было обозначать границы.

— Отойди, ты мне кислород перекрываешь, твой дешёвый парфюм даже после бани вызывает тошноту.

— Я не пользуюсь парфюмом в деревне, у тебя что-то с нюхом, — собеседник иронизировал, чем изрядно бесил.

Отработанный приём не сработал. КМС по дзю-до после первого удара не сдаётся? Хорошо, Славик, будет тебе ещё.

— У меня отличный нюх, мальчик, и от тебя воняет, мне противно, отойди!

Новый знакомый нагнулся так, что капли с его мокрых вьющихся волос падали мне на грудь:

— Давай поспорим, что после пары свиданий у тебя от моего запаха будет кружиться голова. И ты забудешь слово "мальчик". Я ставлю ящик шампанского.

— Какая банальна гусарская ставка...

— А что бы ты хотела?

— М-м-м, бизнес прёт? Тогда машину. Новую. С автоматом. Слабо?

Щедрый кавалер примолк, а я улыбнулась.

— Тогда и твоя ставка должна быть не дешевле. Что поставишь, красавица?

— А надо? Я сама по себе уже приз.

— Согласен! — горячее дыхание переместилось с уха на шею. — Ты стоишь любой ставки. Так что, два свидания — и подводим итоги?

— Замётано!

— Вижу, вы нашли общий язык? — покрасневшийся Михай утирал лицо углом простынки.

Я залюбовалась братом — вся мужская линия Васильевых вызывала у женщин глубокие мечтательные вздохи.

— Миш, ты обещал "семёрку" посмотреть, помнишь?

— Помню, — лицо кузена слегка поморщилось, — но ты же понимаешь, что эту дохлую лошадь уже не поднять?

— Папка расстроится, что я ее угробила. Придётся ему "Рено" отдавать, а без лошади остаться не могу никак.

— У меня есть отличный мастер, он отечественные тачки разбирает-собирает с закрытыми глазами. Завтра загоним ему твою "семёрку"! — Слава подскочил к Мишке и шутливо ударил кулаком в плечо:

— Как думаешь, пойдет Женька за меня замуж?

— А ты предлагал?

— Пока нет, но глупо было бы упускать такую... Шахерезаду.

— Эй, самцы, вы обо мне говорите, а я замуж не собираюсь!

— Это пока, Женечка! — улыбка напористого бизнесмена слегка пугала: белоснежные верхние клыки были чуть длиннее остальных зубов...

* * *

— Какой у тебя красивый клюв, — удивительное умиротворение от простого прикосновения к гладким перьям, — ты даже немного на орла похож. Краса-а-а-вчик.

Птица сидела на плече, но боль от впивающихся в кожу когтей я уже не чувствовала.

— И зачем мне мужики, правда? С таким-то красавцем, с такой хорошей птицей, толстой птицей, умной птицей. Да, Золик? Кто у Жени умница? Кто у Жени красивая птичка?

Да, я разговаривала с вороном, но смотреть, как Малуша обтирает Волче влажной тряпочкой — вставать на ноги охотнику явно не следовало — было невыносимо. Золик часто наклонялся вперёд, рискуя сорваться с плеча, и пытался развернуть к себе моё лицо. Легонько прикусывая клювом щёку, он тянул в свою сторону, и когда я поняла, что таким образом ворон просит внимания, то удивиться не успела — вернулся Лешак.

— Угомону на вас нет! Спали бы..., — негромко проворчал старик, одобрительно посматривающий на ворона. — Глянь-ко, и Золика приворожила!

— Он сам..., — тоже почему-то шепотом ответила я

— Золик да и сам? — Лешак покачал головой. — Невидадь, — подошёл ближе и подхватил ладонь, — Ступай, местечко укажу. А птица-то в помощники тебе, в помощники.

Мы вышли и комнаты и оказались в длинном земляном коридоре, под уклоном ведущем вниз. Это было так неожиданно, что я замерла на месте.

— Не бойсь, не пропадёшь, ступай без огляду! — и Лешак первым шагнул вперёд, освещая себе дорогу свечой.

Пора было перестать удивляться происходящему, и я отпустила вожжи, раз у ж контролировать ситуацию полностью не получалось.

— Ну, без огляду так без огляду!

Запах сырой земли и полумрак с пляшущими на стенах кривыми тенями навевали невесёлые мысли о живых мертвецах, вампирах и всей той нечисти, что давно не пугала с экранов кинотеатров и телевизора. Ворон сидел спокойно, только рефлекторно вскидывал крылья для равновесия, если я спотыкалась.

— Битый небитого везёт, да, Золик? Хорошо устроился! — становилось всё страшнее. Кто этот старик? Зачем он ведёт меня под землю, с какой такой целью?

Ни одного поворота, ни одной развилки, наверное, прямая дорога в ад для героев греческих мифов выглядела точно так.

— Дядька Лешак, долго еще?

В ответ впереди идущий человек что-то пробурчал, но слов я не разобрала. Мы уже шли минут пять, как вдруг дорога закончилась — впереди высились широкие, довольно низкие двойные двери, укрепленные несколькими железными полосами и засовами, на которых не было замков. Ну, точно — это ад!

Лешак потянул одну створку на себя и крепкий травяной запах ударил в нос:

— Принимай, хозяйка!

— Раненько поднялись, гостюшки, света белого не дождались! — голос однозначно принадлежал молодой женщине.

Я шагнула вперёд и застыла от изумления.

Глава 8. Марья

Арочные своды поддерживали довольно низкий потолок подземелья, посередине которого располагался огромный котёл, установленный на кованную подставку, закопченную до угольной черноты. Неодолимая сила мешала мне взглянуть на женщину, медленно помешивающую кипящее варево. Пар уплывал влево — струился призрачной речкой в небольшое отверстие, зияющее в стене каменной кладки. Несколько масляных ламп освещали помещение, рождая странные пугающие тени, у дальней стены громко журчала вода — выбиваясь прямо между камней, стекая по медному жёлобу, она падала большую бочку. Я знала, нет, физически чувствовала, что хозяйка подземелья внимательно наблюдает за мной, но не позволяет поднять на себя глаз. Что за чёрт?

— Не лютуй, Моревна! Сыщи-ка мне от грудной хвори какую травку. Дочка?

Женщина обернулась к Лешаку, и ее чары — неужели я в это верю? — ослабли. Теперь можно было беспрепятственно рассмотреть эту самую Моревну.

На вид ей было максимум лет двадцать пять. Сказать, что была красива, — ничего не сказать: ослепительная неземная внешность молодой женщины даже меня на минуту лишила речи. Высокая, статная; в головном уборе, похожем на медицинскую шапочку, только из грубого неотбелённого полотна, в серой юбке и белой блузе, украшенной богатой красно-черной вышивкой. Какой-то несуразный рябой передник был больше похож на деревенский тканый половик, но смотрелся весьма органично. Кто им шьёт такие костюмы, интересно? Это же настоящая ручная работа!

По-хозяйски шаря руками на полке с разномастными глиняными горшочками и крынками, Лешак продолжал отвлекать разговором предмет моего изучения:

— Нонче все травушки докончил. Волче... — тут он на пару секунд замолчал, опасаясь, видимо, сказать что-то лишнее, — прихворал маленечко.

— Бери, дядька, всё что спонадобится. — Моревна перевела насмешливый взгляд на меня.

Лучистые глаза нереального синего цвета глаза, гармонично сочетающиеся с идеальными к моей белой зависти бровями, были опущены густыми длинными ресницами. Казалось, что дамочка переусердствовала с тушью, но присмотревшись внимательнее, я поняла, что ошибаюсь. Нежная, почти прозрачная как немецкий фарфор кожа, классический овал лица, трогательные кудряшки, выбившиеся на висках из-под шапочки. Красавица повела плечами, и за спиной чуть взметнулась от движения толстая пшеничная коса, достающая чуть ли не до колен.

Девице только кокошника да сарафана не хватало, и можно смело выступать в сольных партиях на концертах ансамбля “Берёзка”.

— Глянись я тебе, чернобровая? — обратилась ко мне Моревна, — Али ты изъян во мне какой пытаешь?

— Нет, что вы, просто залюбовалась немного, — Золик на плече беспокойно переступил с лапки на лапку.

— То-то же! — отчего-то улыбнулась красавица и повернулась к котлу. — Так с чем пожаловали? Неужто из-за хворобы твоей, дядька? Не то батюшка мой подсылает вестников?

Лешак испуганно и энергично завертел головой:

— Что ты! Да и не якшался я с ним с прошлой зимы. Вишь-ка, девица к нам

приблудилась. Не простая девица, да ты и сама видишь.

— Вижу! — Моревна с силой плюнула в котёл, и он в мгновение ока перестал кипеть, даже пар пропал. — Про полонника моего не сказывал ей?

— Да усохни глотка, нет!

— Смотри, дядька, беды не миновать!

— Слушайте, а можно вот без ваших этих заморочек, а? Ну реально надоело уже. Да перестань ты! — прикрикнула я на ворона, разволновавшегося и щипающего меня за щеку.

— Цка! — произнесённый хозяйкой подземелья звук мне услышался именно так.

В следующее мгновение ворон сорвался с плеча и полетел на зов странной женщины, приземлился на край деревянного стола.

— ЗолУшка, чёрная головушка, в золе порылся, золой покрылся, дай мне пёрышко, позову вёдрышко! — напевно проговорила Моревна, чуть наклонившись в сторону птицы и простирая над ней свои руки.

Ворон стал как-то неуловимо деформироваться — раздуваться, угловато кособочиться; голова его странно дёргалась, пока Золик не превратился в невероятных размеров шар, который лопнул, подняв облако чёрного тумана.

— Э! — только и смогла произнести я, — Это моя птица!

В полной тишине туман превращался в крупные хлопья, оседающие на пол. На краю стола сидел молодой человек, одетый во всё черное. Голова его двигалась точно так же, как до этого у Золика.

— Фокус, конечно, удался, — поборов первый шок пробормотала я, — но птицу всё ж таки верните!

И тут невесть откуда взявшийся статист прокричал голосом ворона и с улыбкой посмотрел на меня. Земля покачнулась под ногами.

— Вот только не нужно говорить, что ты Золик! — я пятилась назад, ощущая как нарастает звон ушах. — Не поверю.

— А вот на-ко то тебе! — Моревна протянула руку, и прямо из ее ладони начал появляться росток, потом два листочка, потом крошечный бутон, и вот уже ярко-желтый цветок расправил круглые лепесточки. — Лови!

Цветок медленно летел прямо ко мне, инстинктивно поймала его, но он превратился в крошечную серую птичку, которую я с криком выпустила из рук.

— Боязливая... — Моревна в три шага очутилась рядом.

Её глаза втягивали в себя, подчиняли, и я, не сопротивляясь, склонила голову, на которую легла ладонь, почти сразу же взметнувшаяся вверх как от ожога.

— Вона кто ты! — взгляд синих очей стал мягче и уважительнее? — Подобру-поздорову быть-поживать тебе, девица. Верно ты подметил, дядька Лешак, кликуша она. Знатная кликуша. Ей пока гордыня глаза застит, но погоди чуточек, увидит... — Моревна утерла лицо рукавом, будто только что протатила на себе неподъёмный груз.

— Сама ты... кликуша! — неприятное слово резануло по самолюбию. — Нормальная я.

Тут ко мне подскочил Золик,

— Не гневись, девица, Марья Моревна и сама кликать умеет. По большой надобности.

— А ты что умеешь? На женских плечах ездить? И как тебе? Ты вообще кто? Оборотень? — вот сейчас у меня начнётся истерика, я уже чувствовала, как дрожат руки.

— Тянет её оборотный мир, дядька. — Моревна подхватила со стола большую деревянную ложку и неглубокую плоску. — Тянет-потянет, да утянуть не может. Уходите,

пора! — женщина зачерпнула, вылила в посуду варево и принялась пить его большими глотками.

Я обернулась на звук хлопающих крыльев — Золик снова уселся на плечо, а в спину уже толкал Лешак.

— Ступай, ступай, негоже нам тут быть.

Мы быстро пошли к выходу, но я обернулась, чтобы со страхом заметить, как закатились синее глаза и криво изогнулись руки Марьи Моревны.

— Ведует, — снова подтолкнул вперед дядька. — Негоже!

Теперь коридор поднимался в горку, идти стало сложнее.

— Почему она меня кликушей назвала?

— Кликуша и есть! Марьюшка ведает.

— И что я там должна сделать, увидеть? Что?

— А что увидишь, то и ладно. Кликуши за день-за ночь заглядывают, страшают нуащивают. Была у нас степнячка-кликуша. Все бывалочке выйдет на опушку лесную, перстом ткнёт — тут, говорит пожгите, а тут оставьте! Иной хозяин пожалеет да и пожжёт лесок, где не надобно было. Распашет пашенку, а она не родит, вот как бывало-то.

— Погоди, так это будущее что ли мне видеть нужно?

— Что станется.

— Прикольно! И как это случается?

— А тут уж как сдеется, девонька. Иные захворают иные притонут, да и выплывут.

— Нет уж, тонуть я не стану... — Золик переступил на плече, больно царапнув когтем кожу, и я щелкнула его по клюву. — А ты вообще не рыпайся!

— Не забижай Золика, тебе охрана он и помощник. Скоро, скоро сгодится. Не забижай....

В доме Лешака было тихо: волки ушли на улицу, растопленная печка остывала, а у стены в обнимку спали Волче и Малуша. Я чуть дольше, чем следовало, засмотрелась на сладкую парочку и натолкнулась на ответный взгляд Волче.

* * *

— Егор! — крикнул Славик во всю мощь лёгких.

Эхо прокатилось по полутемной мастерской и вернулось к нам тихим отзвуком.

— Тут раньше совхозный ремонтный цех был, пацаны подсуетились, выкупили. Бизнес теперь у них. — мой спутник провел пальцами по висящим на стене корзинам со всякой металлической мелочью. — Смотри какой порядок! Как в аптеке... Егор!

Где-то в недрах этого странноватого здания послышался шум, и минут через пять из-за обитой деревом двери сначала показался большой ящик с инструментами, а потом молодой рослый мужчина в черной джинсовой крутке, служащей, как видно, спецодеждой настоящего авторемонтника. Его было трудно разглядеть в полутьме, а свет включать хозяин не торопился. Подошел к большому пристенному столу, поместил на него свою поклажу и, не оборачиваясь к нам, щёлкнул выключателем длинного и узкого светильника, подвешенного над рабочей поверхностью.

— Не ори — не дома! — произнес приятный голос, и я почти неосознанно закончила

любимую папкину фразу:

— И дома не ори...

Мужчина резко обернулся, мы зацепились друг за друга глазами и долго не могли отвести взглядов, несмотря на то, что Славка что-то говорил, активно жестикулируя.

Синие глаза, опущённые темными, очень густыми ресницами, чуть скошенный вправо чьим-то мощным ударом нос, прямые тёмные брови — ничего особенного, но каждая черточка этого лица впечатывалась в сознание; даже забавные русые кудряшки, выглядывающие из-под надетой козырьком назад бейсболки, волновали так сильно, будто я стою на школьной дискотеке, а меня приглашает самый красивый старшеклассник.

— Евгения, — я первой протянула руку, хотя даже не осознавала, что стою в двух метрах от человека, — можно просто Женя.

Повисла пауза, во время которой Славик, уставившийся на мою руку, замолчал на полуслове и больше не делал попыток заговорить.

Мужчина напротив оторвался от стола, и с каждым его шагом сердце билось всё быстрее, разгоняясь до лишаяющего дыхания ритма.

— Егор, — он принял в свою ладонь мою, как будто сотни раз до этого мы совершали именно это движение, — можно просто... Егор.

Новый знакомец улыбнулся, и мои колени противно ослабли. Зато пришел в себя мой настырный кавалер.

— Мы тут это, — откашлялся бизнесмен Славик, — машинку тебе посмотреть бы.

— Я машин не видел что ли? — Егор не спускал с меня глаз. — Конкретизируй запрос.

— Ну, там всё конкретизировать нужно — нервно хохотнул мой спутник. — Женя, чего молчишь, давай обрисуй все проблемы и пойдём, ребята ждут уже.

Я... — голос прозвучал сипло, в пересохшем горле не хватало влаги, — а можно попить?

— Можно, — мы, наконец, расцепили руки, и автомастер удалился в подсобку.

— Ты не говорила, что знаешь его. Старая любовь что ли?

— Нет. — я с трудом сглотнула, — первый раз вижу.

— М-да? А кажется, что встретились после долгой разлуки — недовольно протянул Слава.

Но его реплика стала без ответа. Мне впервые пришлось пережить такое состояние, и сейчас я прислушивалась к своему выбитому из колеи организму. Что это было? Экстрасенсорика какая-то что ли?

Отворилась дверь, и Егор кивнул на бутылку в своих руках.

— “Байкал” свежий. Будешь?

— Буду! — я любила этот напиток, хотя мой тренер уверял, что “этой гадостью убиваешь себе поджелудочную”.

Наверное, и яд приняла бы из рук этого мужика. Гормоны. Точно! Нужно провериться, сходить к гинекологу, эндокринологу. Крыша едет. Или как там еще говорят? Часики тикают. Тик-так...

— Спасибо — пузырьки газа знакомо защекотали в носу. — Вкусно. Нужно проверить электрику, свечи и правое переднее колесо. Не знаю чем, но оно меня раздражает.

— Интересная формулировка, — усмехнулся мастер. — Посмотрю. Как срочно нужно?

— Не к спеху, — взял на себя инициативу Слава, — она тут еще побудет, да? — он приобнял меня за плечи. Обозначает территорию, самец.

— Желательно побыстрее. Хочу иметь под рукой исправный автомобиль. Он отцовский.

— Ну, тогда показывай свою карету, царевна!

На улице падал снег, серое тяжёлое небо нависала так низко, что, казалось, держится оно на столбах линии электропередач, идущих чередой мимо мастерской.

Егор деловито протянул ладонь, и я не сразу поняла, чего он хочет.

— Ключи.

— А, сейчас!

И снова касание вызвало странный отклик, мы обжигались друг о друга, и я знала, что Егор чувствовал то же самое. Пора бежать отсюда, иначе воздержание сыграет со мной нехорошую шутку.

— Идём, — крикнула я Славику через плечо, — прогуляемся немного, — и сунула руки в карманы полушубка, давая понять, что брать под локоть ухажера не намерена.

— Как прикажете, моя госпожа, — немного расстроено протянул он.

До деревенского клуба мы шли молча. Понятно, что спутнику моему есть, на что обижаться, но думы мои были далеко: мысленно я запускала пальцы в русые кудри и растворялась в синих глазах.

* * *

Утро началось неспешно, Лешак уже приготовил кашу и очередной узвар, Малуша подметала пол, Волче сидел на своем месте, настругивая лучинки, и только я лежала на печи, никак не участвуя в общественной жизни.

— Доброе утро! — бодро поприветствовала я всех присутствующих, неуклюже слезла вниз.

— Хвороба прошла ли? — с улыбкой поинтересовался дядька Лешак.

— Да, — я и вправду чувствовала себя отлично, — спасибо!

— Загостившим до родного порогу в дорогу, — проворчала Малуша так, чтобы я непременно услышала, и остановилась рядом со своим раненым любовником с полынной метелкой наперевес.

— С радостью, только отвезите! Я уже насмотрелась на фокусы и шоу с дрессировкой диких животных. Сыта по горло вашим гостеприимством. Хочу в нормальную жизнь с электричеством, ванной и туалетом. И мяса хочу!

Такое ощущение, что из всей тирады Лешак услышал лишь слово мясо.

— Дак вот Волче окрепнет, ужо он нам мяска добудет.

— Ну, судя по ночным вздохам, Волче окреп достаточно, чтобы совершать интенсивные движения, — и отчего этот факт меня так бесит? — Пусть у волков своих попросит, путь принесут.

Лешак усмехнулся и почесал затылок.

— А и вправду...

* * *

— Егор, здравствуйте! — крикнула я в чернеющий провал открытой железной двери

мастерской. Послышался странный шум, и на меня вылетел большой волк.

Умом я понимала, что близость огромного лесного массива может стать причиной появления диких зверей в деревне, но на этом-то был надет красный ошейник с серебряной бляшкой, на которой было, похоже, выбито имя. Волк был худой, рыжевато-серый, и не особо агрессивный. Он изучал меня янтарными глазами и не предпринимал попыток как-то отогнать или напугать. Бежать не имело смысла — догонит и укусит чего доброго.

— Слушай, пёсик, позови Егора, если тебя не затруднит. — волк наклонил голову. — Пожалуйста! — зачем-то просительно добавила я.

— Луша, ко мне! — резкий приказ заставил вздрогнуть.

Из мастерской появился Егор, и волк прильнул к его левой ноге.

— Напугала?

— Честно? Очень! Такого зверя на цепи держать нужно, а если ваш волк на ребенка нападёт?

Мастер помрачнел, и теплый огонёк в его глазах тут же померк.

— Это волкособ.

— Какая разница!

— Вот сюда взгляните, — палец в грязной рабочей перчатке указал на большую металлическую табличку с надписью “Осторожно, злая собака!”, которую я в прошлый раз не заметила. — Когда один работаю, Луша меня охраняет. Всякие здесь ходят. В десяти километрах колония.

— Ну и что?

— Ничего. Вы на часы смотрели?

И тут до меня дошло, что на часах было ровно семь ноль пять утра воскресенья. Зачем я так рано встала, припёрлась сюда ни свет ни заря как дура?

— Простите. Надеюсь, не разбудила?

— Нет, встал давно и уже работаю. Старая армейская привычка.

— Служили?

— Контракт.

— Ого... В автомобильных войсках?

Егор помолчал, а я не стала уточнять.

— Так что так рано-то? Машина срочно понадобилась?

— Ну... да...

— Не получится.

— Почему?

— Заходите, — пригласил мастер, прошёл вперёд и щёлкнул выключателем.

Прямо передо мной в свете больших ламп красовалась отцовская “семерка” в состоянии полного разбора. Распахнутые двери, открытый капот, отсутствие колёс.

— Ой, как здорово! — вырвалось, но я тут же прикусила язык.

— Я почему-то знал, что вы оцените, — Егор стоял за спиной, волчица пробежала дальше и легла на старый полосатый матрас, детский, судя по размеру.

— И сколько понадобится времени, чтобы собрать всё заново, — как глупо было так радостно реагировать на новую причину задержаться в Кленовом стане на подольше.

— Неделя. Но за доплату уложусь в три-четыре дня.

— Знаете, у меня немного напряжённо с финансами, — соврала я, — давайте по обычному тарифу и за неделю?

— Как скажете, хозяйка, — теперь он стоял совсем близко.

— Вот и отлично! — преувеличенно бодро ответила я. — Пойду?

— Идите...

— Тогда до встречи?

— До встречи...

— Я пошла...

Он стянул с моей головы шапку и уткнулся губами в затылок. Секунду, две, три, бесконечность мы стояли вот так. Я — ошарашенная ощущением, что всё это уже проживала, и встреча наша не случайна. А потом Егор развернул к себе и поцеловал. И не было в мире слаще ничего, чем это дыхание, это тёплое касание, шершавая нежность пальцев на моей щеке...

Но чудо закончилось внезапно, как и началось.

— Простите, — Егор отступал назад, прикрыв ладонью глаза, словно я была раздета и он случайно увидел меня голой, — не знаю как это... Я должен был проверить...

— Д-да, я понимаю, — сдавленно прошептала ничего не понимающая я, подбежала, выхватила шапку и выскочила на улицу, хватая ртом обжигающе холодный воздух.

— Вот ты где! Чего так рано встала... Что с тобой? — Славик нахмурил брови и стал убирать растрепавшиеся волосы с моего лица. — Что?

— Сам посмотри, что он с моей машиной сделал, — второй раз за утро соврала я и побежала к дому, не оглядываясь, не вдумываясь, запретив себе анализировать произошедшее.

Глава 9. Портал

Все за столом молчали, это напряжение исходило главным образом от насупившейся Малуши. Лешак и Волче, морщившийся при каждом резком движении, выглядели спокойными.

— А Марья Моревна, она кто? Дядька Лешак? — каша была вкусной, хоть и без соли, зато с ягодами.

Крякнув и сосредоточенно облизав деревянную ложку, старик смахнул со стола крошки и закинул в рот. Пожевал.

— Князя одного дочка. Великого князя, зело могучего. Ведует вот у меня в подполье. У нас тут тихонько, никто и не спознает.

— Чего не спознает? Она прячется что ли?

— Здрaвы будьте! — Моревна собственной персоной шла к столу, прижимая к себе старую войлочную шапку, в которой что-то лежало.

Малуша сильнее нагнула голову, но я успела заметить злобный взгляд ревнивицы. А кто бы не ревновал к такой-то красотке.

— Чем богаты, Марьюшка!

— Блага тебе, дяденька! Дружку моему крошечки перепадёт?

— А то! — и старик протянул руку к шапке. — Материно подарение?

— Бывалоче, только он меня из беды и выручал, аки звёздный свет дорогу указывал. — раздалось тихое фырканье, и из шапки сначала показался чёрный маленький носик, а затем и голова крупного ёжика, который выхватил остренькими зубками из пальцев Лешака комочек каши.

Княжеская дочь взяла ложку и принялась есть быстро и с аппетитом, но через несколько минут надменно подняла голову от еды:

— Что-то духом звериным несёт, — Моревна вперила взгляд в ставшую еще сутулее Малушу, — волчье племя у моих ног отирается.

— Моревна, не замай девушку! — вдруг ставший совершенно серьёзным Лешак замер за спиной ведуньи. — мой дом, и гостевать я впустил!

— Ой, гляди, дядька, как бы горя не случилось. А ты, кликуша, чего очами сверкаешь? Чего пытаешь-вынюхиваешь?

— Да сдалась ты мне, вынюхивать! — тон дамочки был слишком заносчивым, и я резко встала из-за стола, нечаянно громко стукнув ложкой. — Тоже мне — барыня! Сама-то ежа припёрла, а он тоже зверь, на минуточку!

— Эка, зубы кажешь? — усмехнулась Марья и тут же перенесла внимание на Волче, — Воронович давно улетел?

— По заре, — ровный тон охотника говорил о том, что фраза про звериный запах к нему не относилась, и ему все равно, что невесту обижают, — обещался к вечеру быть.

Моревна кивнула и продолжила есть, а я не находила себе места, не понимала, что делать, как просить этих людей о помощи, как вообще с ними общаться.

Какая-то своя, неподвластная логике обычного человека жизнь текла вокруг меня широкой рекой, а я стояла на небольшом камешке-островке, который вот-вот затопит бурлящая вода.

— Дяденька, мне бы одежду какую-нибудь, хочу на улицу выйти, сил нет на месте

сидеть.

— Справим одёжу, — хозяин дома улыбнулся, — в большом ларе поищем.

Он подвёл меня к сундуку странной формы и откинул тяжёлую высокую крышку. Вскоре в руках у меня были тяжёлая и грубая серая юбка, пара рубах, тонкие подъюбники, платки, жилет, неказистый жакет или как там это называлось, овчинный полушубок. Через пару минут я поняла, что сундук, несмотря на то, что вытащен из него ворох одежды, всё равно остался полон до верха.

— Вишь-ка, зговорённый ларь-то! Без доньшка, — усмехался Лешак.

— Ага, — а что еще скажешь?

Мне были выданы меховые, тонкой выделки то ли носки, то ли гольфы, и странная обувь со шнурками, подошва которой была подшита несколькими слоями толстой кожи. От одежды шел приятный травянисто-цветочный запах, напоминавший мне лето.

Спрятавшись в закутке за печкой, я оделась и направилась к двери.

— Далеко не броди, заблудишься! — кинул вслед Волче.

— Разберусь! — весело ответила я охотнику.

Снова шёл крупный тихий снег. Перед домом сугробы были вытоптаны, но обнаружив, что ноги не мерзнут и в обуви ходить удобно, я решила исследовать окрестности. Несколько раз оглянувшись назад — мои следы были хорошо видны, обратную дорогу найду, — неспешно пошла вперёд, засматриваясь на живописные картины величественной природы. Нравилось мне эта первобытная нетронутая красота зимнего леса. Идти было легко, дышалось вольно, настроение улучшилось, кровь побежала быстрее, а мысли остановили свой нервный бег.

— Эх, варежки нужно было попросить, — произнесла я вслух, улыбнувшись и подышав на замёрзшие кончики пальцев.

Звук голоса напугал небольшую серебристо-серую сову, что, оказывается, сидела прямо передо мной на толстой ветке. Она шумно взмахнула крыльями и перелетела на соседнюю сосну.

— Привет, красавица! Надеюсь, ты в человека не превратишься?

Невероятные глаза медленно моргнули, и сова отвернулась от меня в другую сторону, чуть приподняв крылья.

— Ну, не обижайся, ты чего? — но ночная хищница вновь взлетела, и, сшибая кончиками крыльев снег с веток, улетела прочь.

Эта картина была последней, что я увидела. От сильного удара по голове в глазах потемнело, и я полетела в чёрную пропасть...

* * *

— Да, еще на неделю! Да, за свой счёт, Марин! Ну... Проблемы возникли семейные нужно срочно решать. Нет-нет, никто не умер, все здоровы. Да. Спасибо!

В дверном проёме, сложив руки на груди, стояла тётя.

— Рассказать мне ничего не хочешь?

— Хочу. — дядина жена в какой-то степени заменила мне если не мать, то добрую няню. — Сядь рядышком, а?

Положив голову на колени тёти Тани, как всегда в трудные моменты, я рассказала ей

про встречу с Егором, про настойчивые ухаживания Славы, про душевный непокой.

Мягкая ладонь гладила меня по щеке и плечу, пальцы заправляли за уши волосы, снимали невидимые пылинки с толстовки. Все эти движения как магические пассы возвращали мне силу и уверенность.

— Егор парень хороший. Работающий. Всё не женится никак, а у нас любая девчонка за него пойдёт. Руки у парня золотые, воспитанный, уважительный, поможет всегда. Молчун вот разве что. Ну да молчун — не болтун. Его комиссовали после ранения, а ведь грезил об армии своей. Предлагали ему в районный военкомат устроиться, так ведь не пошёл!

— Что, серьёзное ранение?

— Того не скажу — не знаю, а сплетни собирать не пойду, — тётя легонько стукнула меня указательным пальцем по кончику носа.

— А Славик?

Ответ последовал после глубокого вздоха:

— Может, и не правильно, что говорю тебе, но не люблю я его. Он ведь свой бизнес на бомжах построил. Это они ему со всей округи металл тащили, воровали всё, что не приколочено, провода снимали со столбов, один даже погиб от удара током. Никто прижучить не сумел — по бумагам всё у него чисто было. Да и работал он от зари до зари, всё время за рулем, всё время куда-то едет, договаривается с кем-то. Стреляли в него даже бандиты какие-то. За несколько лет поднялся, машину крутую купил, дом выстроил, родителей в него перевёз, матери сиделку нанял, возит по врачам — ноги у нее отказывают. Школе вон аппаратуру дорогущую подарил, фельдшерский пункт кирпичом обложил, Тимофеевна в нём мерзла постоянно, а с главы ни копейки не выбьешь! Вроде бы все так крутились, но знаешь, — тётя на пару секунд замолчала, — глаза у него волчьи. Страшные. Не знаю..., — она снова вздохнула, — по нынешним временам Славик предпочтительнее, Егор кормилец, но не добытчик, дворца не построит.

— Да уж...

— Да уж... — улыбнулась тётя Таня, — ты у меня девушка городская, образованная, что тебе деревенские парни, в городе ищи!

* * *

Громкое дыхание, глухой стук, шуршание — звуки теснились, толкались, заставляя приходиться в себя, взывая к сознанию и чувству самосохранения. Мне знакомо это мерное покачивание — сани, скользящие по снегу. Куда везут, кто везёт? Почему так болит затылок?

С трудом открыв глаза, я поначалу испугалась странного мрака, но тут же сообразила, что на голову накинули ткань или мешок, снять который не получится: руки связаны.

— Эй! Вы там совсем охренели что ли? Быстро развяжите!

Никто не ответил, но, по крайней мере, один человек рядом был и управлял лошадей. Мне порядком надоели сюрпризы в этом затерянном в лесах краю.

— Мешокними, урод!

И снова молчание.

Попытки хоть как-то ослабить тугую веревку или скинуть с головы пахнущую мышами тряпку не увенчались успехом. Провозившись несколько минут, я смирилась и закрыла глаза

— головная боль расплзлась от затылка к вискам.

— Да ты девку не прибил ли?

Вот, оказывается, кто занимается похищением женщин! Ну, погоди, Мстислав Гоудинович, я тебе сейчас устрою вторую часть Марлезонского балета! А пока нужно было пережить грубые прикосновения. Мешок с головы стащили, но руки развязывать не стали.

— Не ругайся! Народ здесь тёмный, всему учить нужно, за каждым не поспеваю.

— Руки развяжи!

— Э, нет!

— Развяжи руки..., — процедила я, глядя прямо в глаза Мстислава.

— Знаешь, давай так: я тебя сейчас в дом заведу, мы поговорим по душам, а потом уж развяжу. Идёт?

— Нет! — запястья начинали неметь, и кроме злости это не вызывало ничего.

— Какой темперамент! — усмехнулся похититель. — Какая страсть в глазах! Идём, нечего зевак забавить, полдвора уже сбежалось поглазеть. — он грубо толкнул меня в спину. — Шагай!

Суетливые тени слуг заметались в полутёмном доме, накрывая на стол, смахивая невидимую пыль. Вышколенные или просто боятся хозяина?

Начинало подташнивать, в ушах нарастал противный гулкий звон, глаза никак не могли сфокусироваться, взгляд самопроизвольно перескакивал с предмета на предмет, и этот мужик как его зовут-то... Меня качнуло, голова запрокинулась назад, но я не упала — подхватили, понесли, развязали руки, обтёрли лицо и уложили на что-то мягкое. Опустился туман, окутывающий людей и обстановку.

— Вот дебил! Он же ей сотрясение устроил, заporю гада! — мужчина ругался, а я всё силилась вспомнить его имя и не могла.

На больших подушках было так удобно лежать, я возвращалась к реальности лишь на короткое время, чтобы удивиться холодной влажной тряпке на лбу или умелым рукам, отбирающим мое тело какой-то пахучей настойкой. Мне давали пить горький отвар, куриный бульон, укрывали теплым одеялом. Совсем рядом слышался еще какой-то звук — лёгкое постукивание, словно частый пульс, но разобраться, что это такое, я не могла. Да и не хотела. Наслаждалась отдыхом.

Обеспокоенный Мстислав — имя выпало из какого-то закоулка памяти — маячил перед глазами, что-то виновато говорил. Через какое-то время я начала понимать суть сказанных слов.

— ... и ты неспроста здесь оказалась, понимаешь? И чего бы нам не дружить, мы же не враги с тобой. Из одного, понимаешь, времени.

— Погоди, — я потёрла лоб, — как это неспроста? Еще раз повтори, если не трудно!

— Ты меня только за сумасшедшего не принимай. — Мстислав сел на край постели и взял мою ладонь в свои руки. — На той дороге, где мы с тобой оба ехали, находится портал в прошлое. В другую реальность, понимаешь?

— И как ты здесь оказался? — из разбросанных по столу моего сознания пазлов начала выстраиваться более или менее понятная картинка, которой пока не хватало важных элементов.

— Ну, я по трассе шел километров под сто пятьдесят, задумался, собаку сбил и сам чуть на обочину не выпрыгнул. Псина маленькая такая, их еще бабушкиными брехунами у нас зовут.

— У вас это где?

— В деревне моей. Так вот, бампер сплющило по касательной, но рихтовать всё равно придётся, плюс мозги и кровь в решетку залетели. Я пока от брызг капот оттирал, бабка эта из леса вышла. С корзинкой и клюшкой.

Похоже, у меня точно сотрясение:

— Какая клюшка, она хоккеист что ли?

— Да нет, у нас так палочки, трости называют. Клюка — так понятнее? — и приняв мой кивок за “да”, Гоудинович продолжил:

— Думал побьёт меня палкой своей, а она захохла, попросила ее с собачкой до поворота довести, мол, не досмотрела, живёт на отшибе, похоронить бы пёсика, и хорошо, что я сам не убится. Поворчал, конечно, что кровью салон испачкаю, но уж больно ныла старуха, пожалел. Сумку икеевскую из багажника достал и ей кинул. Не буду же я кости с шерстью от асфальта сам отскребать. Подождал, пока она всё собачье мясо в сумку запихнёт, сядет, довед до т-образного перекрёстка. Старуха уже выходить было стала, ногу вытащила и вдруг говорит мне, мол, сынок, прости за беспокойство, возьми вот настоечки моей. И корзинку протягивает. Мол, из города к ней едут за питьем этим. Ну я, дурак, и взял. Да еще и глотнул, типа вкусно, бабушка, спасибо!

— И что, в козлёночка превратился?

— Нет. Она на меня глаза подняла, а они светятся, прикинь! Я чуть не обделался, ей-богу! Говорит..., ну, не важно что говорит, главное, что, мол, настоечка на волчьей ягоде.

— Так они же ядовитые, а ты вроде живой.

— Да я, блин, дверь открыл, бегом в кусты, два пальца в рот и..., — Мстислав сокрушенно махнул рукой, — а дальше, наверное, как и у тебя — поворачиваюсь, а ни дороги, ни машины, ни леса, ни бабки — поле да редкие сосёночки.

— Это что получается: мы с тобой через портал прошли? Но я ведь не пила ничего, только минералку из “Магнита”

— В этом и весь цимес! Сюда попадают либо по собственной дурости и в наказание, либо экстрасенсы всякие. Люди со способностями.

— С чего ты взял?

— Так с того момента, как я сюда попал, ты уже пятая.

— То есть до меня четыре человека через портал прошли?

— Ага. Одного та же бабка споила — он косюлю с детёнышем по весне застрелил, пока браконьерствовал, еще трое с подвывертом.

— И где они?

Мстислав замялся:

— Да кто куда разошлись. Трудно принять, что ты выпал из своей жизни. Сама-то вон — до сих пор не веришь и домой рвешься.

— Рвусь. А зачем я тебе?

— Сон мне приснился же! — широко размахивая руками, Мстислав принялся расхаживать по небольшой комнате, — Бабка эта меня глазами жгла и говорила, что вся надежда моя на деву, что в сугробе отыщется. А тут еще сияние это, чёрт его деря, северное!

Тревожащее подозрение, что товарищ по несчастью мне что-то не договаривает, всё больше укоренялось в мыслях, и хотя причины лжи были не понятны, я решила держать ухо востро.

— Мог бы мне сразу всё рассказать.

— Ты бы поверила?

— Нет! Я и сейчас не особо верю, если честно.

— Ничего, поверишь, еще чуток поживёшь... Короче говоря, Евгения Батьковна, только ты нас и сможешь отсюда вытащить, уже не знаю, как, но бабкиным словам склонен верить.

— Сказанным во сне?

— А ты разве вещей снов тут еще не видела?

В памяти сразу всплыли белёсая волчица и Малуша.

— Если тебе для дела чего достать нужно, так ты мне скажи, я купить не куплю, так украду. Не могу больше здесь. Нет, природа, продукты, девки опять же — все свежайшее, но сил нет больше по нужде на задний двор бегать. Да и родители там у меня одни, мамка болеет. Жень!

— А что Жень? Не понимаю я, чего делать мне, Мстислав! Кстати, это твое настоящее имя?

— Да, но можно просто Слава.

— Хорошо, Слава. Только вот как тебе верить, если твои люди мне чуть голову не проломили?

— Моя вина! Забыл, что им сто раз повторишь, а они по-своему сделают. Местная, так сказать, инициатива.

— Еще раз повторю: не знаю я, как нас вернуть, даже не представляю. В лотерею никогда не выигрывала и на экзаменах всегда самые трешовые билеты вытаскивала, ну правда! Не экстрасенс я!

— Ты погоди, погоди! Оно придёт к тебе само. Тем троим вот пришло неожиданно.

— И что пришло?

— Разное... Ладно, давай-ка спи, поправляйся.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, Слава вышел из комнаты, оставив меня в глубоких раздумьях.

Глава 10. Странные сны и жестокая реальность

Но уснуть было совершенно невозможно: раздражающий прерывистый стук, доносящийся с улицы, не давал расслабиться. С трудом встав и хватаясь по пути за все предметы, которые могли удержать меня вертикально, добралась до окна. Вместо стекла в небольшие квадратики рамы вставлены странные, бугристые, шершавые и непрозрачные, но пропускающие свет пластины, немного похожие на каменные срезы. Пришлось повозиться с вертушкой запора, но усилия были вознаграждены свежим воздухом, поток которого добавил ясности мыслям. На узком деревянном подоконнике, едва балансируя, сидел Золик.

— Ого! А нюх как у собаки, а глаз как у орла. Заходи!

Ворон смешно запрыгнул в комнату и, взмахнув крыльями, спикировал на на изножье кровати, вонзив когти в спинку.

— Молодец, что нашёл. Люблю страдать в компании. Я тут посплю немного, а ты бди, охраняй, раз уж напросился.

Порция холодного уличного кислорода или пристальный взгляд ворона помогли быстро уснуть.

На толстых дубовых ветках сидели три птицы. Узловатые линии голой кроны дерева выглядели стильной графикой, которой силуэты пернатых добавляли зловещей атмосферы.

Ворон, небольшая серая крупноглазая хищная птица и огромный орёл с внушительными лапами, больше подходящими какому-нибудь мелкому динозавру.

Прислонившись спиной к стволу и сложив руки на груди, стояла Марья Моревна.

— Не давай воды, — медленно произнесла она непонятную мне фразу и улыбнулась подходящему молодому мужчине.

Блондин с усами и окладистой бородкой протянул к ведунье руки, но так и не коснулся — Моревна растворилась в клубящемся чёрном дыму.

Скрипнула половица, и я тут же распахнула глаза.

— Разбудил? — виновато спросил Слава. — Прости. Вот, узвару тебе принёс. А этот откуда тут взялся? — тон изменился, хозяин сердито сдвинул брови.

— Не ругайся, прикормила я его... хлебушком. Всегда мечтала о попугае.

— За один день прикормила?

— А ты что, не знаешь, что вороны среди птиц на первом месте по интеллекту? — доступ к интернету всё равно отсутствовал, поэтому и проверить моё утверждение было невозможно. — Они знаешь, как дрессировке поддаются? Тигры нервно курят за кулисами!

— Смотрю, болтать начала. Оклемалась что ли?

— Слав, ну как можно оклематься за такое короткое время? Дай еще полежать. Птичку мою не трогай.

— Да лежи ужо. Можешь жить здесь столько, сколько хочешь! Ни в чём отказу тебе не будет. Только б сила к тебе побыстрее пришла.

— Ты опять про своё!

— Слушай, — Мстислав вдруг застыл вполоборота, — а может ты того, убила кого? Обманула, задавила и поэтому тут очутилась?

— Ты с ума сошёл? Да я с зайцем разговаривала и с совой. Люблю я животных. Людей

тоже. Некоторых. Нет, Слав, правда, нет за мной грехов таких.

— Да понял, понял. Гадить и орать на весь дом не будет? — кивнул собеседник на ворона.

— Нет, конечно, он же воспитанный. Человека практически.

— Ну-ну.

— Постой! Если я у тебя останусь, можно к дяде Лешаку съездить, попрощаться? А так как-то не по-людски получается.

— К Лешаку?

— Ага.

— Попрощаться?

— Издеваешься?

— Дядя! — преувеличенно почтительно произнёс Мстислав. — Скажи спасибо, что ноги от него унесла, дурочка.

— Слав, я настаиваю!

— Ладно, съездишь.

— Спасибо!

* * *

— Миш...

— А что? Нормальный же мужик! Предприимчивый, симпатичный, спортом увлекается. Я же не говорю, чтобы вы прямо завтра поженились. И мамку не слушай, у нее родительская ревность включается, она и мне жениться не даст. Чувствую прямо, как напрягается, когда я с очередной девушкой знакомлюсь.

— А если я не хочу замуж за твоего Славика?

— Как это не хочешь? Все девчонки мечтают о свадебном платье.

— Не все, Михай, ой, не все.

— А чего ты тогда битый час перед зеркалом крутишься, — Мишка резко стартанул с места, легонько, по старой детской привычке дернул меня за волосы и скрылся в коридоре.

И правда, чего это я? Но тело жило своей жизнью. Оно натянуло тонкие капроновые колготки и короткую юбку из плотного трикотажа, всунуло руки в рукава полушубка, а ноги в итальянские сапожки и понеслось навстречу приключениям.

Приключение в виде серой Луши высунуло язык и застыло в дверном проёме мастерской.

— Привет! — коленки здорово прихватило морозцем, казалось, что колготки примерзают к коже. — Хозяин твой дома?

Волкособака ни на миллиметр не проявила гостеприимства, но и не угрожала. И то хорошо!

— Ладно, первая встреча у нас получилась несколько... эм... грубоватой. Но я хорошо отношусь к собакам, правда. И потом, у меня машина стоит разобранная. Как раз за твоей спиной, если ты не знала.

Луша спрятала язык и стала дышать ровнее, комично двигая бровями.

— Ты же умная девочка. Видишь же, что на нижней части туловища у меня меха нет, мёрзну поэтому. Впусти погреться, а?

— Отойди, Луша! — раздался спокойный голос за спиной, но обернуться я не решилась. Отошедшая по команде в сторону собака позволила мне быстро юркнуть внутрь.

— Здравствуйте, Евгения! Пришли проверить ход работ?

— День добрый. Ну... да.

— Вы бы побереглись, — Егор выразительно посмотрел на мои ноги в капронках, — неровен час застудитесь.

— Выскочила из дома на несколько минут, тут идти-то.

— На другой конец деревни?

— Когда у тебя машину разбирают на винтики и не такое расстояние пройдешь, чтобы...

— Чтобы что? — из магазинного пакета мастер вынул буханку ржаного хлеба, пачку сливочного масла.

Мне вдруг стало всё равно, что он подумает, расхотелось кокетничать и врать. Не знаю откуда, но я знала, что с этим человеком нужно говорить честно и открыто, не играть, не притворяться. Но начать было безумно трудно.

— Знаете, Егор, наша прошлая встреча заставила меня кое-что почувствовать.

Руки, выкладывающие продукты на стол, замерли.

— Было такое ощущение, что я вас знаю. Что помню, как вы двигаетесь, что говорите, как улыбаетесь или хмуритесь. Это, наверное, звучит глупо, но дежавю выматывает. Мы с вами никогда не встречались? Даже в детстве?

— Нет. Ни за что не забыл бы вас. Но я почувствовал то же самое, Женя. Объяснений у меня нет.

— Тогда откуда это чувство? Это колдовство какое-то. Да повернись ты уже, когда я с тобой разговариваю!

— Ну, повернулся. Так лучше?

— Гораздо. Что мы будем делать, Егор?

— Мы? Я буду чинить вашу машину, вы наслаждаться обществом Мстислава, известного в районе бизнесмена.

— А я не хочу! Наслаждаться обществом. Вернее, хочу наслаждаться, но не обществом, — я паниковала, делала шаги в стороны, крутилась на месте. Как всегда в таких случаях, вела себя как бешенная белка. — У вас есть сигаретка?

— Не курю.

— Даже для гостей не держите?

— Это автомастерская, здесь газорезка, бензин, масло. Нельзя здесь курить.

— Да, точно, простите. Глупо как.

— Глупо... Ты уедешь в свой город, и мы не будем больше встречаться. Нам нужно потерпеть немного, потом всё забудется, и станет легче.

— Мне не станет! — почти взвизгнула я. — Не станет легче. Я только о тебе и думаю. Ты снишься мне, как это выключить? Как забыть? Легче!...

— Я не умею наполовину, — подходил всё ближе Егор, — или всё, или ничего, понимаешь. Ты ещё можешь уйти. Уходи. — он стоял так близко, что у меня снова пересохло во рту. Что это, боже мой, что?

— Не хочу уходить. У меня ноги замёрзли. Очень. — я закрыла глаза, когда большой мужчина опустился передо мной на корточки и прижался по очереди к каждой коленке горячими губами. — Сильно. Невыносимо...

— Ты слетаешь к дядьке Лешаку? Просто расскажешь ему, что я тут пока побуду. Ладно?

Ворон нервно перепрыгивал с места на место.

— Ну не могу я с вашей Малушей в одном доме жить, понимаешь? Они с Волче ночью... Не могу! И Моревна эта... Короче, просто передай привет, чтобы не волновались. А то охотник еще чего доброго в погоню пустится, а ему ведь нельзя — рана откроется. Переживай потом за него дурака. Всё, лети!

Я успела захлопнуть окно за секунду до появления Мстислава.

— Это хорошо, что ты уже ходишь. Хочешь — прогуляемся?

— Хочу, только спокойным шагом. Можно?

— Можно! — сверкнули в улыбке белоснежные клыки. — Я тут тебе как раз обновку принёс! — и хозяин развернул передо мной длинную шубу из необычного, местами пятнистого, серо-рыжеватого меха.

Мы второй раз огибали красивый терем, когда я задала мучавший меня вопрос:

— А почему ты так про дядю Лешака странно сказал?

— Неужели не знаешь, кто он?

— Неа.

— Леший!

— Да иди ты! Серьёзно спрашиваю же. Еще скажи, что Моревна — это Баба Яга! — уже произнося эту фразу, я заметила, как блеснули внезапным интересом глаза Мстислава, но слова уже вылетели, а они, как известно, не воробьи...

— А я тебе серьёзно отвечаю. Нет здесь обычных людей, запомни. У каждого за спиной или хвост, или крылья, или зелье ведьмовское. Вот, к примеру, Моревна твоя. Где ты ее видела?

Интуиция оцетинилась по-волчьи и спрятала язык за зубы.

— Чего молчишь?

— У тебя тушь под глазом, — палец нежно коснулся кожи.

— Ну и что...

— Зачем красишься? Ты для меня и без косметика самая красивая.

— Подхалим...

Текли минуты, часы, сгущались сумерки за высоким окном. Лежать лицом друг к другу и не иметь силы разомкнуть объятия было прекрасно.

Всё было прекрасно. Волшебно. Незабываемо. И банальными словами выразить ощущения не получалось, поэтому мы замолчали, переживая восхищение друг другом.

Кажется, кто-то колотил в закрытые двери, звонили сотовые, но звуки только сейчас стали проступать сквозь затуманенное сознание. А вместе с ними и реальная жизнь.

— Мне нужно идти, — прошептала я, ближе придвигаясь к сильному и красивому —

теперь знала это наверняка — телу.

— Иди, — улыбнулся Егор и погладил по спине.

— Тогда отпусти.

— Не могу.

— Тогда поцелуй...

Егор вскочил резко, на ходу надевая штаны на голое тело и засовывая ноги в ботинки

— Ты чего?

— Луша на улицу просится, слышишь? Я совсем забыл, что не гуляная.

Снизу, с первого этажа, доносился свист — собака скулила на самых высоких нотах.

— Бедненькая...Беги!

Уже на пороге Егор оглянулся:

— Теперь я не смогу без тебя жить, — и начал быстро спускаться вниз по лестнице.

А я раскинула руки на узкой кровати и засмеялась в голос. Счастье падало на меня золотым дождём, и тело горело под каждой каплей.

Залив воду и засыпав кофе в фильтр кофеварки, я, наконец, взяла в руки телефон. Егор обустроил второй этаж: кровать, телевизор, маленький, какой-то игрушечный холодильник, микроволновка и кофеварка — что ещё нужно для комфорта?

— Алло, Миш!

— Мать, ты вообще где? — орал в трубку брат. — Ты почему на звонки не отвечаешь? Я думал, что ты со Славкой, а ты... Где ты?

— Я у Егора, Миш.

— Что? Ты серьёзно сейчас?

— Да. И мне безумно хорошо. Это мой человек, понимаешь?

Михай молчал.

— Только вот не нужно говорить, что он мне не пара.

— Я и не говорил, — слегка обижено протянул кузен, — только...

— Нет. Не смей.

— Ладно! Ты у него останешься, как я понял?

— Кажется, да, — улыбалась я.

— Жень...

— А?

— Ничего. Люблю тебя, сеструха!

— Спасибо! И я тебя!

Желудок требовал восполнения энергии, а продукты, насколько я помнила, так и остались внизу на столе.

Натянув на себя свитер Егора, я спустилась вниз, собрала в пакет всё, что лежало на столе съестного, и поднялась на второй этаж медленно, ежесекундно утыкаясь в ворот и вдыхая запах мужчины, без которого не мыслила теперь свою жизнь.

Если это скоротечная страсть, то пусть будет страсть, пусть она горит и даже если отгорит, моя душа настолько полна, что я смиренно приму разлуку. Не всем дано пережить подобное единение.

На ломтики хлеба легли нарезанные сыр и сосиски, загудела микроволновка.

Легкий стук когтей по металлу ступеней возвещал о скором появлении собаки. Хулиганка поднималась вверх на колбасный запах.

Не оборачиваясь — нарезала помидор кружочками — кинула Луше:

— Что, слюнки текут, да? Нагулялась? — пальцы отщипывали кусок сосиски. Нужно задобрить собачку. — Ну, тогда держи аперитивчик.

Луша, сильно подволакивая переднюю лапу и высунув язык, переступала порог комнаты и шла ко мне, но буквально через метр осторожно легла на пузо. Вокруг неё медленно натекала лужа крови, но собака смотрела в глаза и еле слышно потягивалась.

— Эй, ты чего? — руки нащупали влажную шерсть на правом боку — там была рана. — Это кто?

Но животное, потеряв последние силы в попытке объяснить происходящее, просто ткнулось носом в мою голую коленку и завывло страшно, как в фильмах ужасов.

— Нет, — мотала я головой, — не смей мне такое говорить, не смей, псина!

Неловко дёрнув головой, собака завалилась на бок, вытянула лапы и закрыла глаза.

Не помню, как бежала вниз, но на последней ступеньке ноги окаменели, отказываясь двигаться дальше: дверь мастерской была открыта, на фоне черноты стен сияла узкая полоса тусклого уличного света — фонари в деревне работали через один.

Захлопнуться ей что-то мешало, какой-то предмет. Ботинок, слетевший с ноги, торчал мыском вверх. Ботинок Егора.

В эту самую минуту я и поняла, что такое страх. Настоящий. С трудом заставив себя сдвинуться с места, подошла к двери и замерла у порога. В щель была видна голая мужская нога на снегу.

— Нет. Это не он. — уговаривала я себя вслух. — Это не он. Не он!

Что-то щелкнуло в голове, какой-то тумблер, и сразу высохли слёзы. Выскочив на улицу, я кинулась к Егору. Снег вокруг него стал тёмным от крови, полы куртки, накинутой на голое тело, разошлись, открывая страшную рану на животе. Чуть выше пупка.

Уже в скорой, которая приехала через пятнадцать минут, я набрала брата:

— Миш, сейчас ни о чём меня не спрашивай, ладно?

— Что случилось?

— У Егора в мастерской, на втором этаже, лежит собака. Раненая. Её перевязали, но нужна срочная операция. Миш, прошу тебя, заклинаю: спаси её! Обещай любые деньги, я все верну, только спаси, слышишь? Это очень важно. Пожалуйста!

— Ты цела?

— Да.

— Где ты?

— Я везу Егора в больницу. Его ранили. Ножом, Миш! Ножом в живот! Миша!

— Не ори! Успокойся. Я за собакой, потом перезвоню. Всё мне объяснишь. Сейчас спокойно спроси у фельдшера, куда везут. Спокойно!

Я повернула голову:

— А куда вы его везёте?

Пожилой мужчина, набирая в шприц лекарство, отрывисто ответил:

— В районную.

— Услышал, Жень, — четко проговорил в трубку брат. — Держись, сестрёнка. Отбой!

— Девушка, — молоденькая медсестра смотрела на меня с лёгким сочувствием, — вы бы вещи для себя попросили, вы же раздетая и вся в крови!

Впервые за последние сорок минут я оглядела себя: кроме свитера и старых стоптанных

мужских кроссовок, в которые машинально сунула ноги, на мне и вправду ничего не было. Даже трусов. Попыталась натянуть свитер на колени, пыталась не смотреть на бледное лицо, на тело в кровавых разводах, на пластиковые трубки. Если не смотреть, то не так страшно.

— Он ведь будет жить?

— Ты, голуба, в сотый раз спрашиваешь. Будет он жить. Дай-ка руку! Долго и счастливо.

Ничего смертельного не случилось. Зашьют, и будет как огурчик! Детишек тебе настрогает.

— Ой! Вы что сделали?

— Укольчик успокоительный.

— Зачем?

— Затем, что тебе в себя прийти нужно, сидишь тут как ходячий мертвец. Сериал смотрела?

— Да.

— Один в один, даже грима не надо! Нужно тебе успокоиться. Иначе людей в больнице испугаешь. И потом, за нами полиция едет, помнишь? Очень с тобой поговорить хотят. Скажи спасибо, что свои люди, вошли в положение. А то прямо на месте скрутили бы.

— Зачем?

— Потому что подозреваемая.

— Я?

— Нет, я!

— А почему он в себя не приходит?

— Опять двадцать пять! — фельдшер хлопнул себя по коленке.

* * *

— А чего говорить-то? Мимо Марья проходила, столкнулись с нею в лесу, познакомились, поболтали.

— С Марьей? Поболтали?

— Что, со мной и поболтать нельзя что ли? Только дубиной по голове и в сани? Спасибо, учту на будущее! Пусти!

— Жень, ну Жень! Ну Женя! — Слава не отпускал, наоборот, обнял меня и прижал к своей груди. — Знаешь, как я испугался, когда тело твоё в санях... — он отстранился и нежно заправил выбившуюся прядь под платок. — Красивая ты. Настоящая восточная красавица. Я таких только в кино видел.

— Перестань!

Мстислав держал крепко за плечи и его глаза становились всё ближе.

— Я тебя сейчас поцелую, — прошептал он, заставив меня приготовиться к жесткому напору.

Но поцелуй вышел очень нежным, даже робким.

— Господи, какая ты сладкая.

— Это узвар твой.

— Дурочка ты, а я дурак, — мужчина опять крепко обнял меня, и я уткнулась в расшитую тесьмой овчину его тулупа, просунула руки под полы и обхватила талию.

— Я не буду тебя торопить, Жень, но ты мне очень, — Мстиславу вдруг изменил голос, — очень нравишься.

— Отведи меня домой — домой, я уже назвала это домом? — Ноги устали и голова кружится.

— На руках отнесу! — воскликнул мой спутник, подхватил и понёс в терем.

Было спокойно и хорошо на мягких перинах. Волче остался там, где ему интереснее другая женщина, ну и отлично. Я рассматривала слегка воспаленную, покрасневшую кожу вокруг ран. Пусть со своими волками якшается, охотник.

— Слава! — крикнула во всё горло, и через пару минут в комнату залетел Гоудинович. — А у тебя мази никакой нет? Антибиотиков?

— Это что, — нахмурился ухажёр, — волки рвали?

— Ага. Болит до сих пор. Не заживает вот. Дядька Лешак смазывал чем-то.

— Дай-ка, — легкие поцелуи пробежали от запястья до сгиба локтя. — Милая, натерпелась ты боли! Говорил же, не сможешь уехать, а этот Волче не углядел за тобой, деревенщина!

— Так есть мазь или нет, — мне приятны были поцелуи, но вид ран беспокоил.

— Для тебя найду любое средство! — видно было, как Мстиславу трудно сдерживать себя.

Я улыбнулась:

— Тогда беги и ищи.

Слава нагнулся и быстро поцеловал меня в губы.

— Лечу!

Глава 11. Суть вещей

— Да не волнуйтесь так. Я просто выясняю, что вы помните. Воды хотите?

— Нет, — в тишине небольшой комнаты непродуманно и громко клацнули зубы.

— Значит, с потерпевшим вы познакомились недавно?

— Да.

— Какие у вас с ним отношения?

— Мы... Мы... Любовники мы.

Дверь кабинета открылась, заглянувший в комнату человек кивнул.

— Минутку! — старший кто-то там, имя, а уж тем более звание которого я даже под угрозой расстрела не вспомнила бы, подошел к двери.

Мужчины о чем-то негромко говорили, а я уставилась на свои ладони, лежащие на коленях. В больнице сердобольная медсестра принесла старые списанные пижамные штаны, и теперь мой наряд выглядел весьма живописно, что не добавляло уверенности в себе ни на грамм.

— Ну вот! — дознаватель широко улыбнулся. — Отпускаю я вас пока, Евгения Николаевна! Ваш приятель пришёл в себя и сообщил важные сведения о нападавших!

— Спасибо!

— Вот здесь подпишите... Ага. Я в ту сторону, довезти?

— Нет, спасибо вам, меня брат заберёт.

Спустя десять минут я сидела на переднем сиденье, крепко схватившись за натянутый ремень безопасности, и ждала, когда Миха начнёт спрашивать. А он молчал. Щелкали поворотники, моталась из стороны в сторону ёлочка освежителя, но кузен не произносил ни слова.

— Миш...

— Мамке пока ни слова не говори, поняла! Ни сло-ва! — вдруг прорвало брата. — Там, — он кивнул назад, — шмотки твои, к дому подъезжать будем, я у леска встану, переоденешься. Она на работу должна была уйти, но мало ли. Вся деревня гудит, что Егора убили.

— Он же живой!

— А я тебя не спрашивал! — вдруг заорал Миша, с силой ударяя по рулевому колесу. — Как представляю, что тебя тоже могли...

— Мишенька!

— Что? Что Мишенька? — брат говорил уже гораздо спокойнее. — Ладно, проехали.

Леском в Кленовом стане называли маленький кусочек настоящего леса, чудом сохранившийся вокруг небольшого оврага, в котором местные жители привели в порядок и обустроили два родника, бьющие метрах в пяти друг от друга. По обе стороны от выложенной камнями, осколками бетонных плит и щебенкой низины, поднимались вверх по склонам лестницы с перилами из сваренных немного неровно труб. Лесок состоял из сосен и елей, и шагнув внутрь этой узкой полосы зелени, можно было укрыться от любопытных глаз почти полностью.

Потоптавшись на разорванной коробке из-под макарон — где только он её нашёл — я оделась, засунула в пустой пакет свитер Егора. Холода совсем не чувствовала, только дикую

усталость и стыд — Мишка отыскал в вещах и принес лифчик и трусы.

К моему огромному облегчению, тётя Таня уже ушла. Я забросила в стиралку свитер и пару грязных Мишкиных рубашек, попыталась поесть, но ни крошки в себя затолкать не сумела.

— Мне на работу, — угрюмый Михай достал из холодильника трёхлитровую банку молока и принялся пить так, словно на улице плюс тридцать, и измучила его нестерпимая жажда, — с остальным сама справишься, не маленькая.

— Спасибо, братишка! — с тайной надеждой на примирение произнесла я.

Но ответа не дождалась, и причина была понятна: Мишка всю ночь занимался решением собачьих и моих проблем, стараясь при этом не растревожить мать.

Я снова всё разрушала вокруг себя, снова закружила вихри, что сшибали с ног близких. Так было с самого детства. Стоило мне испытать сильный эмоциональный подъем, как тут же на голову всем, кто рядом, и мне в первую очередь, опускался кулак судьбы, крушащий планы и надежды.

Глядя вниз, на потоки грязной воды, устремляющиеся к стоку белой сидячей ванны, я машинально тёрла мочалкой плечи, не понимая и не принимая случившееся. Потом села на холодный выступ — конструкция была разработана для хрущёвок, но Мишка где-то урвал этот раритет и установил вместо чаши душевой кабины. Было удобно — и тазик есть, куда поставить, и сидя мыться приятнее. Красивый голубой кафель быстро нагрелся от тепла спины, и я незаметно уснула, разомлевшая от горячей воды и слишком уставшая, чтобы сопротивляться.

Золик вернулся лишь рано утром. Я впустила его в окно, обрадованно погладив гладкую голову.

— Передал привет? Молодец!

Ворон деловито сел на край стола и принялся изучать содержимое плошек и кружек, смешно перепрыгивая с места на место.

— Да ты голодный что ли? Сейчас!

С вечера остался недоеденным пирог с рыбой, и я быстро развернула тряпицу в которую он был завернут.

— На, ешь, бедный мой мальчик! Никто не покормит маленькую птичку! Никому и дела нет, что птичка кушать хочет.

Однако чёрный приятель лишь смешно наклонил голову и моргнул, но есть не стал. Большой графитовый клюв с силой стукнул по кувшину с узваром. Потом ещё. И ещё, и несколько раз с усилием, даже яростью.

— Чего творишь-то, хам? Разобьёшь ведь! — увещевала я Золика, но тот продолжал колотить по обожжённой глине, пока последний мощный удар не пробил толстую стенку. Кувшин треснул, и верхняя его часть, расколовшись, провалилась внутрь сосуда. Удовлетворённый содеянным ворон подскочил к пирогу и принялся спокойно склевывать кусочки теста.

— Ты ведь не просто так это сделал, да? А зачем? Пить не хотел, видно же. Не хочешь, чтобы я пила?

Резко вздернув вверх голову, птах хрипло каркнул.

— Думаешь, мне нельзя это пить? Почему? Вредно? Отравлено?

Еще раз каркнув, Золик поставил лапу на пирог, ухватил корочку и рывком оторвал ее, открывая себе доступ к вкусной сочной начинке.

— Но ведь не убили же меня. Смысл какой? Чего молчишь? А...., — я в раздражении махнула рукой, — лишь бы пожрать! Что за мужики пошли!

В медной чаше было немного воды, и я умылась, расчесала волосы красивым костяным гребнем, заплела косу.

— Как там... все? Как дядька Лешак? Нормально всё? Хоть бы записку написали. Что за люди? Ну да, Волче же некогда, он же у нас сильно занят личной жизнью. Раненый опять же. Как там его живот?

Пирог давно исчез в недрах ворона, а сама птица, пристроившись на спинке стула и свернув голову набок, наблюдала за мной с заметным интересом.

— Нет, ты не подумай, мне так-то плевать, что там у него. Я просто из вежливости интересуюсь. Принято у воспитанных людей интересоваться, понял?

— Утро доброе, красавица! — сияющий Слава входил в горницу с широкой улыбкой, которая слегка померкла, едва он заметил Золика. — Как поживала?

— Знаешь, а хорошо! — наверное глупо, но мне хотелось, чтобы ворон увидел, как я довольна жизнью

— Ничего не снилось?

— Нет, а должно было?

— Ну, — Мстислав помялся немного, — бывает, что после травм всяких...

— Так, давай-ка не строить планов относительно моих так называемых волшебных способностей, ладно?

— Не злись! — хозяин, наконец, оглядел стол и удивленно поднял бровь: — Не поранилась?

— Чем? А, кувшин. Нет. Неловко поставила, видимо.

— Сейчас новый принесу.

— А он у тебя из чего? — я наблюдала, как едва уловимо напрягается спина и в неловком повороте назад замирает голова. Секунда, и Мстислав расслабился.

— Травки всякие, ягодки, всё натуральное! — нервно хохотнув, он переступил порог комнаты.

Заворчал Золик, улыбнулась я.

— Молодец, птах. Тебе бы в наркоконтроле работать — цены бы не было. Значит, Мстислав Гоудинович привязать меня к себе хотят, беспокоятся, боятся. Ну-ну.

Вернувшийся хозяин выглядел все так же оптимистично радостно.

— Горячий! Вот и пирожка тебе с курочкой. Завтрак, так сказать.

— Слушай, Слав, а ведь мне снилось что-то. Вот сейчас ты заговорил про завтрак, и я вспомнила.

— Да? — напрягся Мстислав.

— Ага. Пирог мне снился, вроде как едим мы его вдвоем, и ты вдруг подавился. Хлопаю тебя по спине, хлопаю, а ты все никак вздохнуть не можешь! Представляешь, какой ужас! Лицо синее, и упал прямо на пол. Кошмар! Но ведь это не то самое, да? Это же не предвидение?

— Ты ешь, — стараясь не выдавать волнение проговорил Слава, — завтракай, я пойду. Дела.

— Что, Золик, — прижав румяный пирожок к носу и вдыхая дивный аромат, улыбнулась

я. — Устроим товарищу Мстиславу шоу?

Чёрные крылья взмахнули, и ворон спустился на плечо, целясь в клювом в мой завтрак.

— Чтобы такого еще придумать, а?

— Ну пожалуйста! Понятно, что нельзя, но ведь как-то можно? — фраза получилась смешной, и я невольно улыбнулась медсестре средних лет, которая сейчас перекрывала доступ в коридор.

— Девушка, ещё раз повторяю: у нас карантин по гриппу! Случай у вас не тяжёлый, спецпропуска нет, так что звоните по телефону своему... жениху.

Такие крепости с наскока не берутся, но и я сдаваться не собиралась. Притворно вздохнув, огляделась. В достаточно просторном холле районной больницы сновали туда-сюда люди, которым, похоже, карантин не указ. В квадратном проеме гардероба скучала пожилая женщина в медицинской маске и очках с внушительными диоптриями. В сумочке лежала шоколадка, в голове окончательно оформлялся жалостливый рассказ.

— Здравствуйте, можно к вам за помощью обратиться? — всхлип получился натуральным и проникновенным.

Через несколько минут я шагала по больничным коридорам в белом халате и пакетом с продуктами в руках, лицо было прикрыто маской, голова белым колпаком на завязках. Гардеробщица Валентина Степановна, мужу которой, как к счастью выяснилось, Егор чинил раритетную "Окушку", очень чётко объяснила, куда сворачивать, чтобы проникнуть в плату номер двадцать и не попасться на глаза старшей медсестре.

Вот и заветная дверь! Оглянувшись, я быстро юркнула внутрь палаты, прошла небольшой коридорчик и оказалась в помещении с четырьмя кроватями, две из которых были аккуратно заправлены. Егор спал, чуть нахмутив брови. Его сосед нацепил наушники и смотрел что-то на смартфоне. Он равнодушно скользнул по мне взглядом и снова уставился в экран телефона.

Набольшие порезы на руках Егора были заклеены пластырями, ладонь перевязана — за лезвие ножа хватался, пытаясь отвести удар. Коснуться этого тела было страшно, вдруг что-то сломается?

— Женька...

— Разбудила, да?

Внезапно оказалось, что я страшно стесняюсь смотреть Егору в глаза. Словно и не было между нами ничего. Теряясь и, кажется, даже краснея, начала что-то лепетать про отсутствие нормальных апельсинов и "зато гранаты полезнее".

— Женька, как хорошо, что ты пришла.

Заставить себя посмотреть в глаза собеседнику было трудно, но я отважилась, и стеснение мгновенно улетучилось.

— Тебе больно? Есть хочешь? А я тут тебе гранаты...

Здоровой рукой Егор схватил меня за воротник и притянул очень близко к своему лицу.

— Тебя никто не обижал?

— Нет, — отчего-то шёпотом ответила я.

— Это хорошо, — бледный рот приближался всё ближе, — я переживал. Очень переживал.

Вот и встало всё на свои места. Тёплое касание губ восстановило наш общий кровоток, и сразу задышалось легче, и руки встретились в таком новом, но уже необходимом

сплетении пальцев.

— Знаешь, думал тут..., что ты приснилась мне такая.

— Какая? — я понимала, о чём говорит Егор, но, так же как и он, не могла найти нужных слов.

— Подходящая мне. Необходимая. Как воздух.

— Да. Я чувствую то же самое! — целительная сила наших поцелуев вернула краски на бескровное мужское лицо.

— Как Луша?

— Нормально. Ей повезло, как и тебе.

— Я верну деньги за операцию. Дорого, наверное?

— Не смей меня обижать, Егор. Я такого отношения не заслуживаю. Не смей! Она тебя защищала! Это я ей должна осталась.

— Какая грозная у меня невеста!

— Невеста?

— А ты сомневалась?

— Ну, предложения мне еще никто не делал.

— погоди, вот смогу встать на одно колено и непременно сделаю. Дождёшься?

— Дождусь.

— Ты же обещал! Разочаровываете, Мстислав Годинович. Очень разочаровываете!

— Одну не пушу!

— А с твоими волками я и сама не поеду! Неуютно мне под присмотром хищников. Травмируют мою нестабильную после удара по голове психику.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Дай мне водителя. Довезёт до места, а обратно дядька Лешак доставит.

— Нет.

— Слав, ты реально достал! Я ведь могу и совсем уйти отсюда. И домой вернусь без тебя, как только пойму, что нужно сделать. А? Как тебе такой расклад?

— Хорошо, — поиграл желваками Славик, — езжай! Но чтобы через день вернулась, иначе сам приеду.

Молчаливый возница подозрительно напоминал того, что треснул меня по голове, но кто старое помянет... Золик летел параллельно, присаживаясь на ветки и поджидая, пока сани поравняются с ним. Рысья шуба, что подарил мне Мстислав, хорошо согревала и была очень лёгкой и красивой.

Я прятала подбородок в длинный шелковистый ворс и представляла себя русской дворянкой, якобы объезжающей свои родовые владения, а на самом деле думающей о том, по кому так сильно билось сердце. Добавляло волнения и предвкушение скорой встречи с Волче, который грезился мне в гусарском ментике в обстановке охотничьего домика с непременно камином и оленьими рогами над входом.

Безошибочно выбирая дорогу, слуга Мстислава быстро довёз меня до знакомого места и, не попрощавшись, принялся разворачивать сани.

Стучать или не стучать? Сразу войти? Я мялась у порога минуты две, пока не поймала на себе взгляд Золика, сидевшего на ветке большого дерева.

— А вдруг люди заняты? — слегка обиженно парировала я его невысказанное ироничное замечание. — Я же не предупредила никого!

Но тут, разрешая все мои сомнения, дверь открылась, и на пороге возник дядька Лешак.

— Ой ты! Прибыли гости, убыли печали! — он широко улыбнулся, протянул руку, но коснуться моего плеча не решился. — Подомовничай, покуда я силки проверю. Малушка по воду пошла до речки, колодец помёрз. На вас, девицы, хозяйство оставляю. Косы друг дружке не повырвете?

— Попробую..., — настроение отчего-то сразу испортилось, — лишь бы она к мне не лезла!

Старик крякнул, расправил усы:

— Полешки в печку подкидывай, водицу согревай, а я скоренько обернусь! — и зашагал по хрусткому снегу вглубь леса.

Я пожалала плечами: моё дело предупредить!

В горнице было тихо, потрескивали дрова, было тепло, и спокойствие растекалось по венам без всякого на то моего согласия.

Скинув шубу, заглянула в горшки на столе — вода и овсяный кисель. Не густо. Пирогов не наблюдалось, а есть уже немного хотелось. И тут взгляд упал на топчан с перинами: Волче спал на них, будто и не вставал с момента моего отъезда.

Невольно залюбовавшись его позой, я подошла ближе, еще ближе, а потом и вовсе села на краешек постели. Мне никто не мешал рассматривать спокойное бледное лицо, крепкие натруженные руки, белые отметины шрамов на коже. Видать, доставалось молодцу по первое число и раньше.

— Горюха...

— Ой! Не хотела будить тебя, прости! Светло-карие, почти жёлтые глаза, опущенные густыми ресницами, снова брали меня в плен. По щекам расплывался огонь — краснею что ли? Вот ещё новости!

— Я так-то к дядьке Лешаку приехала, — да, нужно говорить хоть что-то, пока мозг не превратился в желе окончательно. — Думала, ты у себя дома уже.

— Красна ты девица, глазам отрада.

— Чего? — я попыталась вскочить с перин, но тёплая ладонь обхватила запястье.

— Не пуцу более никуда.

Размечтался, инвалид-дрессировщик. Попробуй удержи!

Волче тянул на себя, и я неловко прилегла рядом, стараясь избегать смотреть на его лицо.

— Ты не сильно тут рукам волю давай. Не хватало, чтобы твоя Малуша меня прирезала из ревности.

— Горюха моя, ладушка...

— Бредишь что ли? Да у тебя температура. Ну, точно! — как бы мне не хотелось прижаться к этому мужчине в эротическом экстазе, игнорировать факт затуманенности его сознания было невозможно. — Ты горишь, Волче!

Капельки пота на лбу, пересохшие губы, глаза, будто залитые мутным маслом. Как я сразу не заметила, кокетка городская! Мужик бредит, а я себе уже нафантазировала всякого!

— Пить хочешь?

Волче кивнул.

Я метнулась к столу и налила в глиняную кружку воды. Села в изголовье и приподняла

голову охотника.

— Давай помаленьку. Вот так.

Ощущая мелкую дрожь большого и сильного тела, я начинала паниковать. Сколько у него сейчас: тридцать девять, сорок? Ни таблеток, ни лекарств, ни нормальных врачей. Мстислав натёр мне раны какой-то пахучей гадостью, но красные припухлости от укусов до сих пор окончательно не спали, а здесь ножевое ранение!

— Не уходи...

— Нет-нет, миленький, ты что, куда теперь от тебя уйду? Пей ещё.

И Волче пил, и не было важнее и нужнее для меня сейчас человека, чем он.

— Уксус есть? — в лоб атаковала я Малушу, развязывающую платок и уже открывшую рот для обвинений.

— Это что за уксус?

— Так, проехали, спирт? А-а-а-а! У вас и спирта нет! — окончательное осознание, где и в каком времени нахожусь, был слишком горьким. — Горит он, бредит, видишь — дрожит весь. Как это... лихорадка у него, умрёт ведь. Что делать — то?

Взгляд Малуши уперся в дверь, ведущую по коридору к подземелью Моревны, девушка что-то явно мысленно обдумывала и взвешивала.

— Живой воды надоть.

— И где взять?

Но гордая подруга Волче не удостоила ответом, а решительно направилась к двери. Постояла еще немного и шагнула вперёд.

— Матушка, ты ли?

Опешив от того, как далеко заплутало сознание охотника, я кивнула:

— Я...сынок.

— Спать хочу, а не спится, гнёт спину, руки выворачивает, утомони матушка, упокой. Укачай, матушка, как бывало, спой.

В голове внезапно возникли слова колыбельной, что, как мне помнилось, пела мама:

{Баю-баюшки-баю,

Не ложися на краю -

Придёт серенький волчок

И укусит за бочок.

Он укусит за бочок

И утянет во лесок.

За пень, за колоду,

Под белу березу.

Станет ямочку копать,

Дитяточку засыпать,

Тамо чащи темны

Тамо звери злы

Тамо волки воЮт,

Малым спать не дают.}

Конечно, Волче забылся не от хриплого пения. Температура росла, влажное тяжелое тело вдавливало меня в угол, и я уже с нетерпением ждала возвращения Малуши, которая все не шла.

Как же Лешак допустил, или в порядке вещей такое отношение к раненым? Умрёт так

умрёт?

Наконец скрипнула дверь, и торопливые шаги подружки охотника сначала замерли у печки, а потом направились к топчану.

Из кожаной баклаги Малуша выливали в кружку странную жидкость, на воду совсем не похожую.

— Это что?

— Живая вода. Подсоби, держи-ка.

Вдвоем мы напоили Волче, который вообще перестал реагировать на происходящее, Малуша обтерла лицо жениха влажной тряпкой и глубоко вздохнула, приложив мокрую ладонь к собственному лбу.

— Она же ведунья или как там вы ее называете. Почему помощи не попросили?

— Не то не просили! — девушка нахмурилась и заправила за ухо выбившуюся из косы прядь. — Не чета нам боярыня — бела лебедь, мужнина жена, богатырка. Не ровня чёрной траве.

— Ну да, характер у Моревны не мёд, — я вдруг учуяла тот самый запах, о котором Марья говорила за давешним завтраком — от Малуши и вправду несло псиной, — а чего она злая такая?

— Того не ведаю, — усмехнулась девушка, — должно по за мужем скучает. Все очи проглядела, дожидаячи.

— А муж у неё кто?

— Знамо кто — Иван, княжий сын. Как уехал сестёр навещать по осени, так и не возвернулся ещё. Только весточки шлёт.

— М-да, если вместо горячего молодого мужа под боком леший да волки, не то что злой станешь — в Бабу Ягу превратишься.

— Угомонился, — Малуша укрыла Волче по самый подбородок и выразительно посмотрела на меня. — Лешаку не сказывай.

— Ладно.

Пришлось вылезать из угла и укладывать больного на подушку.

Лешак вернулся в сумерках, с порога крикнув Малуше:

— Поди разбери! Зайцев принёс, — с улыбкой обратился он уже ко мне. — Будет похлебка нонче. Печку-то смотрела?

— Нормально всё с печкой. А Моревна где?

— Где ж ей быть, — туманно ответил Лешак, — где и была.

Потом я резала большим ножом чуть подвявшую репу, а Малуша рубила на куски потрошённую тушу зайца. Лешак же отмерял какие-то корешки и травы, которые отправились в горшок вслед за остальными ингредиентами. Через полчаса по дому распространился невыносимо аппетитный запах.

Судя по тому, как крепко спал Волче, ему значительно полегчало, однако будить его не стали, сели за стол втроем.

— А Моревна есть будет? — невинный вопрос вызвал напряжение у Лешака.

— Ты пошто пытаешь про Марьюшку? — не глядя мне в глаза, спросил он, — али Мстиславу донести желаешь.

— И ничего не желаю, — я вытащила изо рта тоненькую косточку, — Хотя знаешь, спрашивал он про Моревну вашу. Только я ему сказала, что на улице встретила её,

мимоходом.

Но старик ничего не ответил, лишь сосредоточенно жевал.

Потянувшись за кружкой, я подняла глаза и чуть не подавилась тушеной зайчатиной: у стены, высоко подняв руки и расставив широко ноги, висел в воздухе очень худой мужчина, больше похожий на обтянутый кожей скелет. Почти провалившись в темные глазницы, горели огнём страшные нечеловеческие очи.

— Девица, подай водички, — громким шёпотом обратился он к мне.

Глава 12. Кликуша

— Мамочки, — сползла я со скамьи и попятилась к печке, вытянув в сторону скелета руку. — Дядька Лешак, это кто вообще? А?

Вскочивший тут же старик подбежал ко мне и стал всматриваться в лицо, пытаясь что-то рассмотреть или понять:

— Увидала, девонька?

— Издеваетесь? Да вон же он висит! Вон, у стены, вы не видите что ли?

— Вона! Висит? — усмехнулась Малуша.

— Вы что, совсем не видите?

— Блазнится тебе, пустое, — девушка с хрустом разгрызла хрящик, — не пугай, не из пужливых.

Очень аккуратно, словно опасаясь чего-то, Лешак приобнял меня за плечи и наклонился к уху:

— Дочка, что там?

Не спуская глаз с висящего человека, я описала его старику.

— Пить просит, дядька, жалобно так просит.

— А ты не давай, не давай, ни к чему оно. Попробуй у него, чего явился. Ну-ка то, спытай!

— Эй, ты! — огненные глаза смотрели в пол, но едва я окликнула доходягу, как он тут же зашевелился. — Ты зачем мне явился? Почему никто больше тебя не видит?

— Встретимся мы вскорости, девица, встретимся. Водицы бы испить...

Я стояла перед пустой бревенчатой стеной и не могла поверить сама себе — человек исчезал, растворялся в воздухе. Последними пропали горящие диким огнём глаза.

— Нету его, дядька Лешак! Не вижу больше! Обещал встречу. — и тут воспоминание о странном сне заставило вцепиться в руки старика мертвой хваткой. — Не пущу, пока не расскажешь всё. Сон я видела с Марьей и птицами. Она просила пить не давать. Это ему что ли?

Не нужно было обладать сверхспособностями, чтобы увидеть страх в глазах Лешака. Страх и недоверие.

— Не ведаю, дочка, не ведаю!

— Возвращайся к Мстиславу, пришлая. Там твое место! — вот только Малушиного сарказма мне сейчас и не хватало.

— Сама решу, с кем и где жить, поняла, волчица? — это слово вырвалось само собой, но уже в следующую секунду я чуть не упала. И рухнула бы на пол, если бы старик не удержал.

Перекрывая окружающую меня обстановку, перед глазами появилось второе полупрозрачное изображение. Это была покрытая снегом лесная дорога, на которой в ожесточённой схватке сошлись человек и зверь. Мужчину я не узнала, он был бородат и одет в простую крестьянскую одежду, а вот волчицу я уже встречала во сне и наяву. Крестьянин взмахнул легким топором, и хищница с визгом отлетела в сугроб, разбрызгивая вокруг яркие как ягоды рябины капли крови.

Ладонь, прижатая к глазам, не помогала развидеть страшную картину: мужик еще раз ударил уже недвижимого зверя и, схватив за хвост и задние лапы, поволок к саням.

Я подняла голову — рваный кровавый след тянулся поперек Малушиного тела.

— Чего очи тарачишь, клику-у-у-ша! — фыркнула девушка и принялась собирать посуду со стола.

Не замечая, как катятся по щекам крупные слезы, я пыталась подобрать слова, чтобы предупредить, рассказать, но фразы не выстраивались, голос не слушался, и только сильно дрожала нижняя челюсть. Мне не нужен этот чёртов дар. Не хочу такое видеть! Но судьба забавлялась, она ловко сменила картинку в стереоскопе и заставила смотреть новый эпизод будущего: Моревна в кольчуге, шлеме и длинном меховом плаще наставила на меня узкий короткий меч.

— Сыскался тать скоро, да и суд скорый будет. Сказывай, куда подевала?

Из-за спины Моревны вышел уже знакомый мне блондин и отвел клинок от моего лица в сторону.

— Допытаем, любушка, не до того. Потом допытаем!

— Да что же это такое! — от ужаса у встали дыбом волоски на руках.

— Чу! — негромко произнёс леший и провел пред моими глазами ладонью. — Ступай за чур! По чур наше, за чуром твоё!

Видения растворились в воздухе

— Это что? Это показалось мне? — старик решил и крепко обнял меня, а я уткнулась лбом в его плечо. Неужели и вправду я вижу то, чего сейчас нет? То, что только лишь должно случиться? — Страшно мне, дяденька.

— Эх, птаха ты залётная, как не страшно! Страшно! Иди-ка, девонька, умойся, охолопись, морок отгони.

Тётя Таня шинковала капусту с таким ожесточением, как будто вместо кочана перед ней лежала моя непутёвая голова. Я даже поежилась невольно.

— Это же надо! Это же надо! — половина кочана была с яростью отодвинута в сторону. — Двадцать шесть лет, а мозгов как у цыплёнка! А ты куда смотрел, а? Какого лешего девку одну оставил?

— Мам, ну ты чего?

— Я тебе вот дам, чего! Я тебе устрою! Я вам обоим устрою! — тетя повернулась к нам с Михой и повела ножом из стороны в сторону. Стало совсем не смешно. — Отцу твоему, Евгения, я уже позвонила. Завтра к вечеру приедет. Хватит уже прохлаждаться. Тебя с работы уволят за прогулы. Ты этого хочешь? Да? Или тебе так замуж хочется, что ты готова за любого бандита выскочить?

— Он не бандит! — снова влез Миха и получил заслуженное:

— А ты помалкивай! Я вот еще узнаю, куда ты ночами бегаешь. Уж не в дом ли за синим забором, вот уж я узнаю!

Мы с братом сейчас были похожи на двух набедокуривших младшекласников, которых, прежде чем накормить щами, нужно в воспитательных целях разделать под орех.

— Егор не бандит, он не виноват, что эти бомжи к нему полезли! — краем глаза я заметила, с каким уважением смотрит на меня Миха. Ему отваги не хватило. Да и как тут спорить с женщиной, у которой в руках кухонный тесак.

— Почему к другим не лезут? Почему к нам не полезли? Нечисто у него! Вон по телевизору рассказывали, как машины крадут и на запчасти разбирают. Вот в таких вот, между прочим, гаражах.

Не бандит он, видишь ли! — внезапно тетя села на табуретку и, поставив локти на стол, уткнулась лбом в запястье. — А если бы тебя пырнули? Он-то, боров такой, отряхнётся и пойдёт дальше. А ты? Ох...

— Мам, что? Плохо, да? Пустырничка?

— Яду!

— Ну мам, — Мишка сидел у материнских коленей и смотрел щенячьим взглядом, — ну перестань! Всё же нормально, Женька живая и здоровая. Мы там только порядок наведём и всё. Ну нельзя же человеку возвращаться в дом, где всё кровью вымазано, ну... Мама?

Совершенно другим, сдувшимся и почти безразличным голосом Татьяна Васильева, моя героическая тетка, которую я в эту секунду была готова расцеловать, скомандовала:

— В кладовке возьми бутылку с перекисью. Сначала ею оттирайте. В мешке из-под сахара тряпки старые. Прямо весь и берите. Перчатки сам знаешь, где лежат. Вёдра, надеюсь, у него есть?

— Есть.

— И там, — она махнула рукой в коридор, — собаке собрала. Плов вчерашний и потроха куриные разморозила. Тоже душа живая.

— Мамка, — Михай с силой обнял мать, — ты у меня самая лучшая!

— Не подлизывайся, иди уже!

Брат убежал, а я не могла сделать ни шагу.

— Я, наверное, люблю его. У меня и не было никогда такого. Пока его не коснусь, и не живу вроде.

— Ты взрослая уже. Тебе родня не указ. Сама решай.

— Я уже решила.

— Решила...

— Мне с ним ничего не страшно, только за него.

Тётя вдруг сгорбилась как-то совсем по-старушечьи, и мне, наконец, стала понятная ее боль. Она тоже любила и боялась, и теперь в своей памяти наверняка не может разделить два этих чувства.

— Всё будет хорошо у нас, я тебе обещаю!

Мы прибрались в мастерской вместе с ребятами, которые работали у Егора, — Тимуром и Серегой. Заказчики ждали свои машины, и нужно было продолжать ремонт, чтобы не подвести начальника. Парни, жалея меня, сами оттирали засохшую кровь — человечесью и собачью.

— И как ты его затащила? — Мишка в который раз задавал этот вопрос, а я так и не могла найти ответа. — В нем же килограмм девяносто костей и мышц.

Выйдя на улицу, оттянула ворот водолазки, который душил, хотя давно уже растянулся. Свежий снежок почти стер кровавые следы нападения. Я закурила и привалилась спиной к стене. Пара затыжек, и голова чуть закружилась, уходило странное напряжение. Больше курить не хотелось, я без сожаления притушила сигарету о кирпич, поискав глазами, куда бы кинуть окурок, и тут взгляд наткнулся на застрявшую между сваленными в ряд трубами блестящую вещицу. Брелок или большой кулон в виде искусно отлитой волчьей лапы был мне очень знаком. Оборванная цепочка зацепилась за металлический заусенец, а так бы провалилась безделушка в снег. Теперь осталось выяснить, чьё это добро. Совершенно неожиданно появилась уверенность в том, что это улика против убийцы. Полиция умыла

руки, для вида поискав бомжей, охотившихся якобы за цветметом, но я дала бы голову на отруб, что эта серебристая лапа принадлежала совсем другому человеку. Но вот кому?

Ветеринар не спускал с меня глаз:

— Если что — сразу звоните!

— Конечно, но вы же сказали, что ничего серьезного, — я улыбалась так, словно от качества улыбки зависел размер скидки, — что органы не задеты.

Пойманный в капкан собственной честности молодой мужчина слегка нахмурился и назидательно произнёс:

— Животные не могут рассказать, как чувствуют себя, задача хозяев тщательно следить за состоянием собаки. Температуру мерить каждый вечер и утро, антибиотики колоть по схеме. Если что-то не понятно, звоните в любое время дня и ночи.

— Спасибо! — Михай решительно влез в диалог и крепко пожал ветеринару руку. — Сестру жених уже жаждался, — совершил он контрольный выстрел в сердце зоодоктора.

На заднем сиденье Мишкиной машины мы расстелили старое одеяло и аккуратно уложили собаку. Я села рядом и зачем-то сжала в ладони переднюю лапу, погладила пальцем шершавые холодные подушечки:

— Всё, домой едем, милая.

— Слушай, ну и цены у них! Конские! За такие деньги человек в гостинице может жить. Скидку-то хоть сделал?

— Сделал, сделал, не ворчи! — смеющийся взгляд брата в зеркале заднего вида всегда действовал на меня ободряюще. — Зря я что ли улыбалась ему целый час?

— Ох, Евгения! Не завидую я твоему будущему мужу: глаз да глаз за тобой!

— За собой следи, Дон Жуан деревенский.

— Кстати, Славик о тебе спрашивал. Мужик весь в переживаниях, нехорошо как-то вышло. Все думали, что вы вместе, а тут вон как.

— Ничего, он взрослый мальчик, переживёт.

— Всё равно, Жень, поговори с ним по-человечески.

— Хорошо, Миш, я поговорю.

* * *

Ночью я не смогла уснуть. Стоять на краю чего-то пугающе нового было жутковато. Всё путалось в голове, сплеталось в ворох вопросов без ответов, мучило. Если я вижу будущее, то можно ли его изменить? А если можно, то как? Сумею ли увидеть, как выбраться из этого проклятого места?

Стараясь не разбудить никого, обулась и накинула шубу. Ночь была мглистой, ветренной, завтра повалит снег — небо уже надувало щёки. Так отчаянно захотелось тепла, зелени первых листочков, ласкового солнца, кажется, не наступит никогда весна. Просто из вредности. В наказание нам, бестолковым людишкам.

— Очей не сомкнёшь? — из ниоткуда появившаяся Моревна встала рядом, привалилась плечом к срубам, засунула ладони в рукава красивой белой шубки.

Я любовалась на её безупречный профиль, на облачка пара, вылетающие из совершенных губ и абсолютно точно знала, что теперь могу говорить с ней если не на

равных, то достаточно смело.

— Кто это? Тот, кому пить давать нельзя.

— Кощей.

— Почему нельзя?

— С одного ведра — как дитя малое, с трёх — как мальчонка, с семи — как добрый молодец, а уж с десяти и войску с супостатом и не справиться.

— И что с того?

— Разорять земли пойдёт. Княжество мое поедом поест, людей сгубит, пашни вытопчет, леса пожжёт, реки высушит. Нежить.

— А почему от отца прячешься?

— Гневаётся тятенька. Не по его воле взамуж пошла.

— Не боишься, что я разболтаю?

Марья усмехнулась:

— Не из таких будешь. Токмо с Мстиславом не балуй, оборотень он. В нем злостью нутро выстлано, а злосчастье из пасти вылетает. Не одолеешь!

— Мы с ним пришлые оба. Как нам домой вернуться?

Удивительное умиротворение снисходило на меня от этого разговора. Не с соперницей или врагом беседовала — с сестрой или близкой подругой. Без недомолвок, без язвительности, без лжи.

— Ужели не увидела еще?

— Нет.

— А он пытается?

— Угу. Слушай, а что за молодец с тобой ко мне во сне являлся. Высокий такой, со светлыми усами...

— Муж мой, Иван.

— Это не тот ли, что к сестрам погостить уехал?

— Он, соколик, — вздохнула Моревна.

— Ты же можешь его вернуть, поведовала бы, так и прискакал бы сразу.

— Его со мной видела? Стало быть сам прискачет, — улыбнулась красавица. — Долго мы с ним бились, пока я слабинки не дала. А не дала бы — век в девках просидела бы. Так-то с мужиками ладить нужно — подраночком прикинуться, да и верти им, как желаешь.

— Подраночком! — фыркнула я слегка обиженно. — Когда к нему на грудь Малуши всякие вешаются!

— Эка..., — засмеялась негромко княжеская дочь, — сама ведаешь — с ноготочек Малуше той осталось.

И тут я повернулась к Марье, схватив ее за рукав:

— А если предупрежу её, а? Так нельзя же, когда человек умереть может. Нехорошо так поступать.

Внимательный взгляд кажущихся в сумраке черными глаз изучал моё лицо, рвался внутрь — я чувствовала это.

— Не сумеешь ты смертыньку отвести, кликуша. Не дадено тебе силы такой. На какую тропинку не свернёшь, а к развилке явишься. Волче — брат мой названный, един отец, да матери разные. Моя — княгинюшка, его — дворовая девка. Ростили рядом нас, в надежде друг на дружку. Да только как кровушку не мешай, в разные ручейки растекается. Ему Мстиславу служить да зверя бить, мне княжий стол занимать. Одно скажу — обиду

нанесёшь брату — сгною в подземелье!

— Нанесёшь ему обиду, как же! Уеду я завтра. Тяжко мне смотреть на них. Уеду к Мстиславу.

— Не уедешь, — покачала головой ведунья, и негромко свистнула.

На зов прилетела знакомая мне уже серебристо-серая небольшая сова, приземлившись на ближайшую к нам ветку сосны.

— Мой пригляд тебе. Подруженька верная, совушка-круглая головушка. Молвить не станет, путь укажет.

— Зачем? Куда?

— Зябко, ступай в дом.

— А ты? — обернулась я, но передо мной уже не было красивой молодой женщины, только две совы улетали вглубь леса.

В горнице после мороза было тепло. Прислонив ладони и щёку к почти остывшей печке, я невольно угадывала в темноте силуэты спящих Малуши и Волче. Вот охотник завозился; заскрипел, вздыхая от облегчения, под ним сосновый топчан, и босые ноги зашлёпали в мою сторону.

— Ты поправился, смотрю, совсем, — шептала я темной фигуре, высившейся всего в шаге.

— Где была?

— На небушко смотрела.

— С кем перемолвилась?

— Ого, да ты мне допрос устраиваешь что ли? Тебе то что?

Волче двинулся вперёд, и я инстинктивно выставила перед собой руки, которые тут же коснулись обнаженного тела, обвязанного по талии полотном.

— Болит?

Сильные пальцы ухватили за запястье и подняли ладонь выше, прижав к груди.

— Извела ты меня под самый корень. Мочи нет терпеть Мстиславу заботу по тебе. Один раз отбился и второй устою, лишь бы ты рядом осталась.

— Это так у вас отбиваются? Когда чуть кишки на снег не вываливаются? Ничего себе! — я попыталась вырваться, но не тут-то было.

— Постой, ладушка! Дай раздышаться чуточек.

— Малушу разбудишь! — прошипела я чуть быстрее, чем следовало бы. — Я чужих объедков не подбираю, у волков изо рта мясо не вытаскиваю. Ну вас, зверей! Живите по своим законам, а меня не трогайте! — если бы Волче мог слышать мой внутренний голос, он бы изрядно удивился: всё естество тянулось к этому мужчине, я находила оправдания самым смелым своим и неосмотрительным поступкам, что могла бы совершить, да что там! Я даже готова была первая поцеловать его! Но разум и страх встали перед желаниями тела непробиваемой стеной, как казалось.

— Горюха...

— Не горюха я тебе, понял! Не горюха! Женя меня зовут!

— Неужто матушка так величала? — с улыбкой произнес Волче, и это подлило масла в костёр.

— Прикинь!? И батюшка тоже! — не замечая того, я говорила всё громче. — И брат, и дядя, и тё...

Внезапно время остановилось, и на ярком экране внутреннего взора, который

растянулася от стены до стены, я увидела такое, от чего подогнулись колени и разом пересохло во рту. За этим зыбким полупрозрачным видением обеспокоенное лицо Волче казалось бледной маской.

— Горюха?

— Всё нормально, нормально всё! — прижиматься к его груди было так хорошо, что испуг прошел очень быстро, уступив место совсем другим и очень опасным чувствам. — Я видеть начала всякое. Будущее что ли. Не знаю... Кличу, выходит.

— Боязно? — лучше бы он не спрашивал так, лучше бы не обнимал ласково.

— Боязно, — чуть приоткрыв губы, я уже мечтала о поцелуе, когда дядька Лешак прикрикнул со своей лавки:

— Угомону на вас нет! Добрым людям дрёму распугали!

Нас расцепило и разнесло каждого в свою сторону.

Глава 13. Было бы куда бежать

Не выспавшееся тело сводило с ума раскоординированностью и головной болью, Лешак ворчал, Волче выглядел огурцом, хотя всё ещё довольно вялым, Малуша, как представлялось моей бешеной ревности, предвкушала привычные любовные удовольствия.

— Дура набитая! — цедила я сквозь зубы, скатывая постель в огромный пёстрый ролл. — Домой, домой! Быстрее из этого дурдома.

Злиться было на что — не давало покоя видение. Не то, чтобы я дико любила животных, но участь белёсой волчицы, зверски зарубленной топором, была, как ни крути, незавидной.

— Слушай! — негромко обратилась я к сопернице. — Выйдем на крылечко?

И она неожиданно легко согласилась. Мы стояли там же, где давеча с Моревной, и так дико захотелось стрельнуть сигаретку, чтобы, выпуская дым, как бы между делом сообщить: "А вот знаешь, тебя убьют скоро!"

— Ведаю, что тебя калёным железом жжёт! — с места в карьер кинулась Малуша. — Не терпится Марье про живую воду донести? Так ступай! Ступай! И не от такого лиха увёртывалась!

— Постой, — я зачем-то тронула разгорячённую девушку за плечо, — не об том разговор. Видела я тебя волчицей. Будто мужик на тебя топором замахивается. Незнакомый. И бьёт. И вроде как убивает... Вот.

Резко согнувшись и с силой хлопнув себя по коленям, девушка громко расхохоталась. Смех ее был больше похож на долго копившую силы истерику.

— Вона! Топором? — Малуша утирала выступающие слёзы рукавом своего оверсайз тулупчика. — Меня? Волчицею? — она неожиданно выпрямилась и зашипела в лицо: — Ты хуже топора, чернявая! Ты пуще смерти! Какой наговор на мужика мово наслала? А? Стервь луговая! Всю силушку из него выпростала, не тешить меня, не миловать не может! Да чтобы ты сгнула!

— Малуша, я же серьёзно гово...

Напротив с охапкой поленьев замер Лешак.

— Ох, напа-а-а-сть! Снесёте дверь, чую, по бревнышку дом разматаете, курицы!

— Я ей про видение своё, а она... Да ну к монахам! Сдохнет, пусть тогда не говорит, что не предупреждали.

Аккуратно сложив дрова у стены, старик снял овчинные рукавицы, оббил их об колено и снова надел.

— Ты меня обратно отвезёшь, дяденька? Мстислав иначе сам приедет, а я не хочу, чтобы они с Волче опять закусились.

— И то! — Лешак постоял пару секунд. — Собирайся, коли ехать. Засветло обернись.

А что, собственно, собираться. Оделась, глотнула местного компота. Поразглядывала Волчин нечёсаный сколько дней затылок, укололась о ненавидящий взгляд Малуши-волчицы.

— Едем.

Невесть откуда взявшийся Золик уселся на плече, откровенно уродуя новую рысью шубу.

— Отпилю я тебе когти, птенчик! Где был? Чего видел? — ворковала я, пока ворон охотно подставлял голову для почесушек.

— Уладилась? — обернувшись спросил Лешак и по-отечески подоткнул под ноги

меховой полог. — Трогай, родимая!

Золик вспорхнул крыльями, но на плече удержался.

— Вот ты лентяй, лошади и так тяжело, еще и тебя вези, морду наглуую!

Но птица, напряжённо нагнувшись вперёд, лететь самостоятельно отказывалась. Лешак что-то напевал сам себе, и я заклевала носом, наверстывая невыспанное за ночь.

— Далеко ли путь держите? — зычный голос сначала казался продолжением сна, но розвальни резко остановились, и меня сильно бросило вперёд.

Перед нами, перегородив уже немного наезженный санный путь, стояли несколько довольно разношерстных мужиков, угрожающе поигрывающих разнокалиберным оружием. Из знакомого мне были топоры, мечи и багры. Неужели Моревна была права, и до Славика я не доеду?

Очень добродушно Лешак попробовал разрулить ситуацию:

— Люди добрые! Не замайте! Нету у нас ни казны богатой, ни каменьев самоцветных. Вот, дочку с побывки к мужу везу. Ужо пустите, лихо не творите!

— Дочка? — вперёд вышел чернобородый и черноглазый здоровый мужик, очень смахивающий на киношного атамана какого-нибудь крестьянского восстания времен Екатерины Второй. — Ягодка наливная! И шубейка на ей богатая. Справно живёт, стало быть, с зятьком-то?

— Как не справно! Спинушку не разгибают от зари до вечера.

— Ага! — поигрывая топором обходил сани главарь разбойников.

Золик, взлетевший на ближайшую сосну, громко закричал.

— Чует воронье скорую тризну! — заготовил кто-то из толпы и остальные засмеялись вместе с ним, а чернявый нагнулся ко мне и притянул за ворот:

— А не кликуша ли ты Мстиславова? Баяли люди, упередь смерти смерть видишь? А?

В растерянности я оглянулась на Лешака, а тот, нарочито сутулясь и побряхтывая, слезал с саней. Неужели отдаст меня этим уродам? Но тут дядька обернулся, и я увидела, как делятся на сегменты и словно выдуваются наружу, как у стрекозы, его глаза.

— Вожжи удержишь? — как-то буднично спросил старик, и я оторопело кивнула.

Лешак отошёл в сторону потопал ногами и вдруг стал вытягиваться вверх и в стороны. Сквозь одежду, пробивая ткань острыми сучьями, начали вылетать голые крепкие ветки, голова завертелась, а когда замерла, то на людей смотрела деревянная колода с горящими зеленоватым огнём многогранными глазами.

— Гони! — заорал леший, и я, оттолкнув чернобородого в сугроб, метнулась к вожжам и что есть силы встряхнула их:

— Но, милая!

Лошадку два раза просить не пришлось, она резво побежала вперёд, прядая ушами на каждый нечеловеческий рык, раздающийся сзади.

* * *

— М-да. — отец обходил "семерку" раз пятый и каждый круг на одном и том же месте громко театрально вздыхал. — М-да. Порезвились ремонтнички!

— Тут немного осталось, — слегка смущаясь, пытался уладить неловкую ситуацию Серёга. — Бригадир наш в больнице, а без него трудноато разобраться. Он у нас спец по

раритетам, — но, заметив мои вытаращенные глаза, быстро исправился: — по отечественным машинам.

— Пап, тётя Таня просто преувеличила немного, ты же ее знаешь! Езжай домой, я на работе отпуск взяла, побуду тут ещё. Ну мне нужно так, пап!

— Нужно, говоришь? — отец дыхнул на ветровое стекло и рукавом пуховика стёр невидимое остальным пятно. — Спасибо, Сергей. Надеюсь, удастся восстановить работоспособность моего агрегата.

— Даже не сомневайтесь! — зачастил коллега Егора. — Сделаем в лучшем виде!

— Ну да, ну да... До свидания!

Мы шли под ручку по заснеженной улице, и я без умолку болтала обо всякой ерунде, пока отец не остановился и не взял меня за плечи:

— А теперь давай по чесноку. Что с тобой происходит? Что за внезапная страсть тебя обуяла? Я Тане доверяю, она зря болтать не будет.

Отпираться уже не имело смысла, и, надеясь, что мой рассказ не будет выглядеть исповедью экзальтированной нимфоманки, я огорошила родителя первой же фразой:

— Я замуж выхожу!

— Это у нас который уже раз?

— Ну пап!

— Нет, я безо всякой подковырки спрашиваю, просто сбился со счёта. Седьмой? Десятый? Ты должна научиться жить со своею влюбчивостью, давать себе время остыть, Жека. Ну нельзя же так в омут с головой каждый раз!

— В этот раз всё серьёзно, пап, честно!

— А эту коронную фразу оставь, пожалуйста, для своих легковёрных подружек, хорошо? В прошлом году эта твоё "серьёзно" стоило мне пятьдесят тысяч, смею напомнить. И это при том, что тамада быстро утешился новым заказом. Нет-нет, я не попрекаю тебя деньгами, дочь! Но в какие-то разумные берега свое, прости меня, либидо можно направить?

Нечем было крыть, и я это прекрасно понимала.

— Как ты понял, что любишь маму?

— Что?

— Ну вот как ты решился жениться? Не из-за комнаты же в общежитии?

— Нет. — отец повыше застегнул молнию пуховика и зарылся в ворот подбородком. — Я Пашке тогда сказал, что если вот эта девушка мне откажет, я брошусь с железнодорожного моста.

— Правда? Ты никогда не рассказывал.

— Она перед глазами была всё время, мама твоя. Куда бы ни пошёл, что бы не делал, словно на стекле нарисовали и передо мной всё время держат. Мучался страшно, ревновал даже к старику-вахтёру в девичьем общежитии. Как-то в кино пригласил, в гардеробе раздеваемся, а она, знаешь, беретик такой вязаный с головы снимает, и я прямо в волосы ее уткнулся, оторваться не могу. Как будто сто лет ее до этого знал. Так и простояли. На сеанс опоздали даже.

— Я понимаю, папка. — хотелось добавить, что и у меня так же, что и у меня как будто сто лет, но я не отважилась перебить своей историей воспоминания родного человека.

— Дочь, я тебя всегда поддержу, ты знаешь. Но если уж идти под венец, то только с тем, без кого только с железнодорожного моста. Вот так тебе скажу.

— Егор.

— Николай.

Два важных для меня человека протягивали друг другу руки.

— Вы не переживайте, — обезоруживающе, как со стороны казалось, улыбался мой герой, — машину соберу, как только выпишусь. Ребята у меня старательные, но опыта у них маловато.

— Понятно, — отец нервно оглянулся, — а вообще по жизни какие планы?

— Жениться, построить дом, родить сына, — продолжал улыбаться жених.

— А дерево?

— Какое дерево? А! Нет, дерева маловато будет, мы сад посадим, да, Жень?

— Я как-то не очень в садоводстве, но если нужно, то посадим.

— Сад, значит, ну-ну.

— Пап!

— Сад так сад! Я не против. А вот расскажите-ка мне, молодой человек, какое у вас образование...

Как же мне повезло, что карантин по гриппу так вовремя сняли, и я смогла устроить эту судьбоносную встречу. Посланная обоими мужчинами в буфет за свежими ватрушками, я очень надеялась, что они найдут общий язык, и не ошиблась! Уже в коридоре был слышен горячий спор.

— Да "копейка" той партии всем машинам машина! Итальянцы собирали, дно оцинкованное ставили!

— Итальянцы? Да вы шутите! Запчасти — да, некоторые были из Италии, а в целом всё то же самое!

— Да откуда тебе знать-то? Да ты в те времена даже в планах не значился!

— Ну извините! Я их столько перебрал, что уж оцинкованное дно заметил бы! Но ни разу не попадалось!

— То-то и оно, что не попадалось! — горячился отец. — А вот как попадётся, тогда и поговорим!

— Брейк, мальчики! — эффектное появление с ароматной выпечкой наперевес я сопровождала самой очаровательной из своих улыбок.

— Если ты от Егора сбежишь, — резюмировал отец час спустя, с осуждением глядя на то, как я затягиваюсь сигаретой, — прокляну и квартиру перепишу на Михаила с Гошкой. Поняла?

— Папка, я так тебя люблю!

* * *

Лошадка у Лешака была резвой, но уже не молодой. Скоро она перешла на шаг и необходимости судорожно сжимать вожжи уже не было. Я оглянулась: за мной только белый лес. Превращение дядьки в лешего было впечатляющим, но он остался один на один с нападающими, и кто знает, а вдруг они его, деревянного, на куски порубили, и лежит старик сейчас затоптанный в снег?

Наверное, если бы я лучше владела своими способностями, то могла бы как-то разглядеть ближайшее будущее, но по приказу видение не явилось. Мстислав подождёт, пока выясню, что там с Лешаком. Нужно было развернуть лошадь и ехать обратно, спрыгнув с розвальней, я ухватила повод у самой морды и потянула в сторону. Однако вся конструкция саней к быстрым манёврам приспособлена не была — радиус разворота требовался слишком большой.

— Подсобить? — второй раз за это утро незнакомец преграждал дорогу. — Мстислав Гоудинович в другой стороне ждёт.

Вот чёрт! Славик не выдержал и прислал-таки своих людей. Вернее, человека и волков. Несколько серых зверей стояли поодаль, выжидая.

— Сама справлюсь! У меня там на дядьку напали, — решила я воззвать к сочувствию незнакомца, — разбойники, наверное. Если ранили, то помочь бы.

— Ежели лихая ватага кого в полон берёт, то токмо косточки опосля них и соберёшь.

— Какие косточки?

Но незнакомец не ответил. Молча перехватил повод, не обратив внимания на то, как отпрянула испугавшаяся кобыла, оттолкнув меня плечом в сторону, полез в сани. Думала я недолго: просто развернулась и пошла за Лешаком. А что? Волки меня грызть не станут, по голове никто не даст. Наверное. Что он сделает, этот крестьянин? Наивная уверенность растаяла тотчас же, как мужик ухватил меня за обе руки и спокойно, без лишних движений связал их за спиной. Попытки вырваться ни к чему не привели. Крестьянин был силён и хладнокровен.

— Велено было привезть, — почти добродушно объяснил он мне свои неправомерные действия и поволок к розвальням.

Острый запах влажной собачьей шерсти вызывал тошноту. Рядом не наблюдалось ни оседланной, ни запряжённой в сани лошади. Не пешком же он шёл. Оборотень?

Волки выстроились позади нас, нетерпеливо переступали, поторапливая возницу. Тот укрыл меня меховым пологом и взмахнул вожжами.

Хорошо, я сама всё смогу, я всё умею, вот сейчас соберусь с силами, и всё сделаю, сейчас... Спасибо тебе, тренер Николай, что посоветовал включить элементы пилатеса в программу тренировок! С большим трудом, путаясь в юбках и полах шубы, но я смогла протащить ноги и попу сквозь связанные руки, теперь, когда они оказались спереди, можно было попытаться развязать верёвку. Ну ты, Славик, и гад. Второй раз меня воруют как Нину в “Кавказской пленнице”! Нет, советский кинематограф — это кладёзь сюжетов!

Через какое-то время сумела тихо приподняться и привалиться поясницей к невысокому бортику. Повернулась назад и всмотрелась в морды волков. Бегут, не торопятся, даже с какой-то вроде бы ленцой. Ладно.

Скатившись внутрь саней, легла головой к зверям, согнула ноги, придвинувшись ближе к вознице. Волокнистая верёвка поддалась не сразу, но, не обращая внимания на саднящую боль, я всё пыталась и пыталась, пока небрежно завязанный узел не поддался. Теперь нужно было действовать молниеносно. Я резко толкнула возницу ступнями в спину, он, не ожидавший такого удара, свалился вперёд, но дальнейшее развитие событий меня изрядно напугало.

Лошадь в ужасе рванула, сани чуть забуксовали, но потом с натугой проехали по лежащему в снегу мужику. Волки пробежали по телу, даже не обратив на него внимания. Я оглянулась — слуга Мсислава поднял голову, значит, жив, но вот что будет со мной —

большой вопрос. Казалось, что кобыла уже не разбирает дороги, а вожжи залетели под сани, и достать их оттуда у меня не хватит сноровки. Оглянулась: один из волков резко свернул в сторону и понёсся гораздо быстрее, чем бежал до этого. Обдумать звериный манёвр не успела — резкий толчок выкинул меня из саней.

Отплёвывая снег и отряхиваясь я увидела, что лошадь повисла в хомуте и странно дёргается, оглобли и сани образовали возвышающийся над землёй угол. Пришлось пробираться к коняге на помощь, но кобылу уже ничего не спало бы: снег вокруг напитывался кровью, пятно становилось больше с каждой секундой.

В своём суматошном беге несчастное животное напоролось на припорошенную и торчащую обломанными суками в стороны корягу, что вонзилась прямо в грудь и брюхо. Волки тоже подходили ближе — острый кровавой запах дразнил их, заставлял забыть обо мне. Они окружали будущую добычу молча, неотвратимо сужая кольцо.

Медленно, без резких движений, я стала отходить, санный след был виден хорошо и по нему можно вернуться назад. Волки даже не оглянулись, они уже рвали шею лошади.

Теперь оставался лишь возница, но добравшись до места, где он упал с саней и оставил глубокий отпечаток в снегу, мужика я не обнаружила, зато заметила цепочку глубоких человеческих следов, уходящих в ту же сторону, куда убежал один из хищников. Хорошо, что двигаться может, не очень хотелось чувствовать себя убийцей.

Подобрав юбки, я всё шагала, шагала, иногда проваливаясь в сугробы, иногда приваливаясь к стволам деревьев и переводя дух. Серое небо не добавляло оптимизма, но, судя по всему, до сумерек еще долго, ведь из дома Лешака выехали мы утром.

Когда передо мной появилась тройка волков во главе со знакомым уже самцом — узнала шрам поперёк морды, я расхохоталась:

— Да вы, блин, издеваетесь? Опять что ли?

Серые звери неспешно прошли за мою спину и вытянув морды принялись нюхать воздух, пытаясь угадать погоню. Немного потоптавшись, развернулись ко мне.

— Ну, если вы настаиваете..., — я двинулась вперёд, а мохнатые телохранители засеменяли сзади.

— Круто у вас тут дело поставлено, ничего не скажешь! — вот так, болтая со зверьём, было гораздо легче идти и совсем почему-то не страшно.

А потом я совсем выбилась из сил и, не сумев вытащить ногу из очередного сугроба, просто села на него.

— Всё, командир, брось меня, спасай рацию! Чего смотрите? Устала я.

Волки замерли, а потом один убежал вперёд по следу, а оставшиеся двое подошли совсем близко и легли рядом, прижавшись боками к моим бёдрам.

— Да ладно? Какой у вас разнообразный выбор услуг. Может, сигареткой поделитесь? Нет? Это большой минус вашему сервису.

Окружающая тишина постепенно начала оглушать, давить на виски. Я замёрзну здесь, если не сумею встать и двигаться дальше. Ведь так уже совсем недавно было — сидела Женя Васильева в сугробе и разговаривала с зайцем. Теперь вот волки. Тоже так себе собеседники, прямо скажем. Зачем судьба всё время водит меня по кругу? Зачем устраивает День сурка?

Но вот вдалеке послышался хорошо знакомый теперь уже шипящий звук: кто-то ехал на санях.

Волче не дотерпел, прыгнул с розвальней и, увязая в снегу, побежал ко мне. Меченный — теперь я так буду звать волка со шрамом, стоял возле лошади, его команда вскоре

подтянулась к жожаку, оставив нас вдвоем с охотником.

— Горюха! Озябла? Рукавички-то пошто скинула? — Волче растирал мои пальцы, дышал на них, низко наклоняя непокрытую голову, — Думал уж, прибили тебя лихие люди! — он вдруг выпрямился и я утонула в синих глазах.

Его горячие губы возвращали жизнь моим, ласкали щеки и лоб, пробрались к шее, и я задыхалась от нахлынувшего тепла, согревающего и будоражащего тело. Волче дышал в мои волосы, а я прятала лицо на его груди, вслушиваясь в гулкие удары сердца.

— Люба ты мне, пуще жизни люба, ворога одолею за очи твои черные, присушила меня, горюха, привязала.

Сквозь пелену слёз я видела нахохлившегося Золика, сидящего на ветке.

— Не злись птах! — протянула я в его сторону руку. — Дурная я, признаю!

Ворон хрипло каркнул, и уже знакомый полупрозрачный экран видения перекрыл реальность.

Стая волков, прибывающая всё новыми хищниками, выныривающими откуда-то из чащи, неслась за обнажённым по пояс бегущим Мстиславом. В руках преследователя поблескивал кривой кинжал, губы приподнялись, обнажая белые клыки.

С силой оттолкнув Волче, я заорала:

— Уезжай! Уходи, слышишь! Он убьёт тебя! Уходи, пожалуйста! Ты же ранен, Волче!

Рядом с Золиком на ветку опустилась серебристо-серая сова.

— А то и уеду! — охотник поднялся, скинул волчий тулуп в сани, двигаясь легко, будто и не было на его теле раны. — Полезай!

— Не полезу!

Культурного спора не вышло, Волче просто подхватил, перекинул на плечо и перенес в розвальни, а потом нащупал рукой и вытащил топор с длинной ручкой.

— Носа не кажи!

— Послушай! — я схватила мужчину за рубашку. — Говорил, что любишь?

Волче кивнул, всматриваясь по очереди в каждый мой глаз.

— Так если любишь, уезжай! Мстислав мне ничего не сделает! Не тронет, не обидит!

Скажи только, жив ли дядька Лешак?

— Живой, — охотник нервно поигрывал топором.

— Если не уедешь, не видать тебе меня! По своей воле не подойду никогда! — внутри черепной коробки резонировал далёкий звук: "шарх-шарх-шарх". Мстислав приближался.

— Не проси... — с мукой обратился ко мне Волче, — не оставляю.

— Значит, не веришь мне. Такова твоя любовь, стало быть. Ну так и награду получай: сегодня же в опочивальню к Мстиславу приду. Сама!

— Горюха...

— Уезжай! — привстав на цыпочки, я поцеловала охотника со всем пылом, на какой была способна. — Люб ты мне, добытчик. И никто другой не надобен. Но сейчас уезжай!

Яростный крик Волче всё ещё звучал в ушах, когда, паря на морозе голым торсом, ко мне подбежал почти не запыхавшийся Мстислав. Его волки чуяли запах соперников, волновались, но жожак пока не подал сигнала к погоне.

— Надо же, моржуешь? — как можно беспечнее спросила я. — Смотри, не простынь.

Сильная рука обхватила за талию, и жёсткие беспощадные губы смяли мой рот. Почувствовав на языке вкус собственной крови, попыталась оттолкнуть возбужденного Славика, но он был гораздо сильнее. Вот он оторвался от меня, вглядываясь в лицо.

— Ну, хватит, Слав. Больно делаешь. Лучше расскажи, как ты меня домой повезёшь. Лошадь, как видишь, твои слуги как бы съели.

— Женька, не играй со мной, ладно? — мой преследователь даже не запыхался.

— Что ты, какие игры? Стою тут как дура, куда идти не знаю. хоть бы указатель какой повесили. И сил идти у меня нет совсем...м.

Мстислав поднял меня на руки и понес.

Я, конечно, мечтала, чтобы мужчина носил на руках, баловал и любил больше жизни. Но чтобы в реальности...Обхватив мощную и на удивление горячую шею, я наблюдала, как волки ещё какое-то время скалились, ожидая команды догнать и убить, и с видимым разочарованием разворачивались за предводителем. А вот Золик и сова даже не сдвинулись с места.

* * *

— Да, хорошо, захвачу, ага. Но если узнаю, что ты сам себя выписал... И я тебя!

— Светишься вся, — тётя Таня поправила запястьем косынку, что падала на лоб, — давай фарш раскладывай! А то чем мужика своего кормить-то будешь?

На разложенном кухонном столе лежала целая армия пельменей, которые мы лепили уже час. Мишка загляну из коридора, дав лёгкий подзатыльник младшему брату, помешивающему бульон в большой кастрюле, но не сводящему глаз с экрана смартфона.

— Гош, ты пельмени-то хоть в воду опусти! — проговорил он со смешком. — И кому такое богатство достанется? Ах, впрочем, не отвечайте, не стоит беречь мои сердечные раны: два килограмма свинины и три говядины пропадут в необъятном желудке знатного автомеханика!

— Куда собрался, балабол?

— В клуб, мам. У нас там партеечка в бильярд намечается. Кстати, Жень, можно тебя на минутку?

— Ну?

Мишка отвел меня ещё дальше от кухонной двери.

— Слушай, там Славик совсем с катушек слетает. Ты обещала поговорить с ним. Ну мучается же мужик!

— Ладно. Я только вот пельмени в мастерскую занесу, собаку обслужу и поговорю.

— Ты своего Егора к овощам приучала бы что ли, а то придётся вам в наш сарай перебираться с такими-то расходами на мясо, — Мишка ловко увернулся от шлепка полотенцем.

Накормленная и напоенная Луша была перемещена на свой матрас. Вокруг я расстелила впитывающие пелёнки.

— Слушай, ну давай все-таки немножко прогуляемся, а Лукерья? Я тебе попонку надену. Ну? Нет?

Силком не поташу, но доктор сказал, что нужно потихоньку вставать и ходить. Давай вот до того угла хотя бы, я там пелёнку постелю. Сможешь?

Чуть слышно поскуливая, Луша пыталась изменить положение тела, явно прося в этом помощи.

— Артистка! У тебя уже зажило всё, притворщица! Ладно, давай помогу!

Понуднее устроив собаку, я села на краешек её матраса и оперлась спиной о стену, с наслаждением вытянув ноги.

— Вот Егор вернётся, он все твои хитрости сразу раскусит, знаешь? И потом, ему тяжёлое поднимать нельзя, а в тебе сколько весу? Вот то-то же! Тимур сказал, что ты сегодня спала весь день. Завидую...

Подтянув поближе сумку, я машинально начала искать в ней сигаретную пачку, и засмеялась, в который раз хлопнув себя по лбу — курить в мастерской нельзя! — а потом нащупала в ворохе мелочёвки холодный тяжёлый предмет. Забытая в суматохе последней недели волчья лапа тускло поблескивала на ладони.

— Смотри, лапа почти как у тебя. Красивая работа.

Собака начала глухо рычать, уставившись на мои руки. Она вскидывала вверх морду, приплюсываясь, и снова рычала.

— Эй, да ты знаешь, чьё это, да? Знаешь?

Если бы сейчас собака мне ответила “да”, ничуть не удивилась бы.

Луша знала, кто напал на Егора. Звонок телефона заставил вздрогнуть.

— Да.

— Женя, это Слава. Михаил сказал, что ты хотела поговорить.

Мысленно послав на голову брата парочку заковыристых пожеланий, я постаралась всё же ответить вежливо:

— Ну, можно сказать и так. Могу дойти до клуба, у вас ведь бильярд, кажется.

— Я сам. Ты где?

— В мастерской Егора.

— Хорошо. Жди.

— Ну вот, Лушка-ватрушка, сейчас я буду отшивать ухажёра, а ты мне окажешь моральную поддержку, договорились?

Собака внимательно смотрела на мой шевелящийся рот, как смотрят люди, умеющие читать по губам. Я рассмеялась:

— Нет, ты точно когда-нибудь заговоришь, подруга, и мы узнаем много интересного.

Глава 14. Лютые звери

К приходу Мстислава я уже сварила кофе и открыла пачку крекеров. Когда человек ест, с ним намного проще разговаривать.

— Привет! — Славка ввалился в дверь вместе с морозным воздухом и дыхнул на меня алкогольными парами.

— Ты пьян, давай поговорим позже, — липко-потливое чувство страха расплзлось мурашками по спине, сзади все громче рычала Луша. Мгновенная догадка больно резанула по нервам:

— Твой брелок?

— Мой, где нашла?

— А где потерял? — выдавить из себя улыбку было почти невозможно. — Кофе будешь? Есть печенье.

— Буду, — красивая и, видимо, очень дорогая дубленка полетела на капот моей “семерки” — ребята собрали её полностью, и я даже уже проехала на ней метров сто, однако автомеханики обнаружили странный стук и завтра как раз собирались заняться неисправностью., — собаку заткни, раздражает.

— Не могу, не моя. Она пьяных не любит.

— А ты? Ты любишь?

— Слава, давай ты сядешь, кофеину примешь, и мы поговорим. Сейчас я поднимусь за кофе, а ты просто отдышись, хорошо?

“Если поворачиваешься к подонку спиной, — любил повторять Михай на тренировках, — либо очень быстро беги, либо приготовься к нападению”.

* * *

— Зачем убежала — Мстислав согнулся за спиной, обхватив ладонями подлокотники резного стула. — Тебе же русским языком объяснили.

— Ничего мне не объяснили, на нас с Лешаком разбойники по дороге напали. Кликуша, говорят, айда с нами!

Славка выдвинулся вперед, уложив подбородок на мое плечо.

— Так и сказали?

— Ну, примерно. Мстиславова кликуша, сказали.

Годинович выпрямился и отошел.

— Серьезные мужики, кстати, видел бы ты какие у них топоры.

— Они тебя тронули?

— Нет, дядя Лешак стал... ну, как бы... короче, я убежала.

Мстислав вновь подошел и сел рядом, обняв мои колени и положив на них голову.

Красивый мужик, ничего не скажешь. Наверное, в какой-нибудь другой жизни я бы клюнула на такого властного и самодостаточного товарища с телом бойца ММА.

— Жень, а ты ещё что-нибудь видела? В голове своей. Или кого-нибудь?

Я взъерошила Славкины волосы:

— Тебя видела. Как ты бежишь с волками ко мне. Страшный, раздетый, с ножом. Бррр.

— Правда?

— Угу. И как ты не мерзнешь? Слав, ты оборотень?

Серые глаза спокойно, без испуга смотрели снизу вверх:

— Да.

— А как это произошло? Ну, как ты стал... о, боже! Не знаю, как спросить.

Слегка куснув через несколько слоёв ткани мою коленку, Мстислав вздохнул:

— Знаешь, поначалу вроде всё нормально было, а потом я белку увидел. Такую смешную, облезлую, не как на картинке. Смотрю и думаю: вот бы её съесть.

— Да ладно!

— Клянусь! Сначала испугался, а потом ломать начало, как при гриппе, когда температура высокая. Ну и вот.

— Что вот?

— Я тебя всегда найду, Женька, — сменил неожиданно тему Слава, — везде след твой учую. И тех, кто рядом с тобой наперечет знаю. Всех. Даже тех, что мимо проходил.

— И что? Мало ли, я тебе не жена, а подруга по несчастью, можно сказать. К чему сцены устраивать? А драки? Зачем вы с Волче дрались тогда?

— Когда ты меня горшком по голове приложила?

— Да.

— Территория маленькая, Женечка, двум стаям здесь не бывать.

— Волче тоже...

— Оборотень? А ты У Марьи спроси. Заодно и про Кощея выведай.

— Какого Кощея? — округлила я глаза в притворном удивлении.

— Бессмертного, Женечка! Возможно ты не знала, но у волков, — Мстислав вел ладони к моему животу, задирая и комкая юбки, — чутьё отличное на человеческие чувства. — он привстал. — Страх, радость, вожделение, отвращение. Даже ложь чувят. — рывок — и мои колени разведены в стороны. — Вот сейчас, например, что ты ощущаешь?

Не обращая внимания на заходящую всё дальше ласку, я фыркнула:

— Ничего. Меня таким фокусами не купишь, милый. — с силой сдвинула ноги, зажав между бедрами мужские руки. — Особенно, когда я не хочу.

Замычавший разочарованно Мстислав протянул:

— Слушай, ну чего ты ломаешься? Я ведь не насильник.

— Раз не насильник, тогда уважай и мои желания тоже, лады? — я встала и отошла подальше.

— Лады! — протянул кавалер. — Пойду-ка сниму напряжение. А ты поешь. Голодная, наверное.

* * *

Я успела обернуться до того, как мужские руки сомкнулись на моей талии.

— Осторожнее, кофе горячий! Обожгу!

— А мне пофиг! — Славик теснил к столу. — Ты мне и так всё внутри сожгла, ведьма проклятая! Чего ты в нём нашла, а? Он же нищий, у него даже дома нет, живёт в этой, — гость с силой пнул табуретку, тут же с грохотом упавшую на пол, — собачьей конуре.

— Я не буду с тобой разговаривать в таком тоне, Слава. Отойди и успокойся.

— Не могу я рядом с тобой спокойным быть, — гость перехватил мою руку с кофейником и с силой опустил на стол, заставив разжать ладонь. — А как подумаю, что он тебя ...

— Ты делаешь мне больно, — как можно спокойнее произнесла я, прикидывая, смогу ли ударить коленом этому зарвавшемуся нахалу в пах, или лучше заехать ему в кадык кулаком, — в последний раз прошу: успокойся и сядь!

* * *

Головная боль усиливалась. Помимо опасной игры с Мстиславом меня очень заботила Марья Моревна. Она ведь обманула, говорила, что не доеду. А я доехала. Почему? Или нет у княжеской дочки дара видеть будущее во всей полноте?

Мимо моей горницы по коридору пробежала женщина, громко причитавшая: “Забьёт, забьёт девку!”, можно было не сомневаться, каким образом Мстислав снимал напряжение, и стало так погано на душе, что я решительно накинула шубу и пошла искать зарвавшегося хозяина. Нашла быстро: у большого амбара кучковались несколько служанок, закусывающих в молчаливом отчаянии кулаки и кончики головных платков. Завидев меня, они разошлись в стороны, тем не менее, остановившись так, чтобы наблюдать за происходящим.

Женские вскрики, переходящие в короткие всхлипы, остановить можно было только одним способом, и я потянула большую створку двери на себя.

* * *

Мне приходилось бывать в таких ситуациях несколько раз, и всегда удавалось отбиться, но сейчас, и я это чувствовала, всё было по-другому. Страшнее. Мишка гоняет шары в клубе, и прийти на помощь не успеет. Но к моему удивлению, Славик отошёл от меня, поднял упавшую табуретку и сел, сложив руки на коленях.

— Ты права, нужно успокоиться. Прости, я голову теряю от одного твоего запаха.

— Это я у тебя должна просить прощения, наверное. Ты мне нравился, правда. Ты очень привлекательный мужчина. Сильный, уверенный, харизматичный. К таким девушки тянутся, и ты свою половинку обязательно найдешь, Слав. Но Егор — это совсем другое. Я не могу объяснить даже, мне с ним очень хорошо и ..., — договорить я не успела.

Одним прыжком Мстислав подскочил и, завернув мне руки за спину и навалившись всем телом, прижимая к столу, принялся целовать шею и лицо:

— Хорошо? Хорошо? С ним? Я сделаю тебе хорошо! Ты еще добавки просить будешь, сука!

Я брыкалась и пыталась отворачиваться, но хватка у насильника была железной. Вся эта гора мускулов и ярости давила, пытаюсь унижить и сломать,

— Нет! — кричала я, — Не смей, сволочь!

Но мое сопротивление только раззадоривало негодяя.

* * *

— Слава, девочку оставь в покое! — смотреть на происходящее не было ни сил, ни желания. — Выходи.

Распаленный мужчина возможно, ответил бы мне или даже ударил, но тут по двору с криком: “Княжич! Княжич едет!” пробежал, поскользнувшись на утоптанном снегу, мальчишка в большой не по размеру шапке.

Плачущая девушка была грубо откинута в сторону, и Мстислав направился к выходу — встречать дорогого гостя, не удостоив меня даже мимолетным взглядом.

Я обернулась: верхом на красивом коне серого цвета навстречу Славику ехал герой моих снов.

Пшеничные усы шевельнулись — Иван улыбался, но не редкое мужское обаяние сего сказочного персонажа лишило меня речи. Позади Марьиного супруга на вороной лошади ехал Золик. Ну, то есть человеческое воплощение моего ручного ворона. Одетый во всё темное молодой человек лихо подмигнул мне, слегка растянул губы в улыбке и тут же отвернулся.

Второй сопровождающий впечатлил мало, разве что большие светлые глаза слегка навывкате могли бы пробить брешь в девичьем сердце. Третий приближённый княжича Ивана выглядел куда внушительнее остальных. Только портили мощную фигуру сильно покатые плечи, а вполне приятное лицо с крупным носом — нахмуренные густые брови. Остальная свита дорогого гостя держалась на расстоянии от авангарда.

Кони шагали прямо на Мстислава, заставляя его пятиться к злополучному амбару. Наконец Иван прекратил сомнительную молодецкую забаву и, легко спрыгнув с лошади, расстегнул ворот богатого одеяния.

— Так-то ты, купчишка чужеземный, княжеского сына встречаешь? Где ковш с медовухой?

Позади меня внезапно началось активное движение. Без всяких указаний челядь неслась в терем накрывать столы.

Очень низко, порочертив пальцами по снегу, нагнулся Мстислав, приветствуя гостя. Но я была уверена, что в серых глазах плещется ненависть. Не привык Гоудинович поясные поклоны отбивать. Спohватившись и во избежание неприятностей, склонила голову и я.

— По своей ли воле примолкла, девица? — Иван шагал ко мне с приклеившейся к лицу улыбкой, — Не было ли уцербу тебе? По добру ли встретили, по здорову ли приветили?

— Эм..., нормально всё, — я растерялась, не зная, как обращаться к высокопоставленной особе, но решила не мудрить, — Иван-княжич!

— Давненько не бывал я в этом краю. Всё ли нынче спокойно?

— Тихо, как и водится. — без подобострастия, но и без вызова в голосе доложил Мстислав. — Разбойнички вот пошаливать стали, ну да на разбойничью дубину у нас две своих найдутся, княжич!

Совершенно забыв о моем существовании, Иван без приглашения последовал к терему, а его товарищи следом. Проходящий мимо Золик чуть качнулся в мою сторону:

— Не бойсь, чернявая, в обиду не дадим!

Мстислав дёрнул за рукав, притормаживая:

— За стол с мужчинами не садись, не положено. Если позовут — молчи и глаз не поднимай. Дурной у княжича характер, психика нестабильная.

— У тебя зато железобетонная! — освободилась я от хватки Славика. — Разберусь и без твоего участия.

— Я тоже! — парировал Гоудинович, намекая на сцену в амбаре.

Не знаю, каким чудом, но в главной комнате терема был накрыт впечатляющий стол. Можно было бы усомниться в свежести некоторых блюд, потому что за такое короткое время нельзя зажарить десяток куриц, но запах от яств шел аппетитный, глаза у слуг сияли кристальной честностью, да и морозная погода способствовала долгому хранению еды.

Я стояла вместе со служанками, которые чуть уважительнее стали смотреть на меня, и, чувствуя пилив желудочного сока, с завистью следила, как несколько здоровых мужиков уничтожали мясо и хмельные напитки.

Наблюдать за Иваном было очень интересно, вряд ли он в полной мере осознавал, какой мощной харизмой обладает, и я хорошо понимала Марию — ради такого сердечного дружка не грех сшельмовать и поддаться в честном бою. Надменный взгляд можно было и простить — княжич всё ж таки. Однако девушки, что с тихими смешками обменивались впечатлениями, смотрели не на него, а на моего Золика. Пришлось абстрагироваться и оценить ворона свежим сторонним взглядом. Смуглый, тонкокостный, с густой гривой чёрных волос, молодой гость говорил мало, смеялся и того реже, но на фоне всех остальных выглядел загадочным восточным принцем. Утончённым, далёким, притягательным. Вот тебе и Золик!

Устав глотать слюну, я спустилась вниз и отправилась на кухню, выпрашивать себе обед.

Потом, прислонившись к горячему печному боку и поставив миску с куриными крыльями на колени, было удобно ругаться на чёртову жизнь, чёртову “семёрку”, чёртовых мужиков и смачно слизывать жёлтый жир с пальцев. Подростеряла я манеры, чего уж.

— Ты с нами поедешь али как? — тихонько на ушко спросил Золик. — Словечко молви, и сразу домчим.

— Неа, — вкус у мяса был божественный, — третий раз я уже не переживу. У Мстислава понятнее как-то, проще. А а в вашей избушке свои погремушки, не разберешь кто хороший, кто плохой. Да и домой хочу. А Мстислав обещал помочь.

— Сызнова опойт он тебя.

— Не опойт. Я теперь учёная. А ты что, Иванов слуга?

— Зять.

Интересное открытие.

— О как!

— Сестры княжича муж. Ворон Воронович

— Ты же как бы... птица, извиняюсь за мой французский. — совершенно некстати я представила, как Золик в человеческом облики сидит на большом гнезде и отогревает попой крупные рябоватые яйца. — тоже белку съесть захотелось?

— Белку? — смуглое лицо оказалось совсем близко — Золик уселся рядом на пол. — Бельчат люблю и зайчат.

— Одни оборотни кругом! — со вздохом отставила я миску в сторону. — А те двое кто?

— Сокол Соколович и Орёл Орлович.

— Тоже зятя?

— Старших сестёр мужья.

— Высокие отношения. А чего тогда ты трёшься возле меня постоянно. Любишь жену-то?

Воронович не ответил.

— Понятно. Значит, Иван к Марье едет. Хоть кому-то счастье.

— Утром тронемся, надумаешь — выходи.

— Спасибо, Золик.

Огромным усилием воли я заставила себя перестать шевелиться и как можно ласковее произнести:

— Я сама, отпусти, ты делаешь больно, не хочу так. Слава, давай я сама.

Уловка, казалось, сработала, объятия разомкнулись, и я потянула за ворот свитера, показывая, что собираюсь его снять. Тяжелое дыхание возбужденного мужчины глухими ударами отдавалась в висках. Мгновенно схватив кофеварку, я плеснула в лицо Мстислава её горячее содержимое и резко стартанула с места. Мужчина взвыл от боли, и я даже уже воспряла духом, подбегая к дверному проему, но радоваться было рано. Меня с силой схватили за волосы и отшвырнули к стене. Теперь Мстислав ничего не говорил и не оставлял шансов на спасение. Покрасневшее лицо его уже нельзя было назвать человеческим. Приподнялись губы, обнажая клыки, что были чуть длиннее остальных зубов, руки безжалостно рвали мою одежду и били, куда придётся. Он царапал меня и кусал, как самое настоящее животное, а я кричала, понимая, что никто не услышит — мастерская стояла на отшибе.

Не знаю, как раненая Луша сумела подняться на второй этаж. Не представляю, как собака нашла в себе силы на прыжок, но когда ее крепкие челюсти сомкнулись на лодыжке насильника, он заорал матом и отпустил меня. Теперь вся его ярость обрушилась на бедную Лушу, пока я отползала к лестнице и пыталась встать, Мстислав ухватил собаку за шею и, преодолевая слабеющее, но яростное сопротивление сильного животного, принялся душить. В этот момент я перестала думать о себе. Бегом, перелетая по три ступеньки, неслась вниз, где на крюках висели инструменты, секунду помедлила, а потом сорвала со стены большой газовый ключ.

Хмурое утро было под стать моему настроению. Иван со товарищи забирался на коней, Золик оглядывался ежеминутно. И я разрывалась на части, уже не осознавая, что хорошо, что плохо. Кавалькада вскоре двинулась со двора, а я тяжело вздохнула.

— Думал, с ними уедешь, — Мстислав стоял рядом и потирал пальцами лоб. — Башка трещит.

— Пить меньше надо. Ты мне так и не рассказал про Кощея. Он тебе зачем?

— Он нам зачем, если ты всё еще готова искать способ вернуться.

— Так вроде бы в сказках он редкостный злыдень да и убивают его в конце обычно.

— Он волшебник, маг, чародей — Гендальф, короче, только со знаком минус.

— Саруман что ли?

— Хуже.

Удар пришелся Славику по плечу, хотя метила я в голову. Хрипящая Луша скатилась с его колен на пол. Но я уже кричала в трубку, не спуская глаз с поднимающегося на ноги мужчины:

— Да, быстрее, он убьёт меня, да! Спортивная двадцать!

— Су-у-у-ка!

— Не подходи! — я не сбросила звонок в надежде, что техника запишет всё, что этот нелюдь скажет мне, а оператор поторопит наряд полиции.

— Сука, все вы суки. — мерзавец держался за плечо, — Чего тебе нужно а? Хочешь брюликов? Будут тебе брюлики, хочешь шмотки из Италии? Будут шмотки! Так нет, ты в койку к Егору. Что у него есть, чего нету меня? А? И почему он не сдох, ублюдок контуженный! Ну, ничего, первый раз не прибил, во второй раз добыю, но он тебя больше не тронет, слышишь, сука? Моих баб никто не смеет трогать. Не бросают меня, Женечка, как мусор, поняла?

Я отходила спиной к лестнице, спускалась, моля небо, чтобы не споткнуться. Мстислав наступал, но страха уже не было. Теперь мне хотелось самой вгрызться в его поганое горло и заставить захлебнуться в крови.

— Ты только представь, как мы будем хорошо жить, ну? Я на руках тебя носить буду, клянусь! Приворожила ты меня, Женька. Присушила.

Мы дошли почти до первого этажа, когда Мстиславу надело уговаривать и он снова кинулся вперёд. Газовый ключ в этот раз попал по колену.

Глава 15. Мужчины

— И?

— Дядька между мирами по порталам ходит, Жень. И не один.

— Предлагаешь попросить его помощи? Кощея?

— А что? Его знаешь, сколько народу ищет!

— Погоди, не понимаю немного. А если он откажется? В лягушку превратит. Не знаю...

Убьёт?

— Э! Сказки читать нужно, милая! Прежде чем освободить этого товарища, нужно с него слово взять, теперь понимаешь?

— Получается, кто первым Кощея найдёт и спасёт, тот получит желаемое!

— Бинго! Ты вот думаешь, зачем Иван к супруге законной едет, а?

— Соскучился.

Мстислав рассмеялся:

— Полгода носа не казал, а тут вдруг примчался? Слух прошёл, что Кощея Марья в своих подвалах заточила, вот и рыщут по округе желающие исполнить заветные мечты. А княжичу власть глаза застит. Хочет на отцовское место сесть и соседние княжества под себя подгрести. Зятьёв неспроста за собой тащит, и тебя, дай время, отсюда выманит как кошку колбасой. Тем более, что ты в подружках у Марьи, так ведь?

Я не ответила на поставленный вопрос:

— Разбойники для этого меня хотели сцапать, да? Чтобы я им подсказала, где Кощей? И ты для этого?

— Жень, — ласково заговорил Славик, — ну ты же сама домой хочешь. Ведь хочешь же?

— Хочу!

— Вот видишь!

— Я только одно вижу, милый: что лично твоя помощь мне ни к чему. Сама справлюсь. — и, оставив собеседника обдумывать смелое заявление, отошла от окна.

Ситуация складывалась не очень красивая: в родне Ивана числится Золик, которого Марья привечает. Не зря ворон вился вокруг меня, не зря прилетал в терем Мстислава, не зря звал с собой. А я-то поверила в искренность и бескорыстие! Дура! Теперь важно, кто первый выведает у Моревны тайну заточения Кощея. Есть ли у меня шанс опередить всех и вернуться в свой мир?

Зачем княжеская дочь рассказала мне про количество вёдер воды, коими нужно напоить Кощея?

От досады на себя и от невозможности найти ответы на вопросы я начинала нервничать, внутри разгоралось раздражение.

— Травмы фиксировать будете? — молодой полицейский быстро писал что-то, поддерживая пластиковый планшет с металлическим зажимом рукой в кожаной перчатке.

— Да. — я зачем-то крутила головой по сторонам в отчаянной надежде увидеть Славика и указать на него. — Вы будете его искать?

— Будем-будем. — слишком буднично и отстранённо произнёс мой собеседник, не поднимая головы от бумаги. — У вас ссадина, одежда немного порвана. Впустили сами,

предложили кофе сами, собака напала по вашей команде?

— Что?

— Собаку вы натравили?

— Нет. Она без команды прыгнула!

— Овчарка, говорите?

— Нет, — меня начинала раздражать тональность беседы, — это волкособ!

— Так. — полицейский то-то еще дописал на листе бумаги. — Отношения у вас были до этого нормальные. Ссор не было?

— Нет, но...

— В какой момент вы решили выплеснуть нападавшему в лицо кипяток?

— Послушайте!

— Это вы послушайте! — мужчина откашлялся. — Картина такая: вы находитесь на территории частной собственности нынешнего любовника и приглашаете в гости бывшего ухажёра. Когда он приходит, вы предлагаете ему кофе, а потом, когда он пытается вас переубедить, вы наносите ему два удара газовым ключом, выплёскиваете в лицо горячий напиток и натравливаете собаку.

— Я не натравливала! Он чуть не изнасиловал меня!

— Ну, получив ожог и пару не хилых ударов, нападавший и думать забыл о ваших прелестях, я извиняюсь.

— Но ведь он убил собаку и убежал!

— Если честно, то я бы тоже убил и убежал! Когда тебя рвёт овчарка...

— Волкособ!

— Хорошо... Вот здесь подпишите! Когда тебя рвёт волкособ, то приходится защищаться! Собака была ранена, по вашим словам, значит, изначально имела проблемы со здоровьем. И еще, — полицейский с некоторым сожалением посмотрела на меня, — ваш Мстислав может подать встречное заявление о нанесении телесных повреждений легкой и средней тяжести. Так что езжайте на освидетельствование как можно быстрее, гражданка Васильева. Мой вам, так сказать, дружеский совет.

Подскочивший Мишка едва сдерживался, чтобы не начать читать нотации. Он походил взад-вперёд, пару раз присел, отработал боксёрскую "двочку" в воздух и только после этого раскрыл рот.

— Что на тебя нашло? Ты вообще без приключений жить можешь?

— Миха, скажи, это чья вещь?

— Славкина, — брат подкинул на ладони волчью лапу. — К чему вопрос?

— Я нашла ее у стены, где трубы. Не было ее там раньше. Я курила в этом месте. Не было, Миш! А когда Славик за мной гнался, то сам признался, что в первый раз не добил Егора, а во второй раз точно убьёт!

— Не верю! — Миха пожал плечами. — Брелок просто оторвался и потерялся — секундное дело, а признание... столько всего произошло в последнее время, у тебя нервы на пределе. И освидетельствование это... Жень, поехали домой, а? Ну, вспылит Славка, ну, не сдержался мужик, понять же можно! Ты же ему всю жизнь сломать готова. Его тут знают все, никто не поверит, что он может изнасиловать или убить.

— Знают? — я не верила своим ушам. — Сломать готова? А Луша?

— А что Луша? — кузен немного покраснел. — Самооборона. У нее вон какие челюсти! Давай домой. Послезавтра Егора выпишут, тебе бы подумать, как это всё преподнести.

— Ты это о чём? — я уже не сдерживала гневного сарказма.

Но Миха не поддавался на провокации:

— Егор воевал в горячих точках. У таких людей планка падает мгновенно, их учили быстро реагировать. А теперь представь, что будет с парнем, когда ты ему расскажешь про Славку. Кто тогда пострадает? Подумай! Если Егор пережмёт, то загремит под статью.

Брат стремительно падал в моих глазах. Это было настолько неожиданно и больно, что я закусила губу, пытаясь не расплакаться.

— Ты отвезёшь меня на освидетельствование, или я всё расскажу тёте Тане!

— Окей, сестрёнка. Как скажешь! — разочарованно резюмировал Миха и, не оборачиваясь, пошёл к своей машине.

По всему выходило, что Коцея необходимо найти как можно быстрее. И ведь я видела его, и он, кажется, видел меня. Интересно, расскажет ли Марья муженьку свою тайну?

Меня лихорадило от возбуждения. Подумать только: дом, любимая кровать с ортопедическим матрасом, соли для ванны, брокколи, маникюр, бассейн, наконец! Неужели я вернусь к вам, дорогие друзья?

Девушка, зашедшая следом в светёлку, поставила на стол крынку с чем-то горячим и завернутый в полотно пирог. Даже не задумываясь, я присела на краешек стула и, с благодарностью кивнув служанке, принялась отщипывать кусочки теста и класть их в рот. Вкусно!

Пирог был с курицей и пшённой кашей. Удивительно вкусная, пропитанная жирком начинка — не оторваться. Машинально налила в кружку питье и сделала глоток, но тут же выплюнула обратно. Вот ведь дурочка! Больше Славик меня не опоит!

Дожевывая половину немаленького пирога, я уже примерно знала, как поступить. Зимний день наполнился солнцем, обещая морозную погоду, а в голове моей зрел план: предупредить Марью, поговорить с Иваном, разведать земляной коридор, вызнать подробности у Лешака.

— И чего так в сон клонит? — успела пробормотать я, прежде чем опустить голову на сложенные на столе руки и уснуть.

Я видела, как заходил в комнату Мстислав, как жадно пил из крынки, как утирал рот рукавом дорогого кафтана, как садился напротив и ждал. Чего?

— Что, Женька, спишь?

— Мггг.

— Устала, верно, а я вот поболтать с тобой зашёл.

— Умгг.

— Так ты говоришь, Марья у Лешака живёт?

— Негмхгб.

— Где же вы все у дядьки поместились-то? Вповалку спали что ли?

— Нетгнетхм, — пыталась я двигать губами и языком, но они плохо слушались, — колридроре.

— Что? — наклонился ко мне Мстислав. — Не понял? Коридор? Где?

Удивительное дело — мне очень хотелось рассказать обо всём, что знала, но, видно, колдовского дурмана в еду сыпанули слишком щедро, и на этом волнительном месте я совсем отключилась.

Проснулась уже глубокой ночью, удивилась тишине и темноте, царящей вокруг. Терем словно вымер, пугая лишь лёгким потрескиванием старого рассыхающегося дерева.

Опять Мстислав обыграл меня, что они всё время подсыпают — мухоморы что ли?

Во рту точно переночевал полк гусар, и очень хотелось пить. На столе так и осталась стоять крынка с узваром, который, если мне не изменяла память, Славик пил безбоязненно. От первых глотков не полегчало.

Среди ночи вдруг захотелось пить. Я включила ночник и потянулась к бутылке минералки. Пара глотков смочили горло, но отшибли желание спать. Пришлось натягивать толстовку и штаны, совать ноги в меховые тапки и тащиться на веранду. Традиционное место ночных бдений, душевных разговоров и детских тайн. Под дверью Гошки виднелась полоска света — юный геймер отчаянно не выспался, сражаясь ночи напролёт с кровожадными монстрами и танковыми бригадами неприятеля. Опять получит от матери нагоняй и обещание выкинуть компьютер. Я улыбнулась, но улыбка быстро померкла, едва до меня донёсся негромкий голос с веранды. Говорил Михай.

— Нет его там! Мы два раза ездили... А что отец! Я попытался было, так он послал меня культурно, без мата. Типа сын даже с ними не попрощался... Да понятно всё! Урою, суку! Вот только найду и тут же урою! Как он посмел своими руками мою Женьку!... Да знаю я всё, Серёг! Знаю, но руки чешутся — сил нет. Егора заберёте сегодня?... Жеку не пушу, сам понимаешь... Где? Ну да, что ей будет, мёртвой. Полежит пока на морозе. Жаль псину — вернее собаки друга нет. Давай, до встречи!

Жаркое радостное облегчение обожгло сердце: Миха красиво убрал меня с дороги, вызвав огонь на себя. Следуя привитому отцом правилу, закрыл женщину спиной. В другой ситуации подобное манипулирование взбесило бы, но сейчас я в который раз удивилась тому, какой у меня замечательный двоюродный брат — то самое пресловутое плечо, что прочнее каменной стены. Я немного понаслаждаюсь этим ощущением защищённости, но пусть не обольщается, в стороне ждать не стану. Славик получит по полной!

Метнулась назад, но было поздно: мой силуэт был хорошо виден на фоне коридора, в который лился свет из моей комнаты. Мишка уже проходил мимо — мы не разговаривали с того самого вечера, но я заступила ему дорогу.

— Чего тебе?

— Ничего, — сейчас так нужно почувствовать его сильные объятия, даже если приходится самой проявлять инициативу, — спасибо тебе!

— За что?

— За всё, Мишка!

— Дурью не майся — спать иди! — нахмурился кузен.

— Угу...

— Гошка! — шипел через секунду такой родной человек. — Вырубай машину!

— Вот же гад! — руки немного тряслись и холодные капли сорвались с крынки и упали на рубашку. — Хочешь ко мне в голову забраться? Урод! Ну, погоди, Славик, я тебе устрою!

Легла в постель и представила свою съемную квартирку, высокие липы перед окном, воронье гнездо в сочно-коричневых голых ветвях. Я вернусь, обязательно вернусь домой!

— Женечка, — тётя Таня выглядела очень плохо и говорила с трудом, — прости, что

просить приходится, но не могла бы ты...

— Конечно! — я быстро взглянула на Мишкино лицо, на котором явственно читалось облегчение, смешанное с тревогой. — Конечно посижу. Егора друзья встретят, а потом Михай вернётся, и я уж тогда пойду.

— Спасибо, родная! Я фельдшеру позвонила, Гоша в школу ушёл, боюсь одна-то.

— Тётя Тань, ну о чем ты?

— Я пошёл, мам?

— Иди, сыночек, Женя позвонит тебе, если что.

Немного еще потолкавшись в простенке, Мишка решительно дернул язычок молнии вверх и, зарывшись подбородком в воротник пуховика, ушел, так и не посмеив взглянуть мне в глаза.

Что ж, пока всё идёт по его плану.

— Ковальчуки дом продают, слыхала? — тётя лежала с закрытыми глазами, но я знала, что она и на слух определяет все мои эмоции. — Хороший такой, крепкий. Участок большой, газ подвели. Сыну строили, а он ипотеку в райцентре взял, возвращаться не хочет. Покупателей нету, свои все при жилье, богатеи сами строят, а бедноте не осилить. Я уже спрашивала — в рассрочку отдадут под моё честное слово, Жень.

— Мы еще не планировали ничего. Вдруг разбежимся? Егору еще оклематься нужно.

— Мужики как ослы — им морковку перед носом нужно держать. Цели ставить, дочка. Иначе скисают они, спиваются, сатанеют.

— Я обязательно посмотрю этот дом! Сколько там этажей?

— Два, ну и чердак с подполом имеются...

Мы увлеклись беседой, пока не пришла фельдшер и не влилась в наше увлекательное обсуждение.

— Хорошо ли спалось тебе, девица? — ласково улыбался Мстислав, присев на край кровати. — Какая ты красивая после сна, припухлость тебе даже идёт!

— М-м-м?

— Говорю, заходил вчера поболтать, а ты заснула.

— А-а-а.

— Спрашивал вот, как вы там у Лешака помещались все.

— Как?

— Да, как?

— Никак. Я да он.

— А остальные?

— Так в другой избе.

Мстислав придвинулся ближе:

— Другой?

— Что? Ты чего жмёшься, обещал же?

— Прости. — недовольно поджались мужские губы.

— Какие планы на сегодня? — я села и прикрылась одеялом до подбородка.

— По округе покатаемся, хочешь? Достопримечательности тебе покажу местные.

— А если разбойники?

— Да ну, Жень! Чего этих дебилов бояться-то? Я ж с охраной! Хочешь, к Лешаку заедем?

— Нет, не хочу! Дай мне полчаса, соберусь.

Мы выехали из ворот в сопровождении пяти вооруженных всадников. Мстислав вполголоса рассказывал о том, какие деревья растут в здешних краях, какие звери и птицы водятся. Великая тишина нетронутых цивилизацией просторов и лесов внушала уважение и восхищение. Снова, как в то момент, когда Золик сел на моё плечо, я почувствовала оглушающее чувство принадлежности этому необыкновенному месту. Единение.

— А вот и дуб! — спешившийся Мстислав, подобрав полы длинного кафтана, шагнул по сугробам к дереву-великану.

Обхватить невероятный ствол могли разве что трое взрослых человек, на некоторых ветках видны были лоскутки ткани, некогда разноцветные.

— Можно желание загадать — исполнит.

— Что же ты не загадал?

— Загадывал, да не сбывается все никак, — усмешка обнажила острия клыков.

Прижав ладони к заскорузлой коре, я закрыла глаза, и тут же знакомое уже чувство заставило задрожать колени: та, другая Женька Васильева, тянула ко мне окровавленные руки...

Глава 16. Дуб

— Эй! — меня трясло, приводило в чувство. — Видела что?

Сопровождающие нас мужики нервно переглядывались, но не приближались.

— Слав, ты мне шею сломаешь. Перестань! — я оторвала от себя цепкие руки. — Видела. Себя всю в крови, только не здесь а там, в нашем мире. Это что значит, как думаешь? Меня убьют или ранят, да?

Выглядевший слегка озадаченно купец пожал плечами:

— Черт, не знаю. Может, это не будущее вовсе? Просто что-то вроде кошмара?

Ладони чуть заметно покалывало, и я прислонилась лбом к шершавому, испещрённому бороздами стволу, закрыла глаза. Сквозь опущенные веки видела, как стремились в мою сторону нежные побеги, оплетая и обездвиживая ноги и руки. Лопались почки, и влажные блестящие листочки с волнистыми краями прилипали к коже, холодя и в то же время напитывая энергией. Творилось волшебство и глупо было сопротивляться. Я снова видела себя в прежнем мире, видела со спины крупного мужчину, стоявшего на коленях в сугробе, но страха не было. Да и какой страх, если здесь-то я живу! Видение исчезло внезапно, опали тонкие веточки, связывающие меня с дубом.

Зима, Мстислав шумно дышащий рядом, мороз.

— Ну, мы пошли, — натянуто улыбающийся Тимур отчего-то покраснел и принялся толкать приятелей к выходу из мастерской, — вы уж тут сами как-нибудь. До завтра!

— До завтра! — весело ответила я, не имея сил поднять глаза на Егора.

Это казалось глупым, но каждый раз первые минуты встречи казались непроходимым лабиринтом, когда любое движение было пробным камнем, словно за несколько часов могла ослабнуть наша непреодолимая тяга друг к другу. Никто из друзей ни словом не обмолвился Егору о нападении Славика и гибели Луши. О смерти собаки, согласно коллегиальному решению, сообщить было доверено мне. Мол, женщины умеют найти нужные слова. Знали бы они...

— Я тут блинов напекла! — метнулась я к стоящей на столе небольшой спортивной сумке. — И даже сметана есть в холодильнике. Хочешь?

— Хочу... — негромко ответил мой мужчина. Неужели мой?

— Здесь поешь или поднимешься? — нервозность не исчезала, пришлось даже несколько раз коротко вдохнуть и выдохнуть.

— Ты чего, Жень?

— А что? — руки никак не находили правильного положения и металась по телу, теребя воротник и манжеты, оправляя невидимые складки.

— Нервничаешь почему? — Егор медленно подходил, и я понимала, что вот сейчас вопреки всем договорённостям расскажу ему о произошедшем. Необходимость врать изматывала. — Что-то случилось?

— Сначала поешь, а потом поговорим, хорошо? — ловко увернувшись от объятий, я подхватила сумку и принялась вынимать завернутую в полотенца старую эмалированную кастрюлю с нелепыми мухоморами на белом боку с черными сколами.

— Нет ничего, чего ты не могла бы мне рассказать.

Черт побери его эту способность бесшумно подкрадываться. Я хотела и не хотела прикосновений, лихорадочно сворачивая в свёрток чуть влажные и всё ещё горячие кухонные полотенца.

— Я так долго тебя ждал, чтобы позволить уйти, — слова впутывались в мои волосы, разгоняя сердцебиение, — не отталкивай меня, Жень!

— Врач что сказал? Никаких физических нагрузок! — пыталась стряхнуть с себя кольцо сильных рук паникующая я.

— О каких физических нагрузках мы говорим? О поедании блинов, или ты имела в виду что-то совершенно особенное? — влажная дорожка поцелуев стекала от моего уха к основанию шеи. — Если о блинах, — Егор подцепил край свитера, — то, поверь, я даже не вспотею, а если про подъём на второй этаж, то... — свитер полетел на пол, — ...это такие мелочи.

— У тебя швы разойдутся, придурок! — вздрагивала я от холодных касаний к воспалённой коже

— Хамишь, девочка, а за хамство у нас принято наказывать! — горячий шёпот действовал как наркотик, голова отключалась, и тело качалось на волнах возбуждения.

— Как наказывать? — успела прохрипеть я до того, как меня развернули и дернули вниз джинсы...

— Давай уедем, дурно мне что-то, — я безотчётно прижалась к Мстиславу, который тут же приобнял за плечи, — дуб вправду волшебный какой-то.

— Значит, нужно почаще приезжать сюда, Жень, он ведь помогает твоему дару, да?

— Наверное. Поехали, а?

Мне помогли взобраться на мохноногую низкорослую лошадку, и наш отряд двинулся назад по своим же следам.

Нападение разбойников я увидела за несколько секунд до начала. Успела только крикнуть: "Берегись!", как сильный боковой удар выбил меня из седла.

Пока напавший мужик связывал мне руки за спиной, вокруг разворачивалось какое-то нелепое по своему медленному, увязающему в сугробах темпу сражение. Мстислав рубился умело, сбоку от него орал благим матом раненый разбойник, вот упал на колени ещё один. Но лихая ватага превосходила если не умением, то числом. Бились разбойники озверело как голодные дикие звери, в одном из них я узнала того самого чернобородого лиходея, что напал на нас с Лешаком.

Убивать меня не будут, конечно, не для этого руки вязали, но от этого не легче: так или иначе без смертей не обойдётся.

Внезапно один из разбойников, окружавших Мстислава, замер, выгнулся назад и повалился вниз лицом — в спине его торчал топор. В своих серых меховых одеяниях Волче, всё ещё держащий на весу метнувшую оружие руку, был похож на огромного волка, сверкающего глазами из-под низко сидящей шапки. Рядом с вожаком переминались с лапы на лапу серые хищники, ждущие лишь приказа.

Чернобородый сочно захохотал, забавляло его появление нового противника. Разбойник пригнулся, и, жестом приглашая к битве, звал Волче подойти поближе. Охотник скинул своё одеяние и шапку и, оставшись в одной рубахе, вынул из-за пояса длинный нож. Волки вздыбили холки и пригнули головы.

Соперники кружили недолго, первый же выпад чернобородого был встречен серьёзным отпором. Разбойник стал отходить назад и, поравнявшись с мертвым дружкой, рывком, хоть и с заметным усилием, вытащил из спины погибшего топор.

— А ну, перехожий человеке, отведай нашего угощеньца, — замахнулся атаман, и смертоносное лезвие просвистело всего в нескольких сантиметрах от головы Волче.

Предводитель волков кинулся вперёд, и по злому вскрику чернобородого я поняла, что разбойник ранен.

— А и вы не побрезгуйте! — отвечал охотник наскაკивая с другой стороны.

Я верила, что он сейчас победит, ведь в сказках же добро побеждает? Но нога Волче зацепилась за тело мертвеца, и мужчина упал на спину. Тут же подскочил атаман и принялся буквально рубить лежащего перед ним человека. Я завизжала безотчётно, пока еще понимая, что ни один из жутких ударов не задел охотника, но серая тень, подстёгнутая моим криком, с разбега врезалась в разбойника, сшибив неприятеля с ног.

Белёлая волчица спасала своего жоака, и оставалось только молиться, чтобы она выстояла, пока поднимается Волче, уже отбивающийся от другого разбойника.

— Нет, — кричала я хищнице, — убегай! Беги! Он убьёт тебя!

Уже виденная картина оглушила: чернобородый мужик добивал большую волчицу, он кромсал ее топором, превращая в кровавое месиво сильное и отважное животное. Оглянувшийся Волче, заорал и кинулся на убийцу.

Я прикрыла глаза, до меня долетал ужасный сладковатый запах крови, вызывая тошноту. Смотреть на окружающую меня картину не хотелось. Багровые потеки были везде: на снегу, на белых, подкрашенных чернотой стволах берез, на лицах и одеждах людей. Стало тихо, но и тогда я не посмела поднять веки, но когда стая взвыла хором, и по коше прошел мороз, глаза открылись сами собой.

Волче стоял на коленях перед тем, что осталось от волчицы, оставшиеся в живых охранники Мстислава отлавливали лошадей, напуганных близостью воющих волков, сам купец, согнувшись, свесив голову и уперев руки в колени, пытался, похоже, отдышаться. Про меня все забыли, единственный зритель страшного спектакля даже не мог поаплодировать.

Потолок бы покрасить, думала, глядя вверх. И стены обновить, а то как-то мрачно. Повернула голову: Егор спал, по-хозяйски закинув на моё бедро ногу. Умиротворение разливалось по телу тёплым маслом. Мы не выходили из мастерской уже второй день, и я всерьёз опасалась, что мой неутомимый любовник снова загремит в больницу — под специальным послеоперационным пластырем рана выглядела не очень хорошо. Но на Егора просьбы и увещания не действовали, он резонно заметил, что может просто лежать на спине, предоставив женщине главенствующую роль. Я улыбнулась и тихонько встала с кровати. Сейчас этот человек проснётся и потребует еды.

Через две улицы, на углу перекрестка, работал допоздна небольшой магазинчик, который вмещал в себя самый разнообразный ассортимент. В нем можно было одновременно купить штыковую лопату, стиральный порошок и карамельки "Раковые шейки". Нано-маркет, как называл его Егор.

Спустилась вниз и погладила по крыше "семёрку". Она была на ходу, и почему бы не воспользоваться этим чудом технической мысли? Знакомое урчание движка порадовало как встреча с другом.

— Ну что, конь цвета "пицунда", неси меня за жрачкой!

За прилавком увязала в смартфоне Надюша-продавщица, которую звали так, скорее всего, из какого-то артхаусного протеста. В даме было сто пятьдесят кило живого веса и сто шестьдесят сантиметров роста. Надеждище подняло на меня свои чудные глазки с коровьими опакалами — густые наращенные ресницы в Кленовом стане вербовали в ряды своей бьюти-секты всё новых адептов — и добродушно улыбнулась:

— Тушёночки?

— Ага, Надюш! И макарон.

— Жень, а мне ведь фаршу еще привезли, возьмёшь?

— Давай!

В Надюше пропадали дар менеджера по продажам: я вышла из нано-маркета с двумя полными пакетами. Уложив покупки на заднее сиденье — отец за это отругал бы, привалилась к холодному боку машины и с наслаждением закурила, но на второй затяжке отчаянно закашлялась: знакомый джип притормозил в десяти метрах от "семёрки". Открылась водительская дверь, и, не спуская с меня глаз, из машины вышел Славик.

— Меня ждёшь? — с сарказмом спросил он, хромая в мою сторону. — Вот я и пришёл, Женечка! Поговорим?

— Я тебя посажу, урод!

— Да ну! А что не посадила еще?

— Не до того было, — я нащупала рукой ручку двери, — да и запись на флешку перекинуть нужно.

— Какую запись?

— Твоего признания, — блефовала я. Моя отчаянная попытка "увековечить" речь Мстислава не увенчалась успехом. Это только в американском кино оператор службы спасения первым от разговора не отключается. — Там лет на десять.

Славик подошёл совсем близко:

— Не пугай, подстилка деревенская, я тебя быстрее закрою.

— А что раньше не закрыл?

— С юристом советовался.

— Удачи! — я попыталась отеснить мужчину и открыть дверь.

— И тебе! — обнажил клыки собеседник. — Ходи и оглядывайся теперь, сучка! Потому что я своё возьму!

— Пошел ты на ***, — сплюнула я под ноги негодю и села в машину.

Раздышавшийся Мстислав медленно выпрямился, осматривая поле боя. Взгляд его наткнулся на собравшихся вокруг погибшей подруги волков. Помолчал купец, но так ничего и не сказал, хватило ума.

Мне было так плохо, что не описать словами: видения сбывались! Значит, окровавленные руки Евгении Васильевой — не кошмар, не игра воображения, а будущее или уже настоящее?. Но если в параллельной реальности я погибну, что станет с Женькой, которая разговаривает с воронами и заглядывается на неграмотного охотника? Или уже случилось?

На тонкую березовую ветку, качнув ее своим весом, села серебристая сова.

— Привет! — что я надеялась увидеть в этих круглых, с бездонными зрачками

глазах? — Видишь, отбились мы.

В нескольких шагах от меня обличающе грозила небу из розового сугроба черная борода — разбойник лежал, запрокинув голову. Слуги Мстислава выкладывали в ряд погибших товарищей. Вот и съездили на экскурсию!

— Ну ты как? — спрашивал Славка, осторожно разрезая веревку ножом. — Бодигьярда нанимать придётся, иначе своруют тебя, как пить дать своруют!

— Я уже видела это. — кивок в сторону до сих пор стоящего на коленях Волче заставил Мстислава обернуться. — Даже говорила ей, но не поверила ведь, дурочка!

Вдруг один из слуг громко выругался. Он находился рядом с местом, где была зарублена волчица, и сейчас с ужасом смотрел вниз.

Мстислав поднялся на ноги, помогая встать и мне, и рывкнул, понимая, что так поразило мужика:

— Чего уставился, садись на коня и за возом, живо!

Но картина и вправду была поразительной — на снегу вместо дикого лесного животного лежала изуродованная Малуша. И тут меня вырвало...

Уже отпирая замок, я почувствовала божественный и такой нужный сейчас аромат кофе. За порогом следовало оставить беспокойство — Славик ехал за мной от магазина до мастерской.

— Ты когда Лушку привезёшь? — беспечно спросил Егор, добавляя в мою кружку сливки. — Она ведь у вас с Михаилом, да?

— Они прокисли.

— Да? Точно! Прости, сейчас сварю ещё.

— Постой, Егор, сядь, мне нужно с тобой серьёзно поговорить. — я поставила пакеты на стол и начала их механически разбирать, вскользь отмечая, что все продукты в маленький холодильник не влезут. — Луша не вернётся.

— Вот дела! Неужели настолько привыкла? Ты и собак присушиваешь, колдунья? Ну, ничего, я сам за ней приеду, заодно и с тетей твоей поговорю.

— Нет.

— Что нет? Не говорить?

— Нет Луши больше.

— Не шути так, Жень! — миг стал серьёзным мой мужчина. — Она же как ребенок, понимаешь, я ее выкормил из рожка, она мне песни пела, когда я... Что значит нет?

— Она умерла. Так бывает. Вроде на поправку шла, а потом раз — и всё. — ложь прожигала горло, и оно невыносимо саднило. — Мы не стали ее хоронить без тебя. Благо морозы стоят. Она в подсобке уличной, я ее в простыню чистую завернула. Не знаю, нужно было ошейник снимать или нет.

— Почему ты сразу не сказала? — чужим и жестоким голосом спросил Егор. — Разве ты не понимаешь — она первая... на на нож...

Руки беспомощно повисли вдоль тела. На плечи взвалили бетонную плиту, и она давила, давила, пока я не догадалась:

— Пойду я. Спасибо за кофе. Созвонимся.

— Да. Иди.

Натягивая на голый торс свитер, Егор не смотрел в глаза, даже головы не поворачивал. Мы вышли из мастерской практически одновременно: он в подсобку, я в машину.

— Волче... — спина не шелохнулась, и я нервно сглотнула кислую слюну, вновь скапливающуюся во рту. То, что осталось от Малуши, выглядело реквизитом к фильму ужасов.

— Ступай, горюха. — неожиданно ответил охотник. — Прибраться ее нужно.

Волки смотрели на меня без злости, но внимательно отслеживая малейшее движение, словно я представляла тайную угрозу. Стянула с головы платок, расправила его, и большой серый квадрат ткани опустился на изуродованное тело.

Подожёл Мстислав и положил на плечо Волче свою запачканную в засохшей крови руку:

— За подмогу поклон тебе, добытчик. Дождись — сани пришлю, отвезёшь..., — купец не смог подобрать слово.

Охотник молча кивнул. С березы сорвалась сова.

В доме никого не было, даже Гоши, и я достала из-под кровати чемодан. Нужно съездить к отцу, поговорить, пропитаться его поддержкой. Невыносимо было быть рядом с любимым и не касаться его, не разговаривать. Надо дать Егору время, он имеет право на горе.

Нет! Ну как я от него уеду? Ну как? Я схватила сотовый и нажала на иконку контакта.

Безжалостное “абонент находится вне зоны действия сети” заставило двигаться быстрее, и к обеду я уже была готова выезжать. Второй "контакт" ответил сразу.

— Привет, пап!

— Привет, Василёк! Что с настроением?

— Да все нормально, — всхлипнула я.

— Поругались?

— Нет. Папка, я так хочу домой!

— Так, Евгения, прежде чем нарубить дров, сядь и подумай, а стоит ли махать топором?

Я рыдала в трубку, отец молча слушал. Так было всегда — он давал выплакаться, просто оставаясь рядом, предлагая чай или коньяку, или шоколадную конфету.

— Всё, пап, я могу говорить.

— Когда выезжаешь?

— Хочу сегодня.

— Не вздумай! В таком состоянии за руль нельзя, сама понимаешь. Давай утром на свежую голову.

— Нет, сегодня! Я уже все вещи собрала.

— Татьяна в курсе?

— Не говорила еще.

— Скажи.

— Конечно.

— Жень! — из коридора донёсся ломающийся голос Гошки, — А есть, что поесть?

— Ну ты давай, разруливай, Василёк, но в дорогу с утра, лады? — спокойно резюмировал услышанное отец. — Я тут пельменей налепил, к твоему приезду сварю.

— Папка, я так тебя люблю!

— На том и стоим, доча!

Меня попарили в бане, накормили чем-то, напоили — мозг не фиксировал вкусы, чтобы не спровоцировать новый приступ тошноты. Страшное лицо Малуши всё ещё стояло перед глазами, всплывало из темноты, пугало. Кое-как дотерпев до утра, я отправилась к Мстиславу — он лежал на кровати в одежде, даже не сняв мягкие сапоги. Нахмуренные брови и плотно сжатые губы свидетельствовали о том, что и ему этой ночью спалось не слишком хорошо.

— Слав, Слав! — потрясла его за плечо, и сильная рука вцепилась в ладонь, пригибая меня книзу.

— Убить пришла?

— Ты дурак что ли?

Растирая лицо, Мстислав глухо извинился:

— Снится всякое, знаешь.

— Слав, ты меня больше не трави, договорились? И не нужно так смотреть, думаешь, я не знаю, не понимаю ничего? Понимаю, Слав. Я хочу овладеть той силой, что во мне есть. Управлять хочу. Кликуша так кликуша. Спасать людей хочу. От смерти.

— М-м-м, — Славик с хрустом потянулся, — поэтому поспать не дала?

— Мне к дубу надо попасть обязательно.

— Нет.

— Как это?

— Так это! Какой к едрёной фене дуб? Ты видела, сколько этих убийц разбежалось? По норам прячутся, а ну как мстить начнут? Или другие придут, а мне домой нужно, я тобой рисковать не хочу.

— Ты же хотел бодигьярдов...

— Иди на фиг, Женя! — мужчина резко встал с кровати. — Я своими людьми так рисковать не могу, не Лешака же к тебе приставлять, в самом деле, или охотника твоего!

— Охотника?

— Даже не думай! Поставили кота сметану доглядывать! Сам отвезу!

Гошка рассказывал про то, какая “зычная” графика в новой игре, я кивала по кукольному, бездумно.

— Жень, а ты теперь типа с Егором жить будешь?

— А что?

— Ну, круто просто.

— Зашибись, я считаю.

— Ты чего, плакала? — младший Васильев расправил плечи и напоследок, для пущей уверенности в собственных силах лизнул ложку, вымазанную в сметане. — Скажи, кто обидел, я ему пупок на лоб натяну!

— Компот пей, Аника-воин! Настроение дурацкое, все нормально!

— А... так вот, там знаешь, какая отрисовка — огонь!...

Низкорослая лошадка качала головой в такт шагам, поскрипывал снег под десятком копыт. Мстислав тяжело вздыхал каждый десять минут, сокрушаясь по своей нелегкой доле,

видимо. Вот и знакомые берёзы... Я старалась не смотреть в сторону покинутого поля боя. Скорее бы снегопад!

Дуб отчего-то выглядел чернее, чем вчера, и ствол у него был холодным, неприветливым.

— Ну ты что, дружочек? Горюешь? И я горюю, — ладонь легла на бугристую шершавую поверхность, — давай вместе? Страшно мне одной, понимаешь?

Кожу начало покалывать, по прожилкам сухой коры пробежали светящиеся ручейки, они спускались к подножию, сливаясь в потоки, и уходили вниз, под слои снега и землю. Я закрыла глаза, и внутренний экран показал мне двухполосную трассу, бегущую вдоль лесного массива с высоченными елями. Капот цвета “пицунда” смотрел в сторону города...

Чемодан отчего-то никак не хотел помещаться в багажник. Я уже всерьёз подумывала выкинуть половину вещей, но потом плюнула и перетащила поклажу в салон, уложив на заднее сиденье.

— Жень, ну куда ты в ночь-то? Утром бы поехала!

— Нормально всё! — через силу улыбнулась тете, отмечая, как сжалось что-то внутри. — Вернусь через пару дней, а пока вы от меня отдохнёте немного.

— Миша ругаться будет, что отпустила тебя.

— Я ему позвоню, пусть меня ругает.

— Ох, Жень!

— Всё, всё! Иди я тебя поцелую, родная моя!

Трасса была на удивление чистой и довольно пустынной: я успела выехать до часа пик. Навстречу бежали высоченные ели, а капот цвета "пицунда" солидно поблескивал дорожным импортным воском.

Глава 17. Ёжик

Трасса постепенно вставала на дыбы, сворачивалась кольцом, и невероятных размеров колесо из бетона превратилось в огромный, отлитый из черного металла или самой земли шар. Он катился навстречу, ломая ели, выкорчёвывая вековые деревья, и их корни, обвешанные рассыпающимися комьями земли, беспомощно растопыривались в стороны. Я знала, что это смерть, хотя всегда поставляла её по-другому. Чугунная тяжесть, неотвратимо давящая всё живое и крушащая мир, выглядела куда убедительнее пресловутой старухи с косой.

Дуб раскалялся под пальцами, вокруг ствола начал оплавляться и оседать снег, но мне было мало, я требовала больше информации, хотя, чем могла помочь Жене Васильевой, спешащей из Кленового стана навстречу своей гибели, не знала.

Я заметила знакомый джип после крутого поворота. Поначалу Славик не догонял, но не отставал, давя на нервы, а потом и вовсе стал подъезжать так близко, что почти слышен был удар о бампер. Вот сволочь! Рука вцепилась в набалдашник переключателя передач, но я пока сдерживалась, чтобы не разогнаться до предела. Камер-кукушек никто здесь, на лесной трассе, не боялся, начиная строго соблюдать скоростной режим лишь на подъезде к городу, но зима диктовала свои условия езды.

“Семерка” шла ровно, без привычного дребезжания — ребята постарались на славу, вернув шедевр “ВАЗа” молодость и наделив новыми качествами. Я понимала, что уйти от японского внедорожника у меня нет шансов, но сдаваться не хотела. Хочешь поиграть в догонялки, Славик, тогда давай поиграем.

В кармане вибрировал сотовый, но ладони приросли к рулю, и отвлекаться опасно. Где-то там, за лесом, садилось солнце, окрашивая багрянцем небо, и оно выглядело предвестником беды.

Белоснежный заяц выбежал на дорогу и замер, я жала на клаксон из всех сил, но ушастый самоубийца не двигался с места, фары дальнего света резанули в зеркало заднего вида, ослепляя на несколько мгновений. Славик пытался обойти по встречке, давил на газ, не предвидя моего манёвра, и удар был такой силы, что “семерка” взбрыкнула в воздухе задними колесами, прежде чем полететь с дороги вниз, в просвет между елями. Полет был долгим, словно время растянулось, показывая мне каждую деталь. Сколько раз папа советовал не класть вещи сзади — чемодан завис в невесомости, прежде чем пробить лобовое стекло, по касательной задев меня по щеке. Мир начал сворачиваться над головой, перед глазами плыло по воздуху грязное днище джипа, улетающего дальше и отталкивающегося от пустоты всё еще вращающимися колесами. Огромный раскалённый шар со всей силы врезался в солнечной сплетение, и в последний миг я увидела себя в странной одежде, вцепившуюся в ствол большого дерева...

Меня словно ударили в солнечное сплетение, лишив возможности дышать. Всё. Нет больше жизни, в которую я могла бы вернуться. Перед глазами еще стояла окровавленная рука — моя, в моем любимом полушубке — подрагивающая на капоте, из под которого вился серый дым. Ужас сковал челюсти намертво — ни крикнуть, ни позвать на помощь. Не всякому дано увидеть собственную гибель.

Дуб остывал, и мне совсем не хотелось продолжать.

Мстислав, наконец, что-то понял по моему ошеломлённому виду, подбежал, подхватил и на руках понес к лошади. И потом ни о чём не спрашивал, лишь пару раз оглянулся, пока ехали назад. Его люди опасливо держались позади, справедливо полагая, что иметь со мной дело опасно. Я рыдала в голос, совершенно не стесняясь слёз и текущего носа.

Будь оно всё проклято!

На третий день Мстислав не выдержал:

— Неужели не понимаешь, что у тебя еще есть шанс. Ты здесь жива, вот — руки ноги, глаза моргают. Нам просто нужно вернуться домой, Женька. Не кисни!

— Ты тоже там погиб. Нас, наверное, уже похоронили. Как можно вернуться, Слав? Из могил восстать?

— Не знаю, — вдруг сорвался в крик товарищ по несчастью. — Не знаю! У меня мама болеет, батя не вытянет её один! А может, ее и нет давно, а я...

— Не ори на меня, ублюдок!

— Сама не ори, дура! Вставай давай, корова, шевелись, думай, ходи! Разлеглась она тут, понимаешь! Сдохнуть хочешь?

— Хочу!

— Ну идохни, только напоследок... — он рванул ворот моей рубашки и впился губами в шею.

Кусал, сжимал грудь, что-то бессвязно шептал, но тело оставалось холодным, словно кусок льда. Ни гнева, ни вожделения, ни просто возмущения.

Славка грязно выругался и толкнул меня на подушку.

— Ну и чёрт с тобой. Сам Кощя найду. Вынюхаю, выслежу... — Что? — опять заорал он, обернувшись к приоткрывшейся двери.

Испуганное лицо служанки ещё больше побледнело:

— Волче кабанчика принёс, велели надысь позвать.

— Велел-велел, — Славка вдруг успокоился и странно посмотрел на меня. — Охотничек твой пришёл проверять, не съели ли тебя здесь, да?

— Не знаю. Да и не мой он.

— Твой-твой, глаза у меня пока на месте. Может, встретишь друга сердечного?

— Не хочу...

— Не хочешь... Лады.

И снова осталась одна. Выплакивать больше было нечего — слёзы иссякли, но вместе с ними ушло всякое желание чего бы то ни было.

— Горюха...

Я дёрнулась как от удара: в простенке, боясь переступить порог, стоял серый Волче. Он мял шапку в руках, перегораживая широкими плечами дверной поход. Как быстро оправился от смерти Малуши — огурец огурцом... Ну да что ему, сам-то жив.

— Чего пришёл?

— Проведать. Баяли люди, хвораешь ты, должно простыла.

— Да, захворала, а от твоего вида еще тошнее стало.

— Я вот тебе, — Волче полез за пазуху и достал полотняный мешочек, — дай-ка ладошку, — и высыпал мне в руку горстку сухих сморщенных ягод неопределенного цвета, — ешь-ка то!

Совершенно не понимая, почему слушаюсь лесного увальня, я закинула в рот несколько

шпук. Кисло-сладкое вязковатое угощение пришлось мне по вкусу.

— Что за ягода?

— Медвежья.

— Чего? Малина что ли?

— Не слыхивал про такую. Медвежьей кличут ягоду-то.

— Вкусно...

— Вот, — Волче вдруг оказался совсем рядом, — и дружка тебе Моревна передала, — из другого полотняного свёртка высунулся блестящий чёрный носик, — велела беречь пуще ока, матушкино подарение, говорила.

— "В мире животных" просто отдыхает! — выдохнула я с удивлением и радостью, стараясь не замечать недоуменного взгляда охотника. — Вот подарочек так подарочек! Передай Моревне земной поклон. — зверёк дал себя поднять, доверчиво открыв нежный животик и вытянув в разные стороны смешные лапки.

Волче улыбнулся, и мне, поймавшей эту улыбку, вдруг стало горячо-горячо. Лёд, сковывающий еще полчаса назад, крушился и растекался тёплой лужицей у ног мужчины, который так нравился мне.

— Это кто у нас такой смешной? У кого такое пузико? И как тебя звать, колючая голова?

Еж смешно двигал носиком, пытаясь нащупать крошечными пальчиками точку опоры.

— Благодарю, Волче! — я приникла к его губам, чуть уколовшись об усы, и засмеявшись в такой желанный рот.

— Балуеть, горюха, пошто мучаешь? — со стоном оторвал меня от себя Волче. — Дай срок, и я мучить стану.

— Жду не дождусь! — перевела дыхание и пригладила жесткие иголки ручного ежика, не стесняясь яркого румянца, зацветающего на щеках. — Ты мне слово дал, охотник!

Перед сном заглянул Славка и, в изумлении приподняв брови, спросил:

— Птицу помню, птица прилетала, а теперь что — на грызунов перешли? Своеобразная манера ухаживать. Деревенщине и сучок — лошадка. Кстати, если ты не знала, ежи здорово кусаются.

— Он ручной совсем, смотри! — опустив ладонь к полу, я ойкнула, когда острые коготки ощутимо царапнули кожу, и маленький лесной хищник забрался подставленную руку. — Видел!? Я и имя ему придумала — Колючкин!

— Один чёрт. — раздражение Мстислава чувствовалось на расстоянии нескольких шагов почти физически. — Ежи спят зимой, Волче тебе его из-под снега выкопал, похоже.

— Слав, ты ревнуешь что ли?

— Ревную. Что ты в нём нашла? Немытый, нечёсанный, двух слов связать не умеет. Ну, разве что силой родители не обидели. Повезло дураку, что я его в прошлый раз не прирезал. Повезло. И как он так быстро на ноги встал? Не знаешь?

— Неа, — мысль о том, что Малуша украла у Моревны живую воду, обожгла поздним раскаянием, — сам же говоришь, что сильный. Но ты ведь мне обещал, что больше никакой поножовщины, да?

— Обещал, — буркнул Мстислав, — но это не значит, что ты мне не нравишься, Евгения. И что я не буду стараться отбить тебя у этого придурка.

— Уф! Спокойной ночи, Ромео!

Признаться, я понятия не имела, как обращаться с ежом, и его ночное бдение, сопровождаемое поистине слоновьим топотом, стало неприятным сюрпризом. Так не хотелось вылезать из-под тёплого пухового одеяла, но шумные передвижения зверя не давали спать. Подавив желание пристукнуть животину ударом чего-нибудь смертельно тяжёлого, я обратилась к хулигану самым ласковым тоном, на какой была способна:

— Слушай, дружок, ты реальная заноза в заднице! Ну, чего тебе не спится-то, а? — глаза никак не могли привыкнуть к темноте. — Иди-ка сюда, чудовище колючее!

Ёж затаился, и пришлось опускать ноги на холодный деревянный пол.

— Давай, Колючкин, покажись! Я тебя на ручки возьму, честно-честно!

Легкое голубое свечение заметно стало лишь после того, как я встала с кровати. Оно шло из-под лавки у окна.

В детстве мне нравилось рассматривать светло-зеленого оленя на подставке в виде камня, который стоял у отца на комод. Сувенир был подарен кем-то из коллег и сделан был из особого пластика, который днём “накапливал” солнечный свет, а в темноте светился вот точно так же. А зверёк-то непростой!

— Эй, ты светишься, ёж? — свечение переместилось к дальнему углу. — Охренеть! Ёжик-светлячок — это из разряда научной фантастики. Иди-ка, чего я тебе дам, — пальцы скатывали хлебный мякиш в шарик. Хорошо, что остатки ужина не унесли, а накрыли плотным полотном.

Колючкин высунулся и повел носом, ловя запах угощения. Каждая его иголочка светилась, будто намазанная флуоресцентной краской, и когда зверек побежал ко мне, тонкие чёрточки света смешно и одновременно завораживающе задвигались.

— Колючкин, давай поспим чуточку. У тебя же зимой спячка, неужели совсем не тянет вздремнуть?

Ёжик пошебуршал, покрутился и улёгся, наконец. Прилегла и я...

... { — Прости меня, Жень! Прости! Но ты сама виновата, кто только тебя водить учил! Прости! А-а-а-а!... }

В ушах ещё звенел этот крик, когда я открыла глаза. Было еще совсем рано: не суетилась прислуга, не плыл по коридорам ароматный дух свежесдобитого хлеба. Дом и его обитатели спали, и только противный топот маленький когтистых лапок переворачивал мои представления о физических способностях ежей. Но сейчас не об этом были мысли. Значит, сшиб Женьку с трассы Славик. Зачем он гнался за ней? Почему бросил на месте аварии, как посмел убежать, оставив человека и даже собственную машину в вечернем лесу?

Впервые я задумалась о том, как Женя жила всё это время после нашего раздвоения. Что происходило в её, а, значит, и в моей жизни? Ответов, конечно же, не было, но теперь груз отчаяния и вины придавил голову: там, за этим чёртовым порталом остался папка. Как теперь он, как переживёт смерть дочери? Как я буду жить здесь, понимая, что страдает он?

Мстислав прав, нужно как можно быстрее добраться до Кошца и вытребовать исполнение желания.

Одевалась я споро, благо навык теперь имелся. Доела остаток ужина, завернула ежа в тряпку, засунула за пазуху, неприятно морщась от укулов растопырившихся иголок. Внутри

росло чувство, что всё делаю правильно, что именно сейчас и нужно идти.

В тереме скрипело всё — половицы, ступени и большая, запертая на неподъемный засов дверь. Казалось, что грохот стоит на весь дом и сейчас разбудит людей, но, постояв на крыльце несколько секунд, я не услышала шума и тихо спустилась во двор. Лошадей запрягать я не умела, так что идти к Моревне пришлось пешком.

За воротами я растерялась — предутренний сумрак пугал, напоминая о волках и разбойниках. Больно колясь иголками, за пазухой заворочался ёж, и я вынула его, удивившись всё еще заметному свечению. Обернулась на шум больших крыльев: На конёк ворот присела серебристая сова, флегматично моргнувшая огромными глазами.

— То есть, вы вроде как проводники? — повинуюсь импульсу, я поставил ёжика на утоптаный снег, — тогда ведите!

Сова летела, а ёжик, будто не замечая холода и не боясь отморозить лапы, мчался вперёд так быстро, что я совсем скоро начала немного задыхаться. Они вели меня в чашу, где всё еще царила тьма, где под лапами елей мерещились горящие волчьи глаза, и потому я старалась не смотреть по сторонам, и всё же, увидев домик, высоко поднятый от земли на толстом бревне со странным рисунком, от неожиданности вскрикнула.

— Это что? — рассматривала я маленький, потемневший от времени сруб под двускатной крышей. — А где дверь? Или окно хотя бы?

Круглая голова совы отвернулась на 90 градусов, ёжик просился на руки, цепляя лапками подол юбки, и укладывая его за пазуху, я пыталась сообразить, куда же привели меня посланники Марьи. Ни знаков, ни намёков.

— Ну, ладно, вспомним народное творчество! — откашлялась я и, порывшись в памяти, негромко произнесла: — Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом?

Домик на деревянной ноге не шевельнулся.

— Ладно, "сезам, откройся" явно не прокатит, как там еще было? Избушка, избушка, встань по-старому, как мать поставила?

Тишина.

— Ребят, ну так нельзя! Давайте как-то решать вопрос, я же замерзну!

Рискнула обойти домик, который в сумерках казался очень мрачным. Подошла поближе к столбу, на котором он держался — искусная резьба покрывала всю поверхность некогда могучего ствола. Неизвестный мастер методично и, видимо, очень долго трудился над чешуйчатым рисунком. Я скинула рукавицу и приложила ладонь к дереву. Вся конструкция неожиданно вздрогнула. Да, именно так, как живое существо! Раздался противный скрип, и домик начал поворачиваться вокруг своей оси, при этом медленно опускаясь вниз по столбу.

Когда сруб оказался на уровне моих глаз, в стене уже зиял чёрный непроглядный проход, в который я уверенно и без всякого страха шагнула.

Шла сквозь мглу долго, пока не уткнулась в большую знакомую дверь — такая же была в земляном коридоре под избой Лешака. Надо было бы, конечно, постучать, но не хватило ума. А потом я и вовсе замерла, ошарашенная увиденным: посередине уже знакомой мне "лаборатории" Моревны стояла огромная кровать, окружённая догорающими в больших железных поставцах факелами, на которой занимались любовь Марья и ее законный супруг.

Ну невозможно было сразу отвести взгляд от этого сплетения прекрасных тел, от растёкшегося по простыням и подушкам водопаду волос, от сильных рук, крепко держащих влажное женское тело.

— Извините, — проблеяла я, и два красивых лица разом повернулись ко мне. — Не

знала, что у вас тут...

Марья громко засмеялась, запрокидывая голову и демонстрируя мне безупречный ряд зубов. Иван — княжий сын ругнулся неизвестными науке словами и натянул на себя и жену одеяло.

— Ранёхонько-о ты поднялась, не ждала! — всё ещё потешалась над моим нелепым положением Моревна, а потом хлопнула в ладоши, и чудесный, украшенный потрясающим узором из цветов полог упал вниз, скрывая кровать от моих глаз.

Вскоре из-за завесы показался Иван, одетый в вышитую рубаху и штаны, он, не глядя в стороны, натягивал сапоги и, обогнув мой остолбенелое тело, исчез в проходе за спиной.

Моревна выплыла из алькова в красивом халате, перехваченным шелковым шнуром с длинными кистями. Ее роскошные волосы были распущены, на щеках играл румянец, и вся она была так томна и очаровательна в своей неге, что мне стало немного завидно ее женскому счастью.

— Садись, коли пришла, — Моревна села напротив, с хрустом закусив совершенно свежее зелёное яблоко, которому взяться посреди зимнего леса было неоткуда. — Стало быть, поняла?

— Нет, — честно призналась я, — это всё ёжик, — и достала из-за пазухи зверька, — вот.

Колючий топотун быстро подбежал к хозяйке, привстав на задние лапы, попросился на руки. Моревна посадила питомца на колени и, откусив большой кусок яблока, протянула ёжику.

— Место твоё тут, кровное место, пращурами нагретое, бабками уготованное. Кликуши скоро не в чести станут, ну да пока мы в силе, а там видно будет. Смертыньку видела свою?

— Видела.

— Уразумела, что дороги назад нет?

— Уразумела.

— Боязно?

— А тебе не боязно было бы? Там отец у меня, родные, они как без меня?

Моревна нахмурилась.

— Возвернуться думаешь?

— Да! Отец без меня не сможет! — крикнула я в лицо сказочной красавицы, утирая кулаком выступившие слёзы.

— Отец, говоришь... — Моревна снова хлопнула в ладоши, и комната начал погружаться во тьму. — Вот, — протянула она мне надкусанное яблоко, — в руку вложи! — и свет вокруг меня померк полностью.

Глава 18. Помощь

Не хватало воздуха, и лёгкое удушье рождало панику, но вот впереди забрезжили белосиние переливы света, а потом появился и пронзительный звук — надрывались сирены. Я выплыла перед искореженной “семеркой” и задохнулась от неожиданности: Женька Васильева, чей вылет из разбитого лобового стекла был задержан врезавшейся в пах рулевой колонкой, распласталась на деформированном капоте, вытянув правую руку. На обочине, где примостились две машины ГИБДД, курили инспекторы, еще пара человек переговаривалась у разбитого джипа. По обрывкам фраз я поняла, что Славика считают виновником аварии и объявили в розыск. Не думала я, что наши судьбы так туго переплетутся.

Меня никто не замечал, хотя я чувствовала всё: холод, скрипучий снег под ногами, слабые порывы ветра. Посылая меня в другую реальность, Марья знала, что остаться здесь не смогу — бесплотной полупрозрачной тени не за что зацепиться в этом мире.

Взглянув на надкушенное яблоко, потянулась к Жениной руке. Полусогнутые пальцы были жесткими, заледенелыми и, преодолевая накатывающую дурноту, я всунула в безжизненную ладонь свежий фрукт.

Со стороны трассы послышался звук серьезного мотора. УАЗ “Патриот”, сверкая боками, притормозил и выпустил из своего салона грузного мужчину в форме.

— Ну, что у вас тут на ночь глядя? — спросил он озабоченно.

— Здравия желаю, Василий Сергеевич! — начал свой доклад один из инспекторов. — Смертельный вылет, так сказать.

— Кто?

— Женщина, молодая совсем.

— А второй?

— Сбежал, в розыск уже объявили.

— Скорая где?

— Плетутся возле Михайловки. Как всегда уж, то пень, то колода.

— Ясно...

Дальше я уже не слышала — яблоко, еще пару минут назад наполненное соком, высыхало на глазах, темнело, коричневело и морщилось. Вскоре вместо надкушенного шара в руке погибшей Жени остался значительно уменьшившийся в размерах сухофрукт. И тут окровавленные пальцы дрогнули.

— Живая! — кричала я разговаривающим мужчинам, но голос звучал лишь в моей голове. — Она живая! Да подойдите же сюда!

Но к Евгении Васильевой потеряли интерес. Теперь она была лишь трупом, портившим статистику аварийности.

Я махала руками, била по бокам патрульных машин — всё без толку. Серебристая сова, спикировав на головы начальника и подчинённых, вырулила в сторону “семёрки” и, кляцнув когтями по металлу, села на капот.

— Ты смотри, что творит! Непуганая совсем! Какая красавица, — наперебой удивлялись инспекторы, и тут и кто-то перекрыл восторженные реплики громким выкриком: — Погодите, баба живая! Рука дёргается!

Один из гаишников, ускоряя шаг, направился к “семерке”:

— Твою же мать! Звоните Матвейчуку, пусть раскочегаривает колымагу свою, девка

чудом спаслась!

Все бросились к Жене и обступили мою машину, громко переговариваясь и зачем-то успокаивая пострадавшую, как будто она слышала:

— Потерпи, потерпи, милая, сейчас доктор приедет...

Ссохшееся яблоко скатилось по капоту и упало в снег.

— Она выживет? — допытывалась я несколько минут спустя у Марьи. — Выживет?

— Не засти свет, заполошная, — недовольно ворчала ведунья, заплетавшая роскошную пшеничную косу. — Яблочко, чай, не с простой яблоньки снято. А коли не поможет, то живой водицей обмоешь. Есть у меня баклажка для чёрного дня. Поделюсь — с тебя и горстки хватит.

И тут мне стало не по себе: баклажку с живой водой Малуша извела на Волче, оттого охотник так быстро на ноги и встал. Интересно, Марья в курсе пропажи, или запасы столь полезной жидкости у неё гораздо обширнее заявленных объемов?

Моревна поднялась и расправила спину. Её шитый неровным речным жемчугом сарафан выглядел слишком вычурно в этом подземелье, но вполне по-сказочному.

— Для милого дружка обрядилась, охоч он у меня до красных девиц, вишь-ка. Люба я ему принаряженная.

— А-а-а, — протянула я вежливо, чувствуя, как сосёт под ложечкой. Дурацкая привычка — есть во время стресса.

— Пожалуй за стол, девица, — усмехнувшаяся Марья Моревна театральным широким жестом указала направление.

На длинном столе лежала свернутая в рулон скатерть. Ведунья схватила ее за край и рванула вверх. Полотно развернулось, накрыв столешницу поперек, и на нем стали появляться материализующиеся из воздуха крынки и миски, наполненные самой разнообразной едой.

— Это что? Скатерть-самобранка что ли? — не веря своим глазам, спросила я. — Это как так получается? Есть-то можно или нет?

— Не робей, девица, не побрезгуй нашим угощеньем!

С опаской отломив кусочек от пышной лепешки, я вдохнула аромат и оценила вкус и качество воздушного теста. Даже если эти кушанья всего лишь галлюцинация, такой способ самообмана успокоит изголодавшийся желудок хотя бы на какое-то время.

Несколько минут мы ели молча. Первой не выдержала Марья:

— Кощея пытаешь? — догрызала она куриное крылышко. — Пошто? Да не хвастай мне, правду увижу.

— Домой вернуться хочу, — не стала лукавить я. — Мстислав рассказал, что если Кощею помочь силу обрести, то он любое желание спасителя выполнит.

— Вона как...

— А еще все знают, что это ты Кощея в плен взяла и где-то у себя держишь в тайном месте.

— А сказывал ли тебе Мстислав-поганец, что я б его и до порога не допустила бы? Нет? То-то! Гнильца внутрих у дружка твоего; такового и на дух не потерплю, даром, что Иван его в прихвостнях держит. Ты ему в подмогу, вот уж возрадовался поди, когда из сугроба вынимал, оборотень лесной. Гниль его в волчью шкуру и забила. Поделом.

— Было дело, ухаживал даже.

— Не далась?

— Неа. — замотала я головой, уплетая невероятно вкусную сметану.

— То-то же, — Моревна сложила руки на столе и неотрывно следила за каждым моим движением.

Её синие очи, до головокружения похожие на глаза Волче — вот что значит родная кровь! — высасывали, лишали воли.

— Видела я Кощея, — нужно было выяснять у ведуньи всё до конца, — воды просил. Так и будет, увижу его?

Встав с лавки, Марья провела пальцем по краешку стола, раздумывая:

— Не всё, что видится, сбывается. Глядишь бывалочке — ночь блазнится, а глаза открываешь — ясный день.

— Ты мне говорила, что до Мстислава не доеду, а я доехала. Это просто не сбылось, да? Почему? А как сделать, чтобы не сбылось? Или чтобы сбылось?

— Живи покуда у меня, — Моревна прибавала взглядом к месту, — научу всему, что ведаю.

— Зачем?

— Так прашурами велено, — загадочно ответила Моревна.

— А если не захочу?

— А ежели я тебе полонника своего не открою?

Я пожала плечами:

— Ладно, если нужно пожить, значит, поживу.

Но богатырка обошла стол и села рядом, взяв мою ладонь в руки.

— Все вокруг по Кощееву следу бродят, то я ведаю. Вот и Иван выпытывает, визнаёт. Престол себе хочет, шапку княжью.

— И ты ему расскажешь?

— Нет ему веры. — горько усмехнулась Марья. — Блудливый пёс завсегда со двора смотрит.

— Погоди, как это блудливый? А зачем ты тогда того, поддалась ему? — кажется, я начинала понимать, отчего ведунья хочет держать меня при себе: ей отчаянно нужна была наперсница, подружка-единомышленница, которой поплакаться не зазорно.

— По сердцу он мне, люб — мочи нет. Коли в поддавки надоть, так и поддамся. Соскучусь — выгоню. Горе слезами вытечет, уж такая бабья доля.

— Если любишь, то, может поможешь? Ну, княжью шапку там, престол добыть, а? — осторожно спросила я. — А Кощея можно опять скрутить. Один раз же у тебя получилось.

— Курице не летать, псу не княжить, — отрезала Моревна и провела пальцем по середине моей ладони. — Не разумеешь ты силы кощеевой, девонька. Тьма чёрная светлым солнцем покажется, коли он в силу войдёт. Скольких он живота лишил, сирот по земле множил, народу погноил в застенках подземных немеряно-несчитано. Вот и ты об себе думаешь...

— А ты? Ты не хочешь попросить у него для себя чего-нибудь?

— Нешто у меня недостаток в чём? — глухо ответила Марья. — В силе я, во здравии, молода, красна, мужем тешена. А Ивана спроважу, так есть у меня заменники на примете. Батюшка позлобствует, да и приголубит, дай только срок. Не стану я человечью кровь на свою выгоду обменивать. Гнить Кощею на цепях.

Перспектива выпросить у пленника богатырки переход в свой мир становилась все

туманнее. Я отупело смотрела, как собеседница водит пальцем.

— Братец мой люб ли тебе?

Тему она меняет мастерски.

— Люб. Но я ведь и не знаю его совсем, а вдруг мы характерами не сойдемся? Ну, знаешь, разные интересы, хобби... Короче, с лица нравится, а что внутри, еще не знаю. — я замороженно смотрела на свою руку — на коже ладони, там, где прошелся ноготок ведуньи, появлялась красная линия.

— От твоей кровушки, по синей водице, от синей водицы к мураве-траве, — зашептала богатырка, выписывая новый узор, — от муравы-травы к вороньему глазу. С вороньего глаза слеза стечёт, на былую дорогу возвратит.

Нежное свечение, такое же, как и у Колючкина, стало пробиваться сквозь кожу, будто внутри у меня находился источник этого света. Силуэт был банален — трёхпалый листок на тонком черенке. Я не задала вопроса, а Марья ничего не объяснила. Накрыла мою ладонь своей, запечатала.

— Ступай за мной, горницу твою укажу.

— Горницу?

Замедлив шаг, ведунья повела плечом:

— Уйдёшь али останешься?

Хороший вопрос. Мстиславов терем, конечно, удобен, и пироги его кухарка печёт улётные, но то, что открылось во мне, требовало понимания, развития и умения. Марья могла научить многому, да и Кощей, что способен перемещаться между мирами, всё равно являлся целью номер один.

— Останусь.

— Не бойсь, — хищно сверкнула глазами Моревна, — приковывать не стану! А коли словечкопустишь, где да как Марья-богатырка бывает, со свету сживу.

Мы прошли по земляному коридору, что вёл вверх, метров пятьдесят, пока глаза мои, привыкшие уже было к одиноком факелу, что несла Марья, не ослепли от утреннего света нарождающегося морозного дня.

Перед нами, вышедшими на поверхность земли, а не в избу Лешака, как я поначалу думала, высился прекрасный расписной терем с замысловатым коньком на крыше и обширным двором с хозяйственными постройками, по которому уже сновала прислуга обоих полов.

— Ничего себе!

Марья не ответила на моё восклицание, а пошла вперёд. Люди не удивлялись тому, что их хозяйка шествует мимо в сарафане и тонкой блузке. Только кланялись и снова бежали по делам.

Просторная светёлка с большим пристенным ларём понравилась мне сразу. Слюдяное окошко смотрело, по моим прикидкам, на юг, под ним широкая короткая лавка; небольшой стол с парой непривычных современному человеку стульев, располагался по центру. Кровать, заваленная перинами и подушками, стояла слева у стены.

— Поживай, девица, добром привечаем! — богатырка слегка поклонилась, красивые серьги с жемчугом тяжело колыхнулись. — Дивись да не кичись, смотри да не упускай.

Она несла какую-то белиберду, но странным образом набор непонятных слов убаюкивал внимание и подозрительность. И вообще хотелось спать — сытое и пережившее собственное спасение тело требовало отдыха.

— Почивать ложись! — приказала Моревна и, уже открывая дверь, остановилась, вспомнив важное: — В тереме Иван с зятьями гостюют. — хотела что-то добавить, но не стала.

Я подошла к впечатляющей кровати и, повернувшись спиной, рухнула вниз так, что ноги, спружинив от перины, подскочили вверх. Спать!

— Горазда ты бока давить, девица! — Золик-человек сидел рядом и внимательно рассматривал меня. — Лицо у тебя писанное будто.

— Ты чего здесь делаешь?

— Скуку разгоняю. Княжич до обеда глаз не раскроет, ввечеру медовухи выел бочонок. Злой был что пес.

— Эмм, мне бы себя в порядок привести, умыться там, делишки всякие, ну ты понимаешь... При тебе как-то стыдно.

— Видывал я тебя, красавица, и неумытую и нечёсанную, — восточный принц легко вскочил на ноги и отошел к окну, — птицей всякого насмотрелся.

Я огляделась и обнаружила медный таз и глиняный кувшин.

— И всё же не пойму, как так получилось, что ты стал человеком, а? Волче же тебя птенцом нашел и сам выкормил. Не от людской же еды у тебя руки выросли? — спросила я, умываясь ледяной водой.

Но Ворон Воронович хранил молчание, уперев ладони в верхние углы оконной рамы. Сейчас, с приподнятыми лопатками и напряженной спиной, он очень напоминал птицу перед полётом. Что мучило этого красивого парня?

— Ладно, не хочешь говорить, так тому и быть.

Золик обернулся, и блеск в его чёрных очах был похож на еле сдерживаемую злость. Или отчаяние?

В самой большой комнате терема бы накрыт стол, который по количеству яств мог бы переплюнуть какой-нибудь средней руки банкет. Во главе, как и полагается мужу, сидел Иван. По обе стороны зятя — Сокол и Орёл.

— А вроде как женщинам за общий стол нельзя, нет? — тронула я Золика за руку.

— У Марьи свои порядки, — ободряюще улыбнулся ворон, и чуть подтолкнул меня вперёд, — с того конца садись.

Явилась и Моревна в своём удивительном сарафане и расшитом затейливой вышивкой головном уборе. Никто не ел, все ждали сигнала от хозяина, а Иван, явно наслаждающийся властью, медлил, при этом бросая частые взгляды в мою сторону.

Они сидели друг напротив друга — муж и жена, и мне казалось, что между ними зреет противостояние, природа которого стала понятной после беседы с ведуньей-богатыркой. Марья, хоть и хорохорилась, любила мужа и, наверное, как многие женщины, мечтала стать полной дурой, чтобы не видеть примет низменных желаний, черного нутра, нечестности в поведении такого близкого к сердцу человека. Должно быть, осознание неверного выбора мучило её, но требования тела пока звучали громче шепота предчувствий.

Милостиво взяв ложку и зачерпнув из большой глиняной миски, Иван разрешил приступать к еде, и стол ожил, к хлебу и пирогам потянулись руки, зажурчали напитки.

— Вижу, дом гостями прибывает, Марьюшка? — княжич немного перебирал с пафосом, но его мужская красота притягивала взгляд и немного отвлекала от тона произносимых фраз.

— Сложил батюшка терем во мою потеху, вот и тещу себя, милый друг.

— Хороша потеха, — муж сдержал уязвлённое самолюбие, но всё равно постарался уколоть — красну девку в дом к молодцам привести.

Я уже было открыла рот для язвительного ответа, но опередила Моревна.

— Молодцам? — наигранно удивилась она. — Мужей добрых, о здравии жён пекущихся, вижу, а из неженатых парней у нас только конюхи да подпасок.

Иван сверкнул глазами и принялся жевать, его зятя посматривали на меня, однако кроме пустого любопытства их взгляды ничего не выражали, ну и хорошо. Только Золик выделялся из этой неприятной компании. Ел молча, в разговоры не вступал, но его улыбка — одними уголками губ — лишила дара речи молоденькую служанку. Погоди, красавчик, разгадаю я и твою тайну.

— Это вот рогоз, а это кровянка, — Марья, одетая в свой ведовской костюм, вела меня вдоль стены, на который были развешены пучки трав.

Она сорвала сухой бутончик и, растерев его между пальцев, понюхала.

— Ягодный дух, сладкий, на-ка то.

Я вдохнула сухой аромат и зажмурилась. Лето, солнце, зелёная поляна...

— Тоскун-трава, — ведунья поднесла к моему носу несколько сухих былинки.

Запах и вправду был какой-то уж больно густой и грустный.

— А волчьи ягоды у тебя есть? — спросила я без всякой задней мысли, но Марья сменила тему.

Она подошла к знакомому мне котлу, который появился в ее лаборатории вместо кровати, и кинула горсть травы в закипающую воду.

— Гляди...

Я наклонилась и увидела Волче. Он стоял голой мощной спиной ко мне на заснеженном берегу какой-то речки и, зачерпнув бадьёй в проруби, опрокинул на себя ледяной поток. Закрутил головой, отфыркиваясь и отирая ладонью лицо.

Можно было не сомневаться, что Марья забавляется, наблюдая за моей реакцией, но сдержать судорожный вздох было трудно: не каждый день видишь столь совершенное мужское тело во всей красе.

— Мавок забавит, дурень. Утянут в омут и сгинет добытчик. А вот еще, гляди, — богатырка повела рукой сквозь поднимающийся пар, и я увидела Славку, разморившегося в бане. Да что же это...

Стало жарко, будто сидела рядом, и я оттянула ворот рубахи, чтобы вдохнуть глубже.

— А вот на-ко то! — пролетела рука над котлом, и в темной глади показался Золик.

Нет, я не сразу узнала в этом тонкокостном совершенстве, подкидывающем вверх тяжёлую булаву, своего ворона. Раздевшийся до пояса восточный красавец был чуть subtilнее Мстислава и менее могуч, чем Волче, но лепили его со знанием дела — всего было в меру. Гибкий и сильный, смуглый мужчина тренировал мышцы, отрешенно глядя в пустоту перед собой, и если бы в моем сердце нашлось местечко, я бы втащила туда Золика.

Вдруг изображение с поверхности черной воды исчезло, и Марья задумчиво потерла подбородок.

— Налюбовалась?

— Ну... да...

— Вот она — беда твоя. Всех желаешь.

Будто пощёчину отвесила. Отец часто называл меня влюбчивой вороной, несколько раз я всерьез собиралась замуж, а потом внезапно остывала, руша все планы.

— Мечешься, — Моревна внимательно смотрела в мои глаза, пытаясь что-то нащупать. — Пристанище найди, стёжку свою.

— А ты? Не мечешься? Ивана-то ради постели возле себя держишь?

Марья вскинула голову, и полупрозрачный экран застелил всё пространство: я видела прижигаемое полуденным солнцем поле, на котором лежали сотни мертвых воинов, кружили в дрожащем от жары воздухе стервятники, рыскали голодные шакалы и лисицы, слакивающие лужицы человеческой крови.

Хрупкая спина женщины, сидящей возле мертвеца, вздрагивала от рыданий. Тонкая кольчуга поблескивала на солнце, непокрытая голова пушилась взлохмаченными влажными волосам, текла вниз и укладывалась на землю кольцом тугая пшеничная коса.

Я хотела заглянуть в лицо, но не знала, как повернуть видение.

Откуда-то, словно из-за глухой стены, раздался голос богатырки:

— Ступай!

И я пошла.

Было очень жарко, стрекотали в невытопанной ещё кое-где траве одуревшие кузнечики, девушка, оплакивающая потерю, была на расстоянии вытянутой руки, но прежде я задержала взгляд на убитом.

Высокий темноволосый витязь смотрел в небо карими застывшими глазами. Вскинулись в последнем удивлении густые прямые брови, на усах и короткой бородке запеклась кровь. Красивый был мужчина. Совсем молодой.

— Милая, — обратилась к незнакомке, и она повернулась на звук, но смотрела сквозь меня.

Сколько было Марье? Семнадцать-восемнадцать? Если сейчас она вошла в пору женского расцвета, то тогда была пленительна юношеской красотой нераспустившегося бутона. Синие заплаканные глаза и лучики слипшихся от слёз ресниц делали богатырку похожей на фарфоровую куклу.

Кряжистый, еле передвигающий ноги мужчина средних лет подошел к девушке и положил на плечо руку.

— Буде, Марьюшка. Пора тризну собирать.

— И я с ним в огонь сойду, батюшка! Не жить мне без него!

Князь нахмурил брови, его лицо превратилось в равнодушную маску. Он ухватил дочь за косу и рывком поднял на ноги, развернув к себе.

— Не гоже княжне сопли по мужику размазывать. Не сватана ещё!

Экран погас, и больше не нужно было спрашивать и выяснять.

— Так, говоришь, как травка-то эта называется, — протянула я руку к лежащему на столе сухому венику.

Глава 19. Новое начало

Голова пухла от всего, что Марья пыталась в неё засунуть. К концу недели я научилась различать по запаху с десятков растений, варить зелье от грудных хворей, от гнили животовой. Марья терпеливо разъясняла и показывала, и даже возила меня к дубу, который в тот день так ничего и не показал.

Неожиданный сюрприз преподнёс Золик, что срезал с этого заветного дерева толстую ветку и выточил из неё фигурку ворона. Искусная работа восхищала точностью линий и абсолютной реалистичностью. Я горячо поблагодарила молодого человека, сочно чмокнув в щеку и тут же поняла, что не по мне сохнет черноволосый принц. Не по мне...

Терем у Моревны был большой, но не настолько, чтобы можно было не встретить Ивана со товарищи. Несколько раз наглый княжич нарочно зажимал меня в углах, и я ловила идущие от него похотливые мысли. Но муж Марьи был достаточно умён, чтобы не распускать руки, а я достаточно осторожна, чтобы сторониться охальника.

Что за противный звук... Пронизывающий голову насквозь... Пи... пи... пи...

— Дайте кто-нибудь попить!

Не слышат. Да и я сама себя не слышу. Что за чёрт?

— Вот недогада! — Марья засмеялась и легонько хлопнула меня по лбу. — Обращивайся шибче, а то весь пар выстудим!

Выбежав из бани, я помчалась в терем за созданным самостоятельно отваром крапивы и златоголовки. Моревна обещала, что после него волосы будут шёлковыми. Уже возвращаясь, замерла, не смея нарушать тайну Золика.

Привалившись плечом к створу малых воротец, отгораживающих двор бани от посторонних, он смотрел внутрь с такой тоской и жаждой, что у меня перехватило дыхание. Незаметно пройдя несколько шагов в сторону, увидела предмет вожделения Ворона Вороновича: нагая Марья с распущенными волосами, укрывающими ее золотым покрывалом, отряхивала от воды веники.

Было от чего затосковать. Ведунья в любом виде была совершенством.

Нужно было пройти внутрь, не задевая гордости друга. Я отвернулась, будто что-то ищу на земле, и громко воскликнула:

— Ой, разбилась что ли?

Краем глаза заметила, как Золик отпрянул от ворот и направился ко мне.

— Подсобить?

— Неа, — замотала я головой, — обошлось!

Поникшая голова Ворона дернулась.

— Не сказывай никому.

— Не скажу.

Уходящий к дому мужчина был похож на побитую собаку. Вот и очередная тайна раскрыта.

— Ну, как дела? — мужской голос совсем близко.

— Стабильно, показатели без изменений.

— Отличненько!

Пи... пи... пи...

— Дядька Лешак, а как ты в дерево превращаешься? Ну, то есть, как ты делаешь это? Рукам приказ даешь или оно само случается?

— Ох, девка, и пошто ты меня изводишь? — старик хлопнул вожжами по лошадиной спине. — Сызмальства повелось, не ведаю как. Она, глянь, как размолодило!

Он прав, весна наступала неотвратно, наперебой кричали синицы, сам воздух наполнялся сочностью и вкусом. Снег печально оседал, обнажая запорошенные было елочки. Мы ехали от Мстислава, от тяжелого и долгого разговора, и сейчас так хорошо было дышать полной грудью, освобождая голову от невеселых мыслей.

Деревянный ворон помог. Теперь я умела усилием воли вызывать видения, настроившись на какой-то факт или имя, или лицо. Экран загорался и гас по моему приказу, достаточно было сжать в руке дубовую фигурку. Вот только у дуба все мои умения рассыпались в прах. Там образы и голоса обрушивались сбивающей с ног волной.

Вчера вечером я рассказала Славке о той нашей жизни, что осталась за Т-образным перекрестком. Об аварии, о бегстве виновника, которого до сих пор ищут, о коме Женьки, об усилиях ее родных и Егора, чтобы вытащить девушку с того света. О проданных, восстановленных своими руками раритетных авто, о кредите, взятом отцом под залог квартиры. О смерти матери Мстислава, фактически убитой преступлением сына.

Больно было смотреть, как поникли плечи, как разом крупное сильное тело потеряло опору и обвисло. Славка убежал от меня по рыхлому расползающемуся снегу серым волком. И я не окликала его, не имела права.

— Каждому горю свой срок, — отголоском моих мыслей прозвучали слова Лешака. — Не бери вину. Не твоя.

— Может, и рассказывать не надо было? Не знал бы и жил спокойно.

— А в наших краях не живут — отмываются, девонька!

Я не успела переспросить — прямо перед санями, оторвавшись от ствола березы, рухнул на колени разбойничьего вида мужик. Под распахнутым тулупом зияла кровавая мешанина из ткани рубахи, кожи и внутренностей.

— Ну, — обернулся ко мне старик, — делать что будешь?

— Не переживай, Жень, это спортивный хирург, он футболистов на ноги ставит. — молодой человек крутил в руках жухлый апельсин. — Я когда договорюсь, сразу позвоню. Хорошо?

— Хорошо.

Врач уже объяснил, что это мой двоюродный брат, но вспомнить его я так и не сумела. Помнила отца, коллег с работы, даже соседку, что пришла как-то раз. Всех, кто связан был с Кленовым станом мозг вычеркнул из памяти.

Папа, поговоривший с несколькими специалистами, успокаивал. Мол, это временно, воспоминания вернутся, все наладится, но я слабо верила. Научилась улыбаться через силу и кивать. Не хотелось обижать людей, которые были рядом всё это время.

— Какой у вас родственник симпатичный! — медсестра Инга ставила очередную капельницу. — На вас совсем не похож. Ой, — засмеялась она, — я не в том смысле!

— Да ладно, видела я себя в зеркале, не стесняйтесь.

— Ну вот, — девушка покрутила колесико системы, — прокапаемся напоследок, и

поедете вы домой. Я уже кресло с первого этажа утащила. Старшая узнает, отругает, но наши все сломаны. Все никак заменить не могут.

— Спасибо вам, — улыбнулась я медсестре, — там на тумбочке шоколад, брат принёс, заберите. Я не хочу.

— Вы не бойтесь! — Инга присела на корточки рядом с кроватью, оказавшись лицом к лицу со мной. — Такое случается. Редко, конечно, но бывает. Чудо, что вы вообще выжили, понимаете? На вас всё отделение смотреть ходило, даже студентов приводили. Вас же как тетрис собирали — по кусочкам. Осталось-то всего-ничего: колено прооперировать и тонус мышц восстановить. А память... Знаете, — девушка присела на край кровати. — У нас в институте анатомию читал старый такой дедушка. Так вот он говорил, что голова человеческая — тёмный лес. И со времен античности медицина сумела сделать в нем всего несколько шагов.

От разбойника смердило, но я настойчиво открывала рану. Порывшись в сумке, нашла горшок с мазью, кусочек чистого полотна. Лешак легко поднял и усадил мужика на сани, придерживая спину, пока я забинтовывала грязное тело прямо поверх рубахи.

— До тебя довезем?

— Должно довезём, — в глазах старика пряталась хитринка. — Останних болезных куды девать станешь?

Задумалась. Я ведь действительно превратила избушку лешего в лазарет. Сейчас на лавках и полу лежали двое мальчишек, прокатившихся с соседской крыши в сугроб и севших на торчащую кольями вверх изгородь, женщина с высокой температурой и страшной ангиной и совсем юная девушка, пропоровшая ножом бедро — строгала лучину на коленях.

Лешак не противился, кряхтел, варил кашу, пек хлеб, разделявал добычу, регулярно поставляемую Волче, кормил больных. Казалось, он воспрял духом и, несмотря на ворчание, получал удовольствие от помощи другим.

Весна... Волки, то и дело выскакивающие на дорогу, ловили мой запах и, постояв для приличия пару секунд, весело приподнимали хвосты и убегали в чащу. Только Меченный регулярно проверял, всё ли в порядке, следуя за нами почти по пятам.

Марья дразнила меня, показывая Волче в котле, провоцировала, но я усвоила урок и ни на что, кроме обучения, сил не тратила.

— Ну вот, — отец стоял посреди моей комнаты, уперев руки в бока, — так гораздо лучше!

Он передвинул всю мебель таким образом, чтобы впихнуть в комнату конструкцию из двух брусьев, собранную из списанного оборудования школьного спортзала. Тело моё, так долго находившееся без движения, превратилось в тряпку. Даже сидеть было тяжело. Странной казалась неспособность, например, сразу выдавить зубную пасту из тюбика или почесать нос.

— Ничего, Василёк, ты у меня еще танцевать будешь! — улыбнулся папа и взял со стола вибрирующий сотовый. — Егор. Что говорить-то?

— Сплю и буду спать до вечера.

— Духмяная..., — протянула Марья, прикрывая веки и наслаждаясь ароматом притирки, — славное снадобье будет.

Похвала была приятной, ведь Моревна наставник требовательный.

— Лешак жалится, будто ты всю избу заняла. Ему с людьми не с руки тереться.

— Ничего, скоро всех по домам отправлю. Мальчик только никак не поправится.

— Меньшенький?

— Да, — я устало опустилась на лавку, — мать не даёт заговоры творить.

— Открещивает от тебя. — Марья села рядом, от неё шёл странный неприятный запах. — Мы для них нечисть окаянная. Ништо, не горюй! Проведаю болезного твоего, подсоблю.

— Хорошо бы.

Из-за угла появился Колючкин и деловито проклацал коготками к миске с куриными потрошками.

— Весну чувствует, шуршит по углам, воли ищет. Ступай-ка с ним сон-травы насобирай, только цвет набрала. Да рукавички прихвати, не то ожжёшься!

Довольный Колючкин высовывал из-за пазухи свой любопытный нос, а я брела от проталины к проталине, выискивая фиолетовые с жёлтыми серединками мохнатенькие колокольчики подснежников-прострелов. Одуревшие от оттепели птицы наполняли лес звонким гомоном, мимо, заставив замереть от страха, неуклюже вздёгнув пятую точку, прошествовала рысь.

— Ну что, ёжик — ни головы, ни ножек, иди побегай! — еж ринулся вперёд с невероятной скоростью, и я не успела подняться с корточек, как он скрылся из виду.

Мне нравилось дышать оттаивающим воздухом весеннего леса. Корзина была почти полна, и можно было бы уже возвращаться, но не хотелось снова спускаться в Марьино подземелье. Да и в тереме покоя не было: Иван выжидал, бросая взгляды исподлобья, Ворон вздыхал, Моревна не сдавалась ни тому, ни другому.

Впавший в глубокую депрессию Мстислав лютовал на своей земле, присылая время от времени весточки, но не решаясь приблизиться к Марьиной вотчине, и мне было жаль незадачливого купчину, так и не сумевшего понять, как стать лучше себя прежнего.

Бредя вот так — без конкретной цели и направления, я вышла к проснувшемуся ручейку, искрящемуся на перекатах прозрачной водой. Хрустальная чистота пробивала себе дорогу в крупнозернистом снегу, и столько в этом было жизни и оптимизма, что я невольно улыбнулась. Рядом раздался громкий вздох.

* * *

— Доча, нельзя так с человеком. Не игрушка он, не прощельга. Хороший крепкий парень. Работяга.

— А что ему говорить, пап? Я даже имени его не помнила, пока не подсказали.

Отец пожал плечами и принялся сворачивать провод от дрели.

— Жалко его.

— Жалко. Но он симпатичный мужик, найдёт себе кого-нибудь поздоровее и побогаче. Я тебя уверяю: пара месяцев, и на его шее повиснет какая-нибудь роковая блондинка.

— Ох, Жека! Зря наговариваешь, зря.

— Пап, давай больше не будем на эту тему. Лучше включи телевизор.

— Что, тебя никто из волчиц не выбрал? — я рассматривала профиль Меченого. — Не переживай, шрамы мужчин украшают, и волков тоже.

С интересом наблюдавший за журчавшей водой крупный волк поднял на меня свои жёлтые глаза.

— Да ладно уж, беги! Ничего со мной не случится. Ну правда! Беги!

Меченый нерешительно переступил передними лапами.

— Я тебя позову, если что. Честное слово!

Волк сорвался с места и помчался в чащу.

— А ежели медведь?

Сзади неслышно подошёл Волче, держащий на весу огромного тетерева с богатым белым подхвостьем и ярко-красными бровями.

— Люди страшнее.

— А и правда! — охотник повесил подбитую птицу на сосновый сук, нагнулся к ручью, зачерпнул горсть и сделал пару торопливых — пока вода не стекла сквозь пальцы — глотков.

— Зубы ломит, — словно сам себе заметил он и, резко заступая передо мною, спросил: — Не люб я тебе более, горюха? Глаз не кажешь, чванишься.

В синих очах отражалось небо с редкими пушинками облаков.

— Себя я ищу, добытчик. Может, и не такая я вовсе, как тебе вижусь. Пустая, никчёмная. Хожу по земле, а сгину — и следа не останется.

— Стало быть, вернуться хочешь. Как Мстислав, Малуша да Золик...

— Погоди! — я дернулась к повернувшемуся спиной охотнику, что уже взваливал на плечо большую птицу. — Как это Малуша? Золик? И откуда ты знаешь, кто и куда вернуться хочет? А? Волче?

Мне пришлось почти бежать за быстро шагающим мужчиной, который, я была в этом уверена, наслаждался произведённым эффектом.

— А это вот Таня. Молодая совсем.

— Причёска какая смешная!

— Много ты понимаешь! Смешная! Последний писк моды тогда был. — улыбался отец, переворачивая страницу толстого фотоальбома. — Это у вас волосы розовые, ногти чёрные, губы от силикона лопаются. Тогда попроще было всё. А это Михай на соревнованиях в Нижнем Новгороде. Смотри, какой довольный.

— А шейка-то тонюсенькая. Цыплёнок натуральный.

— Цыплёнок-не цыпленок, а серебро вон на груди. Они ведь тогда в аварию на обратном пути попали.

— Правда?

— Да, Татьяна чуть ума не лишилась. Ночью ехали, вот водитель и уснул, выскочил на встречу, чудом машин не было, просто скатился с обочины вниз. Только тренер погиб —

придавило.

— Грузин.

— Что, грузин?

Сердце выпрыгивало из груди.

— Тренер был грузин, да? Звали его еще звонко так...

Отец замер, боясь перебить.

— Сейчас... Гурам! Гурам его звали! Гурам Давидович! Я помню! Помню, папка Мишка о нём рассказывал много. Говорил, что хороший был человек, и тренер отличный! Это оно, да, пап? Я вспоминаю?

— Да, Василёк. Давай дальше! Смотри, это тётя Вера. Мы ездили к ней в гости в Михайловку. Ты еще всех кроликов у нее переобнимала, думали, что передушишь. А это вот её муж, у него был старинный красный мотоцикл с коляской. Тебя катал. Помнишь?

— Мотоцикл не помню.

— Ничего, давай дальше.

* * *

— Да постой же!

Волче остановился внезапно, и я с размаху налетела на широкую спину, да так и застыла, не имея сил оторваться, отойти назад. Вокруг нас бушевала весна, и кровь внутри бурлила от чувств, но никто не решался на первое движение.

От удара корзинка накренилась, и часть подснежников высыпалась на землю. Наклонилась, чтобы подобрать и тут же попала в кольцо сильных рук. Мы вдавливали коленями в рыхлый снег мохнатые колокольчики с жёлтыми серединками, но было уже всё равно.

Не хватало воздуха для слов, и от нахлынувших чувств шумело в голове. Волче сбросил свою серую шубу и кинул ее мне под спину, не переставая целовать. Я никогда не принадлежала мужчине в весеннем лесу, и это было похоже на волшебство. Уже не понимая, что передо мной — небесные глаза или само небо, я видела беспокойных синиц, притихших от удивления, тоненькие веточки берёз, казавшиеся редким кружевом, золотые искры, вырвавшиеся фейерверком из солнечного луча. Тело воспарило над землёй, и только гулкие удары сердца напоминали, что я еще жива.

Где-то совсем рядом завыл волк, разделяя восторг хозяина от такой сладкой победы. Меченый вернулся на свой пост, и я засмеялась, смущенно уткнувшись любимому в плечо.

Глава 20. Пересечение

— Зазябла?

— Чуточек, — только сейчас я поняла, как крепко пальцы сжимают ткань мужской рубахи, — нам пора уже. Марья ждёт.

— Станешь со мной жить?

С трудом оторвавшись от большого горячего тела, я села и обхватила колени, натягивая юбку до предела.

— Хозяйкой величать стану, — продолжал Волче, что тоже поднялся и прижался плечом, — слова поперек не молвлю, всё для тебя сделаю, горюха.

— Не могу. У Моревны поучиться бы мне, да и врать не стану: хочу вернуться в свой дом.

Охотник легко вскочил на ноги и принялся оправлять одежду. Повеяло холодом, остужающим пыл. Я совсем другими глазами посмотрела вокруг: сырой лес взирал на меня черными осуждающими очами проталин.

— Не желаешь, ну, так и быть посему, — Волче возвышался надо мной, закрывая солнце, — неволить не стану.

Догадавшись, чего ждёт охотник, неловко встала с импровизированного ложа, добытчик подхватил и силой встряхнул свою шубу. Подняла со снега отброшенную одежду и я.

— Волче, — нужно было как-то исправлять ситуацию, — неужто так и уйдёшь?

— С добром оставайся, горюха. Лихом не поминай! — несчастный тетерев снова взлетел на могучее плечо, и я еще долго видела, как мелькали среди деревьев его вскинутые в удивлении красные брови.

— Девочка моя! — женщина напротив сморщилась, сдерживая слёзы. — Похудела-то как!

— Мам! — молодой человек по имени Михаил положил на плечи матери крупные ладони.

Он был похож на моего отца, больше, чем я со своими черными волосами и смуглой кожей. Двоюродный брат. Сильный, красивый, добрый, судя по всему.

— Мы тебе тут привезли вот, — тётя зашуршала пакетами, какими-то бумажными свёртками, — ягоды. Как ты любишь — протёртые, Жень.

Отец переглядывался с племянником, сюрприз готовят что ли?

— Спасибо! Я только не помню, какие ягоды люблю.

— А тут и клубничка луговая, и черничка, и крыжовничек. Помнишь, как ты его собирала — черный, сладкий.

Мне было жаль разочаровывать родственницу, но я ничего не помнила. Выматывающая растерянность и бессилие что-либо изменить давили и мучили похлеще ночных болей.

Мужчины тихо переговаривались в углу, Миша жестикулировал, доказывая правоту.

— Эй, а можно мне тоже узнать предмет вашего спора?

— Да тут гости у нас, Василёк, — отец выглядел немного растерянно, — Михай привёз с собой. Решаем теперь, показывать тебе или нет.

— Показывайте уже!

Одним незнакомцем больше, одним меньше.

Тётя Таня поспешно встала, забрав свои баночки и прижав их к груди. Все суетливо задвигались и вышли из комнаты, предоставив мне самой встретить неизвестного гостя.

Вошедший впечатлял ростом и ладной фигурой хорошо физически развитого человека. Слегка скособоченный нос, короткая светлая бородка, волнистые светлые волосы, синие глаза, словно подведенные чёрным.

— Здравствуй, Женя. — его голос чуть дрогнул на моем имени, но мужчина откашлялся и продолжил уже спокойнее. — Как ты?

— Отлично, как видите! — если товарищ со мной на “ты”, значит, мы с ним довольно близко знакомы. — Простите, с именами немного напряжённо.

— Егор! — гость протягивал руку открытой ладонью вверх, а потом, спохватившись, подошел еще ближе и притронулся к моим холодным пальцам. — Я тебе машину ремонтировал.

Надо же! Папкина “семёрка” ломалась, оказывается! Не из-за этого ли мастера слетела с трассы?

— Спасибо, раз так. — я попыталась улыбнуться, но как-то вдруг расхотелось.

Выражение лица незнакомца говорило о глубоком страдании, глаза блестели — неужели готов расплакаться? А он приятный, манкий. Девушкам, наверное, нравится. Мне бы понравился, если бы...

— Мы с Михой хотели тебя на прогулку вывезти. Согласна?

— Боюсь.

— Чего?

— Упасть, света, шума, машин. Боли. Продолжать?

— Я отнесу тебя на руках, — Егор не врал, он действительно отнесёт, почему-то была уверена я.

Ух ты, какие у меня знакомые!

— Хорошо.

— А ты? Чего торчишь тут? Шёл бы за хозяином! Только жалости твоей мне не хватало!

Но Меченый службу нёс исправно: стоял поодаль, воздух нюхал, следил. Оставалось найти Колючкина, набрать еще подснежников и отправляться восвояси.

Конечно же, отыскать удравшего ежа было невозможно. И где эта глазастая сова, когда нужна?

— Колючки-и-ин! Придунок черныбыльский, вылезай уже, а? Домой пора! — орала я, осознавая комичность и тщетность своих попыток.

Изрядно напугав, на тонкую нестабильную берёзовую ветку приземлился Золик.

— Следил? Следил! И не смей мне ничего сейчас говорить, я сама всё про себя знаю, понял! Лучше ежа отыщи, хоть какая-то польза.

Прострелов было море, и корзинка вновь заполнилась доверху. Ворон приказ выполнил: смешно подёргивая носиком, вернувшийся ёжик с осуждением обнюхал и оббежал меня кругом.

— Ой, не нужно строить из себя праведника, сам-то чем занимался? Ежиху тискал? — утирала я беспрестанно текущие слёзы. — Все вы, мужики, одинаковы. Всем вам только одного и надо! Бабники!

Золик на всякий случай перепрыгнул на дальнюю ветку.

Я шла назад в сопровождении волка и ворона, за пазухой фырчал обиженный Колючкин. Ведьма ведьмой!

Никакой любви больше. Всё! Хватит! Волче своё получил и потерял интерес из-за ерунды какой-то. Гордость его обуяла, видишь ли! Охотник хренов! Поделом мне, дура влюбчивая!

Тетя в последний раз поправила снуд на моей шее, оглядела придирчиво, ладонью утёрла вспотевший лоб и громко позвала:

— Мальчики!

Два крепких мужчины, совсем не тянущие на мальчиков, вошли в комнату. Миша взял сложенную коляску и сумку, Егор, немного потоптавшись, осторожно поднял меня на руки.

— Аккуратнее! — рявкнул отец на него, и подбежала, подставляя ладони. — Убью, если уронишь.

— Папа, успокойся, иначе я никуда не пойду!

— Не стерпела! — бушевала Марья, будто я выдала кому-то государственную тайну. — Ох, беда!

Сидящий на краю стола Золик при каждом громком слове своей зазнобы подрагивал крыльями и втягивал голову в плечи. Одни истерички кругом. Я улыбнулась:

— Не мели ерунду! Какая беда? Что я сделала? У тебя разрешения не спросила?

— Чистоту свою испоганила! — орала на меня ведунья. — От меня к тебе река по чистому пути текла, водицею поила тебя ключевой, а ты в ней ... Ах, да что с тебя взять!

— Вот уж действительно! — ору я не хуже княжеских дочек. — Тебе-то, конечно, можно в постели кувыркаться, а мне на юбку замок повесить что ли?

— А и повесь! — Моревна вдруг прыснула.

Золик закаркал, я засмеялась, Колючкин благоразумно утопал в свою хижину — небольшую корзинку, поставленную на бок и набитую ветошью.

— И какая нынче забава? — в дверях стоял Иван и отчего-то пристально смотрел на мой рот.

Марья перехватила этот взгляд и нахмурилась.

— Девкам забава, мужикам печаль! — бросила она мужу через плечо и принялась что-то толочь в ступке.

— Там есть такой рычажок, Миша, маленький. Ага! Теперь встряхни!

Брат чертыхался вполголоса, пытаюсь раскрыть коляску, а я прижималась к плечу Егора. Весенний воздух так сильно кружил голову, почти пьянил. Проходящие мимо люди с интересом рассматривали нас и шли дальше по своим делам. Никому не было дела до чужой немощи.

Но один взгляд жёг, не переставая. Егор не сводил глаз с моего лица, нервируя и расстраивая. Зачем здоровому мужику калека?

— Говори уже, что хотел сказать, — как жаль, что я не могу обхватить рукой его шею. — Вижу, что распирает. Тяжёлая я? Устал?

— Устал..., — Егор приблизил свой рот к моим губам, — без тебя...

Небо обрушилось на голову так внезапно, что я даже вскрикнула. Где-то там, за

границами сознания, что-то громко спрашивал Миха, рычали моторами машины, кричали одуревший от тепла синицы, но я ощущала лишь вкус поцелуя.

В ступке ничего не было. Я подняла глаза на Марью, которая сосредоточенно толкла и толкла невидимое снадобье. Лицо красавицы каменело равнодушием к происходящему.

— Всё ли по добру, горлица моя? — Иван не спешил покидать поле боя. — Вся в трудах, умаялась, поди?

— Пока я умаюсь, другая в домину ляжет! — синие очи сверкнули еле сдерживаемой яростью.

Похоже, нужно срочно ретироваться. Стараясь не привлекать внимания ссорящихся супругов, я выразительно глянула на Золика, но ворон демонстративно отвернулся и нахохлился. Мужчины сегодня неприятно удивляли.

Лишь закрыв за собой дверь, я смогла нормально вздохнуть. Не задался денёк, а нужно еще больных проведать.

— Это ничего еще не значит! — я упрямо смотрела перед собой, впервые, пожалуй, замечая вкрапления гальки, выбоины и трещины на асфальте старого тротуара. Коляску потряхивало на неровностях, но Егор маневрировал как мог.

— Это просто весна так действует!

— Но ты вспомнила? Вспомнила? — подскакивал рядом Мишка.

Ответ не был так очевиден, как того хотел брат. В момент головокружительного поцелуя голову пронзали вспышки света, образы, которым я не могла найти объяснения. Большое ветвистое дерево без листьев. Стая волков, несущаяся по снегу за санями, в которых сижу... я? Аромат кофе и бензина, узкие окна, в которых еле теплится свет уличных фонарей. Перебинтованная собака. Трасса и колёса большой машины, крутящиеся в воздухе прямо надо мной головой. Яблоко, уже кем-то надкушенное. Зелёное. Гладкое. Сова....

Всё это теснилось во мне, пугало, требовало разъяснений, но кто способен дать их? Больше не хотелось слушать версии даже от самых близких людей. Моя самость подпитывалась изнутри в том числе и памятью, и личными впечатлениями, и ощущениями. Но сейчас в голове бушевал полный хаос.

Грязная рука держала крепко, и было не очень понятно, намеренно или неосознанно раненый разбойник так сильно сжимал пальцы на моём запястье.

— Молви, кликуша, ведаешь ли, когда кончусь, а?

— Пусти! — почти ласково попросила я. — Не ведомо мне, не ведомо!

— Хвастаешь! — удовлетворённый своим разочарованием мужик разжал ладонь.

— А то! — теперь можно было спокойно поменять повязку.

— Сказывали, Мстиславке-купцу угоду творишь, прибыли кличешь. Накличь и мне добра!

Жаль было этого немолодого уже человека, жизнь которого не изобиловала счастьем, но я уже видела его судьбу — удар ножом в печень случится не так уж и скоро, но смерть будет достаточно быстрой. А еще в расстилающейся передо мной картине была старая хрущёвка и женщина, закрывающая лицо от свистящей в замахе тяжёлой пряжки солдатского ремня. Прозрачный экран треснул от надрывного крика, капли крови стекали по нему, ломаясь на сколах.

Дни тянулись невыносимо медленно, я готова была выть от беспомощности, но Эльмира — девушка, которая занималась со мною физиотерапией, на счастье была от природы оптимисткой и не давала разгуляться мрачным мыслям.

Вместе с нею мы радовались прогрессу, и хотя мышцы всё ещё оставались дряблыми, я уже кое-что умела делать сама. А ведь когда-то в тренажёрном зале любовалась на свои хорошо проработанные рельефы. Смешно.

Егор приезжал через день, но больше не пытался поцеловать, всё чаще что-то обсуждал с отцом на кухне. На мои вопросы оба отшучивались и ссылались на Ромку-одноклассника, который постоянно латал мое "Рено". Они с Егором были коллегами, и якобы сейчас, когда финансов в нашей семье не хватало, Егор был готов взять на себя доведение до ума моей верной машинки.

Я делала вид, что верила, и мужчины снова закрывались «на чаёк».

Вопрос операции на колене мы ещё не обсуждали, сперва нужно было привести в тонус весь организм, создать в нём запасы энергии и сил, выровнять биохимию, как говорила Эльмира.

И я в который раз сжимала в ладони упругий резиновый мячик.

— Глянь-ка то! — Марья вырвала меня из задумчивости. — Это что у нас за богатырь пузо на лавке мнёт?

Светлая голова ребенка, лежащая на согнутых руках, повернулась к ведунье.

— Вот, Марья Моревна, никак хворь не выходит. — я машинально положила ладонь на худенькую, чуть влажную спинку. — Гоним её, гоним прочь, да всё без толку!

— Гнать умеючи надобно! Дай-ка гляну! — мальчик засмутился, когда гостья стянула с него штаны и принялась рассматривать зеленовато-синюю, разбухшую как огромный чирый, рану.

В глазах Марьи я прочитала жестокий приговор. Мальчик не выкарабкается.

— Лешака позовём, заговорную песню мальцу споёт, чтобы не печалился. Дружок-то твой по лужам прыгает, а ты всё с ложки кашку уминаешь. Не к лицу молодцу!

У стола, сначала оглянувшись на ребенка, Марья шепнула:

— Мать зови, не жить ему. Пусть лучше дома...

— Неужели ничего сделать нельзя? Он же маленький совсем!

Моревна удивлённо посмотрела на меня, словно не веря ушам:

— Нешто маленьким в землю не ложиться? Всякому свой срок.

— Не дам я ему умереть, поняла! Яблоко дай!

— Негде взять, тебе последнее досталось, — прищур Марьи становился всё злее, — но коли печёшься о мальце, то так и быть — плескану ему живой водой.

Ведунья круто развернулась, ударив меня по коленкам тяжёлым, расшитым ракушечником накосником, и зашагала в сторону двери, ведущей в коридор.

Я знала, что спустя несколько минут она вернется в ярости из-за пропажи ценного лекарства. Но подготовиться к тому урагану, что обрушился на мою повинную голову и вошедшего так некстати Лешака, было невозможно.

Нет, Марья не кричала — она шипела по-змеиному, и в какой-то момент даже почудился длинный раздвоенный язык, метнувшийся к моему лицу. Глаза ведуньи выжигали кожу, Лешак стал тихо отходить за печь, но спрятаться не вышло. Моревна высказала ему за

недогляд и попущение. Становилось физически плохо, разъярённая богатырка крепко держала за шею, и я была уверена, что при желании она сломала бы позвонки, однако сейчас Марья попросту выкачивала из меня жизненную энергию, упиваясь ею, как хмельной медовухой. Вот уже леденели ладони и перестали слушаться ноги, внизу живота нарастал холод.

Заметивший неладное Лешак протянул было руку, пытаясь остановить неминуемую гибель, но ведунья вперила в него свой магнетический взгляд, и старик стал подходить ближе, пока в морщинистое горло не вцепилась такая слабая с виду женская ладошка.

— Охлонись, любушка, — пропел за спиной жены Иван, — чего людей страшить. Отступись.

Марья сощурила глаза, но мужа послушала, разжала пальцы. Лешак качнулся и с размаху сел на пол, а я пыталась сделать глубокий вдох. Видение предупреждало немного о другом, а кара за воровство всё равно настигла.

Глава 21. Лишь капли истины

Они стояли друг напротив друга, и между ними могло разгореться пламя, так казалось со стороны. Мужчина и женщина, идеально подходящие друг другу по стати и породе. Не день и ночь, не солнце и луна, а две страсти, отличающиеся лишь оттенками. Две натуры, которые притягивались и одновременно отталкивались с непреодолимой силой.

Похоже, ни Иван, ни Марья не осознавали в этот миг, что на них смотрят сразу несколько человек, находящихся в избе Лешака, включая обреченного на смерть ребёнка.

— Оно как... — прошептал рядом старик, с трудом сумевший подняться на ноги.

Оцепенение спало. Я смогла нормально дышать, Марья отвернулась от мужа и снова пронзила взглядом, и тут тело мое задвигалось подобно марионетке, сопротивляться было бесполезно — ноги несли за ведуньей по земляному коридору. Мы пошли уже довольно большое расстояние, когда Моревна повернулась к стене, повела рукой с факелом, и я увидела, как в нарисованном огнем круге расступается утрамбованная земля, и раскрывается перед нами полутёмное вонючее подземелье, в котором не было никакого света.

Меня занесло внутрь, но крикнуть и объяснить не было возможности. Марья постояла немного, вставила факел в железный поставец, и стена сомкнулась между нами.

— Хочешь? — отец гладил мои голые ноги, растирая костяшками пальцев ступни, разминая пальцы.

— Не знаю, пап. Бассейн — это столько препятствий! Не готова я еще.

— Ну так есть же, кому помочь. Егор не откажется, я думаю.

— Тогда точно нет!

Натянув мне колючие шерстяные носки и укрыв одеялом, отец сел в кресло, задумчиво покачивая ногой в старом кожаном тапке.

— Жалеешь себя?

— В смысле?

— В прямом. Пока жалеть себя будешь, не встанешь. Ты же сильная, дочь, ты же многого добились сама.

— Есть физическая объективная реальность, как ты любишь говорить, папочка! Я не могу ходить, не помню большую часть жизни, потеряла работу, сижу на твоей шее. Этого мало, чтобы пожалеть себя?

— Мало.

— Вот только давай не будем сейчас говорить про ценность жизни и всякую подобную муть. Никому я кроме тебя не нужна.

— Научись себе быть нужной, Василёк. Для начала. Это ведь такое приключение — открывать мир заново, узнавать то, что раньше уже не удивляло! — отец щёлкнул пультом телевизора, и на большом экране появился диктор, сообщающий последние новости. — Пойду пройду. Если что, звони.

Жуткий полумрак, странные поскрипывающие звуки, холод, пронизывающий сразу и до костей, подвальный запах заброшенного дома, аммиачной своей составляющей вызывающий слабую резь в глазах. Тюрма что ли? Я крепче сжала деревянную птицу в кармане широкой теплой юбки. Ладно, посидим в тюрме. Сама убила бы эту Малушу, да и Волче прибила бы!

Огляделась, не обнаруживая, на что бы присесть, привалилась к ледяной стене. Марья, конечно, баба горячая, но не станет же она держать меня здесь без еды и воды. Или станет?

Глаза, постепенно привыкающие к мраку, выхватили из мглы железную решётку. Ну, точно клетка! Я подошла и провела по толстому металлическому пруту пальцами, растерла подушечками капельки влаги. Прислонилась лбом к кованой преграде.

— Грустишшшшшшшшшш — громкий шёпот совсем близко от лица и чье-то холодное и пахнущее сеном дыхание привели меня в парализующий ужас.

Из темноты смотрели горящие красным огнём глаза. Закрыв лицо руками, я завизжала во всю мощь лёгких, но сделать шаг назад так и не сумела — не слушались ноги.

Роскошная блондинка обещала теплую весеннюю погоду, отсутствие осадков и напомнила зрителям про лекарство, помогающее победить сезонный авитаминоз. Пульт лежал в десяти сантиметрах от кончиков моих пальцев, и чтобы переключить канал с начинавшегося футбола на что-то более удобоваримое, мне нужно было приложить значительное усилие.

— Да блин! — ругательства иногда помогали пережить приступы боли, в этот раз никто не даст болеутоляющее. — Ну спасибо, папочка! Удружил!

На неестественно зелёном поле вяло передвигались футболисты, но вот игроки начали двигаться активнее, и к воротам спортсмены уже бежали, толкаясь и пытаясь отобрать мяч у смуглокожего красавчика в синей футболке. Вот соперник заступил вперёд, и атакующий чужие ворота футболист с размаху хлопнулся оземь, а на него, двигаясь по инерции, упали еще двое.

Стадион взревел, оператор взял дальний план, и стало видно, как к месту падения игрока бегут медики. Спортсмен, зажимая руками колено, буквально вгрызлся в газон от боли. Рядом, растерянные и огорчённые, стояли однокомандники.

Мне было несложно прочувствовать то, что испытывал сейчас симпатичный мулат. Вот так заканчиваются карьеры и нормальная жизнь. Удовлетворение от того, что не я одна теряю всё, приятно грело изнутри. У этого хоть деньги есть на операции и реабилитацию, заработал достаточно. Миллионер, наверное. Все они бабки лопатой гребут! Его бы на моё место...

Комментатор сокрушался о потере замечательного форварда, так успешно начавшего сезон, и предрекал перераспределение удачи в игре. Но тут же удивленно присвистнул: футболист, ополоснув лицо из бутылки и пережив пару уколов в ногу, начал медленно подниматься с травы под крики скандирующих какой-то девиз болельщиков. Парень сделал пару робких шагов, не нагружая пострадавшую ногу, а затем стал двигаться всё увереннее и включился в игру.

Матч я досмотрела до конца, мулат несколько раз был близок к голу, но забить не сумел, однако его товарищи, вдохновлённые примером, задачу тренера выполнили и впечатали бело — чёрный мяч в ворота соперников.

Комментатор что-то орал, заходясь в восторге, стадион дымил и гудел, мелькали вспышки камер, игроки в синих футболках обнимали друг друга, а мулат вновь заметно захромал. И вдруг камера взяла его крупный план — тёмно-карие миндалевидные глаза смотрели с экрана прямо на меня. Футболист улыбнулся и поднял большой палец.

Отец ничего не сказал, вернувшись домой, лишь скользнул глазами по моей руке, вяло обнимающей пульт, и значку телеканала Animal Planet, но я знала, что он точно заметил.

— И днём, и ночью кот учёный там ходит по цепи кругом. Знаю, в школе учила, только про яблоки у Пушкина не сказано.

— Саша слово давал, — цепь снова скрипнула, — да не удержался...

— В каком смысле — Саша? Ты что, знал его?

— Знавал... Гостевал у меня. Злобливый человек, беспокойный. Обиделся...

— Погоди-погоди... А кто к тебе попадает и зачем? Вот я, к примеру, не Пушкин же совсем, почему я здесь.

— Имя у тебя ладное — Женя. Женой тебе быть, дитя понесёшь, ежели силу свою уразумеешь, родишь светоча. Твой сын людям жизнь лучше сделает, горе отведёт от рода человеческого.

— То есть, я Сара Коннор что ли? А кто у нас Терминатор тогда? Мстислав? Иван? Ты?

— Может, и не родишь... Не всякий, кто за силой сюда приходит, вычищается до конца. Не всякий грязь смывает с рук своих. Яга раньше в баньку водила... Да, было времечко...

— Господи, тут и Яга имеется?

— Яговна обличие меняет, что твою рубаху. Споймает кого, в печку сунет, нутро выжжет, а сама в ту норку и пролезает. Вот нонче молодухой кажется, тело своё бело тешит. Устала, должно, во мраке гостей дожидать, костяным носом в потолок тыкаться. Пусть балУется.

— Ты меня совсем запутал, Бессмертный. Сны, Яга, тело, печка. Бред какой-то...

— А ты поглянь, поглянь, кликушенька! Тёсанку свою зажми...

Деревянный ворон был уже еле различим в наступающей тьме, но я крепко сжала пальцы и зажмурила глаза...

...Свист пуль какой-то игрушечный, в темноте казалось, что кто-то рисует ярко-красный пунктир прямо в воздухе. Сбившееся от напряжения и усталости дыхание нескольких мужчин колотилось в уши. Выстрелы прекратились внезапно, и трудно было сказать, ждёт ли еще неприятель в засаде. Они выждали без малого час, пора было возвращаться.

— Че, давай вперёд, пошёл!

Рослый человек, сильно пригибаясь, прятался за большие валуны у подножия огромного холма, очертания которого в сумерках казались силуэтом спящего великана. Мужичина не сильно торопился, он внимательно всматривался, определяя, ожидает ли отряд опасность. Горное селение не светилось огнями, следующий намаз в четыре утра. Впереди дрогнули черные ветки кустарника. Враг выжидал. Один бросок, и славный нож, столько раз выручавший в бою и на привале, мягко вошел в человеческое тело. Молча умирающий старик выронил из рук верёвку, но молодой барашек всё так же продолжал жевать невкусную жухлую траву...

...Они били женщину, как бьют боксёрскую грушу, брызги крови, взлетающие вверх фонтанчиками, вызывали дикий хохот. Красивая девушка, наставив смартфон на происходящее, грязно материлась, подбадривая обкуренных дружков. Когда жертва, превращённая в месиво, перестала двигаться, наблюдательница нагнулась и, вглядываясь в заплывающий разбухающей плотью глаза, процедила:

— Будешь знать, как на чужого мужика смотреть, — и плюнула в обезображенное лицо...

Позыв к рвоте был так силён, что я вынырнула из видений и зажала рот.

— Каждый сам выбирает себе меру — кому горсточка вины, кому бочка. Коли есть в человеке самородочек золотой, света хоть искорка, что людям тепло принесёт, милости просим в наши свояси водицей умыться.

— Н-не понимаю... Кто это там был?

— А не всё ли равно тебе, девица? Гляди ещё, ночь длинная...

... Брат, давай договоримся! — молодой человек с восточным акцентом перегнулся через капот полицейской машины. — Мир лучше войны. За товаром серьёзные люди стоят, слушай, давай денег дам, и поеду. Ждут меня в гости...

За остановленной на обочине фурой притормаживал забрызганный грязью джип. Арестованный чуть улыбнулся и уже уверенно продолжил:

— Соглашайся, брат. Товарища пожалей. Жить вам осталось мало.

Два полицейских так и остались лежать на обочине за служебной машиной.

— Фарик, ты везучий чёрт!

Молодой человек, уверенно держащий руль, загадочно улыбался...

Видения сменяли друг друга, и сердце ныло от того нечеловеческого зла, что мне пришлось наблюдать, от горя, что рождало крики ужаса и слёзы сочувствия. Но рука не слушалась — не разжималась, и деревянный ворон продолжал вести меня по самым страшным закоулкам людской сущности.

... Я шла по коридору клиники и прикидывала в уме, смогу ли взять еще один отгул. Запел сотовый — Ольга.

— Что?

— Ты в курсе, что он разбился? Говорят, что пьяный был. А ведь он совсем не пьёт, Жень! В пятой городской сейчас. Давай навестим? У него перелом на переломе. Ведь у вас же любовь была...

— Хочешь — сама наведай. Оль, не люби мне мозги. Взрослый мужик, а инфантилизма как у принца из «Золушки».

— Вы к нам, как на работу. — гинеколог вскрыла бумажный пакет с инструментами и натянула стерильные перчатки. — Может, нужно ответственнее относиться к контрацепции? Сами же потом по врачам бегать будете.

— Так вам же и лучше — без работы не останетесь, Вера Григорьевна. У меня проект на стадии завершения, мне эти соски-пелёнки ни к чему...

Глаза вязли в бархате непроглядной темноты. Скрипели цепи.

— Дай водицы...

— Это типа за грехи расплата?

— Рученькой поведи, персты сами ковшик найдут...

— У вас тут чистилище, похоже?

— Только глоточек...

— Не верю я во все эти бредни, ты специально это делаешь, пугаешь меня, знаешь, что сопротивляться не могу...

— На доньшке...

— Да подавись ты! — серебряные светящиеся капли зависли в воздухе, давая мне возможность осознать сотворённое.

Кощей рванул навстречу — вода сияла, освещая всё вокруг — разинул широко страшный рот...

Глава 22. Перемена мест слагаемых

— Пап, давай прогуляемся? Сможешь меня на улицу вытянуть?

— Ну, давай, — отец отложил в сторону очередную приспособу — металлическую ручку, которую он хотел установить в подъезде возле нашей входной двери. Коляска отъезжала от порога ровно на 70 сантиметров — папа замерял. Неровность пола, которую раньше никто не замечал, сейчас осложняла жизнь: пока сопровождающий меня человек отпирал дверь, я оказывалась опасно близко от лестницы

— Вот сюда еще крючок вдену, чтобы сумку там или пакет повесить, да, Жень? — взвизгнул замок демисезонной куртки. — Табуретку вынесу к Михайловым в закуток, так что давай, надевай свою одежду.

Тётя Таня сшила мне странный, по меркам нормального человека, комбинезон на синтепоне — широкие брючины и рукава, молния, поднимающаяся от колена на одной штанине до самого ворота. Ткань была лёгкой и скользила подкладкой по телу. Левую руку всё ещё немного выворачивало назад, но мышцы прогрессировали. По мнению Эльмиры, это возвращалась мышечная память. Зря что ли в своё время я тратила деньги на фитнес-клуб.

Испарина выступала на лбу, тело дрожало, невыносимая тяжесть каждого движения заставляла стискивать зубы. Но в этой борьбе с самой собой я научилась ловить удовлетворение даже от маленькой победы. К приходу отца была готова — мокрая от пота, чертовски уставшая, но безумно довольная.

— Ого! — присвистнул он. — Да ты у меня просто героиня, Василёк!

Папа легко надел мне на ноги «прощайки» — фабричные, еще советских времён, отысканные Михой в тётиных кладовках. Теперь я хорошо ориентировалась в нашем общем прошлом, за исключением последнего месяца перед аварией, и кузен был счастлив.

С привычным уже сопением отец втолкнул коляску в лифт, а затем вывез из него, чуть буксуя на порожках. Теперь оставалась главная преграда — лестница к подъездной двери, состоящая всего-то из шести ступенек. Оставив меня, папа забежал в закуток — так называли причудливое ответвление коридора перед квартирой Михайловых, и вынес табуретку — четвёртую с начала наших активных прогулок. Три остальные были бессовестно украдены неизвестными нам корыстными людьми.

Пересадив меня на круглое сидение, отец спустил коляску вниз, и когда он тяжело поднимался вверх, запищал домофон, и в дверном проеме я увидела прилично одетого человека лет тридцати-тридцати пяти с привлекательным, но каким-то что ли хищным лицом. Незнакомец улыбнулся, приоткрыв ровный ряд зубов с чуть выступающими клыками. Я скользнула по мужчине взглядом и сконцентрировалась на папиных руках, которые должны были перенести меня вниз. Не то, чтобы я ждала от незнакомца помощи, но неприятно резануло равнодушие — он её и не предложил даже.

Устроившись в коляске, удивилась тому, как быстро испарился мужчина. Кому захочется иметь дело с калекой...

Даже и представить себе не могла, что умею так быстро двигаться! Широким вышитым рукавом рубахи я сшибла капли на земляной пол, но тело здорово приложилось о решетку, лицо впечаталось аккуратно между прутьев, и ледяные безжизненные губы коснулись моих, а затем отлетели прочь.

— Ты чего? — искренне удивилась я. — Одичал совсем здесь?

— Ссладкая...

— Начинается! Уймись, пособие по анатомии! Посмотрите-ка: кожа да кости, а все туда же! — я поглаживала ноющие от удара щёки. — Держись от меня подальше, хотя куда уж...

Происходило что-то странное: теперь вместо иссохшего лица Кощея я видела лик Волче. Протираание глаз мало помогло. Я моргала и трясла головой, картинка рябила, пропадала, чтобы снова начать обманывать моё неверное зрение.

— Да что за чёрт?! — Волче, обнаженный и такой желанный, висел на цепях за решеткой и улыбался так, что подкашивались ноги.

— Горюха моя, сладка ягодинка, иссушила ты меня, в груди печёт, дай водицы испить — огонь унять!

— Марья совсем берега попутала! Тебя-то за что?

— За милушку свою вступился... Водицы бы...

Выскажу я Моревне всё, то думаю об её стиле общения, сбрендила совсем баба. Резной деревянный коврик потяжелел от воды. Теперь не расплескать бы...

— Пап, а тебе не кажется, что вот тот мужчина за нами наблюдает? — не шла из памяти улыбка, показавшаяся знакомой. — Или у меня опять голова глючит?

— Гуляет человек, погода отличная, аллея тут одна, где ему ходить-то? Был бы знакомым, поздоровался бы, как считаешь? Ты просто пытаешься в каждом встречном обнаружить старого приятеля, Василёк.

— Не знаю... Странное ощущение, что я его уже видела, меня не покидает. Впрочем, ты прав, наверное. Давай за мороженым, а?

— А как же контроль веса? Что Эльмире говорить буду, она ведь строгая?

— Нравится тебе, да?

— Мороженое?

— Гречка, папа, гречка! — хорошо, что советский кинематограф выручал меня в самые непростые моменты. Я видела нарождающуюся симпатию, даже пыталась смотреть на отца глазами молодой женщины и поняла, что он до сих пор способен волновать — стройный, с интригующей сединой, подтянутый, с хорошо развитой мускулатурой, которую из-за меня вынужден подкачивать почти ежедневно.

— Что за горькие вздохи, Жека?

— Мне пломбир. На сливках. И тебе бы тренч пошел, такой, знаешь, бежевый с пуговицами. Ты у меня красивый, пап!

— Не подлизывайся. Никакого пломбира, только сливочное!

Оставив меня у скамейки с чугунными ажурными боками, отец отошёл к киоску и встал в небольшую очередь.

— Привет! — и снова та же хищная улыбка.

— Здравствуйте. Мы знакомы? Почему вы нас преследуете?

— Преследую? — мужчина сел на скамейку так, словно и не разговаривал со мной.

Со стороны могло показаться, что мужчина просто отдыхает, а я сама по себе.

— Слышал, тебе деньги на операцию нужны. Сколько сейчас артроскопия стоит? Сто двадцать? Сто пятьдесят? Двести?

— Вы о чём? — левое колесо снова заело, и я не могла развернуть коляску, чтобы взглянуть в лицо собеседника.

— О деньгах, Женечка, о деньгах. Ты сейчас их легко можешь заработать и стать... ну... почти здоровой.

— Что значит заработать?

— Отказаться от претензий, милая. Небольшая оплошность на дороге, твоё неумелое вождение повлекло за собой аварийную ситуацию... А место ДТП я оставил в состоянии шока. У меня и справка есть. — говорящий коротко и язвительно хохотнул. — От доктора.

Мужчина встал и, чуть нагнувшись, сунул мне в ладонь клочок бумаги:

— Позвони. Буду ждать.

За спиной раздался разъярённый крик, заставивший с шумом взлететь стайку голубей, собравшуюся у моих ног. Мишка орал так, как будто кто-то воровал его машину. Незнакомец сорвался с места и побежал, а за ним нёсся двоюродный брат.

Отец удивлённо посмотрел им вслед и повёл плечом.

— Жень, а что происходит? Вот, твой пломбир. Пожалел я тебя. Это вообще кто?

— Пап, я немного не поняла...

— Милый мой! Да как она посмела тебя голым в такую сырость. Сейчас, мой хороший, сейчас! — Я держала ковшик над ладошкой, осторожно ступая в темноте. Странно: факел погас, ноги свои не вижу, а Волче — вон он, как под фонарём.

Еще шаг.

— Краса моя ненаглядная, уж как сладим с тобой, единым домом заживём, ребятишек заведём!

Что-то кольнуло в самое сердце. Ребятишек? Домом? Волче не унимался:

— Уж как я тебе, любушку, тешить буду! Как в первый раз, когда свечи из воску ярого тело твоё белое мне явили.

— Стоять! — приказала я сама себе. — Свечи, говоришь? Из воску ярого? Да ты знаешь, набор суповой, сколько я за солярий денег отвалила. Тело белое!? Дуру нашел. Водички тебе? Щас!

Я успела повернуть обратно и вылить воду, когда внезапный свет ожёг глаза.

— Выходи, насиделась ужо! — лицо Марьи трудно было рассмотреть, но тон был явно дружелюбным. — А ты, Кощеюшко, один повисишь, неча девку блазнить!

Отец изменился в лице. Миха, взмокший и запыхавшийся, что-то ему говорил, а сам криво мне улыбался. Я философски ела мороженое. Пломбир. На сливках. Характер менялся что ли? Торопиться не имело смысла, утолить любопытство еще успею. Всё равно эти двое сейчас ничего правдивого не расскажут.

— Скорая ты на расправу, Марья Моревна. Знаешь ведь, что не я воровала.

— Ведаю, ведаю, кто похитник.

— Тогда зачем в подземелье сунула?

— А не твой нынче спрос, девонька. Ступай, банька топлена, застынет тебя дожидаячи.

— Значит, проверку я прошла, да? Вам с Кошеем прямо рекрутинговое агентство открывать можно. Рога и копыта. Нет! Коса и кости, блин!!

— Сквернословишь зря. Меня поносишь по косогорам да заулочкам. Ступай в баню, после смолвимся.

Баня — это, конечно, чудесно. Мягкий пар проникал под кожу, размягчал кости и мышцы. Отвар из листьев березы — женского дерева, как учила Марья, исходил ароматом из небольшой бадейки, куда для густоты запаха был всунут запасённый ещё с лета подсушенный веник. Я зачерпнула настой небольшим деревянным ковшом и плеснула на камни, которыми была обложена печка.

Потом просто легла на полоч. Вытянулась, задышала неглубоко и часто, не давая горячему пару обжечь лёгкие. Въевшаяся вонь подzemелья выходила из пор, очищалась кожа, прояснялась голова.

— Спи́ну подставля́й! — отрывисто приказал хмурый Волче и застыл надо мною отряхивая веник. — Что́ очи вы́лупила? Меня́ Марья́ прислала.

Пикантная ситуация лишила дара речи и, мысленно призывая на голову Моревны самые страшные кары, я перевернулась на живот. Больше, конечно, от стыда, чем из послушания. Интересно, бить будет больно или для проформы? Вот когда прилетела "ответочка" за мои речи.

— Ну, и кто первый начнёт свой искренний рассказ? — я с хрустом откусила кусок яблока, который сразу и прожевать-то не сумела, так и застыла, едва ворочая челюстями. Этот фрукт никогда особо не любила, но теперь началась, как говорил отец, яблочная мания. Я уже перепробовала все сорта, продающиеся в магазинах, и теперь ждала, когда дачники начнут продавать первый урожай. Эльмира считала, что организм восполняет недостаток клетчатки и микроэлементов.

Мы сидели за столом, и Миха за минуту до моего вопроса слишком воодушевлённо нахваливал подгорелую картошку, на скорую руку приготовленную отцом.

— О чём? — натурально удивился кузен, в изумлении заломивший красивые васильевские брови.

— Миш... — кашлянул отец.

— Да не могу я, дядь Коль! — брат вскочил со стула и закружил по кухне. — Меня от злости разорвёт сейчас к едрёной фене! — и склонился ко мне: — Вот что, что он тебе говорил?

— Кто? — протолкнув кое-как разжёванную мякоть в горло, хрипло спросила я.

— Конь в... — Миха осекся, прикрыл глаза и сел на место. — Мстислав. Он подходил к тебе сегодня.

— Говорил что-то про ошибку в вождении, справку от доктора и шоковое состояние. Он покинул место ДТП в шоковом состоянии. Вот!

— Неужели ты не вспомнила? — продолжал горячиться брат. — Ну хоть немного?

Отец не перебивал племянника, так же выжидательно наблюдая за моей реакцией.

— Нет... Клыки у него странные. Как у волка.

Мишка снова подскочил и выбежал из кухни, а потом и из квартиры.

— Не обижайся на него, Жека! — папа гладил мою руку. — Он себя винит во всём. Был такой спокойный, уверенный парень, спортсмен, а вот поди ж ты!

— Я правда не помню ничего.

— Знаю, милая, знаю. Ты поэтому Егора отваживаешь?

— Смотрит он на меня, как... как будто я должна ему денег. Много денег. А у меня и

копеечки нет. Показываю ему пустые карманы, а он не верит. В глазах вижу — не верит!

— М-да. — отец хотел что-то добавить, но тут снова хлопнула входная дверь, и запыхавшийся Миха схватил мою ладонь и вложил в неё металлический тяжелый предмет.

Я разжала пальцы, чтобы рассмотреть вещицу, и комната закрутилась вокруг меня, ускоряясь и превращаясь в пёстрое грохочущее колесо.

— Отчего не сказала, что Малуша меня на ноги ставила, живой водой отпаивала? — Волче водил распаренным веником по моему телу, чуть встряхивая его время от времени. — Пошто сама повинилась?

Если он не уйдёт сейчас отсюда, дело кончится плохо. Я сжала пальцы в кулаки.

— Меня и не спрашивал никто, сграбастала, как котёнка, и швырнула.

— Одна томилась? — веник задержался на копчике.

Вот зачем он спрашивает об этом? Тоже Кощей понадобился?

— Что тебе с того, одна ли я была? Наши тропочки разбежались, вроде бы?

Хлёткий удар по попе был лишь прелюдией ответа. Волче низко склонился, и на мою лопатку сорвалась капля пота:

— И то! На три прыска лошадиных не подошел бы, коли б не Марья!

— Вот и не подходи! На три прыска! Больно надо! Сама попарюсь, а-ну, дай веник!

Не стоило этого делать. Ох, не стоило...

Нестерпимый жар спаивал нас, спекал, срашивал. Не было сил сопротивляться. Ах, Марья!

Мы пришли в себя лишь на полу в предбаннике, куда сквозь приоткрытую дверь залетал холодный ветер, шевелящий солому, укрывающую пол.

— Холодно, дверь бы прикрыл.

— А я и прикрыл. Просквозило, должно.

Волче глубоко дышал, моя голова поднималась и опускалась вместе с его грудью.

— Замерзаю я, пошли греться.

Охотник обнял и засмеялся в темечко:

— Мало парил?

— Мало...

Когда через полчаса Волче со смехом выволок меня распаренную на улицу и облил ледяной водой из кадки, а я заметила среди голых веток ракитника, растущего у берега, мужчину, подглядывающего за нами. Иван смотрел мне прямо в глаза.

— Женя, ты чего?

— Дочка, может, водички?

Серебряная волчья лапа оттягивала ладонь, но всё пережитое, вернувшееся разом, тяготило куда сильнее.

— Это Славик был... Миш, а заключение о телесных повреждениях после нападения где?

— Какое заключение? — всполошился отец. — У нас же бумаги все дома. Какое нападение, Василёк?

— Я сказала нападение? Голова, видимо, еще не в порядке, забудь, пап! Полежать хочу.

Голова разрывалась от мыслей. Луша, горячий кофе, газовый ключ, пустынная трасса, Егор, спящий на животе, ботинок, застрявший в двери, яблоко. Злѐное надкусанное яблоко в моих руках. Откуда?

Михай и отец, посчитавшие, что я уснула, долго шептались в коридоре. Страх противно скрёбся в душу. Значит, Славик нашѐл меня и надеется уйти от ответственности. Но ведь прошло так много времени, неужели полиция его не прижучила? Как же так? Как же так?

— Только не спрашивай меня больше ни о чем, — я заплетала пальцы во влажные русые кудри. — Не проси.

— Не стану, горюха. Согрелась?

— Ага. Значит, говоришь, Марья послала. И часто она тебя к девушкам посылает? — я оттолкнулась от влажного мужского тела. — Смотри мне!

— Ведает она, по ком сохну, вот и подсобила. Сладила.

— Знаешь, странная она. Ну, я вот думаю, что она одна, а она совсем другая. А потом снова другая, и так постоянно. Понимаешь?

Синие глаза смешливо сощурились.

— Она мальчика на ноги подняла, что в избе у Лешака помирал. И мужика того, что порубили, и бабу твою. Всю ночь ведовала, а по утру все по домам разошлись. Много в ней добра и силы, да не все видят, не всем она по мерке. — Волче нахмурился вдруг. — Малой была защипанным утѐнчиком, попреки сносила да тычки. А как в силу вошла, так вороги в дружки перекинулись. Не верит Марьюшка никому, оттого и ярится.

Я десятый раз пробежала глазами по цифрам на клочке бумаги и все-таки решилась набрать номер.

— Слава, нам нужно поговорить!

Глава 23. Сила, что внутри

Миха не врывал ладонь из моих рук, но и в глаза не смотрел.

— Поклянись!

— Ладно.

— Не ладно, а поклянись, что ничего делать не будешь, только проследишь!

— Ну клянусь.

— Миша!

— У него мать умерла, когда все известно стало. Вот кукушка и сдохла. Он невменяемый, может наворотить страшного.

— В парке при людях не наворотит. Миша, пожалуйста! Я не хочу, чтобы вместо этого уroda в тюрьму попал ты.

— Да сказал же уже. Ладно, ладно.

— Егору не проболтался?

— Жень, в тебе следователь пропадает, вот честно!

— Я же переживаю за тебя.

Порывисто обняв меня, Мишка чмокнул в щеку и весело пропел:

— Пора, пора, зовёт труба!

Конечно я волновалась. Как не волноваться, когда у брата чешутся руки наказать обидчика.

В комнату с улыбкой вошла Эльмира и поставила на стул объёмную спортивную сумку.

— Я принесла новый массажёр. Пробовать будем?

— Будем!

— Не зови меня никуда. Вот она я. Рядом. — слова просились наружу, но я упрямо молчала, пусть счастье немного задержится здесь.

Пальцы исследовали впадинку между ключицами, где подушечками можно было услышать биение сердца. Баня давно остыла, и весенний холодный воздух проник за бревенчатые стены. Мы укрылись большим тулупом и прижались спинами к тёплому ещё боку печки.

Нужно было зацепиться за что-то реальное, чтобы не дать себе утонуть в этом мужчине окончательно. Впадинка подходила идеально. Вот он — живой человек рядом. Сильный, горячий, превратившийся в острую необходимость. Но он требовал подчинения, а я подчиняться не хотела. О-х-х-х.

— Пошто вздыхаешь?

— Возвращаться нужно. А то Марья засмеёт. Да и остальные тоже. — глаза Ивана не шли из головы. Чего ему нужно было возле бани?

Волче легонько щелкнул по носу:

— Кто первый рот раззявит, тому и пятОчек влетит.

— ПятОчек?

Пред моим лицом оказалась пятерня, которая сложилась во внушительный кулак.

— Ух ты!

— Только шепни, кто забидит. По коленочки в землю вгону.

— Смотри-ка! — я привстала и повернулась лицом к охотнику. — Да ты никак хвастун?!

— Чуточек, — обезоруживающе рассмеялся Волче, — с мышкин хвостик. — он широко развёл руки, демонстрируя размер.

Когда он улыбался, от синих глаз к вискам разбегались морщинки-лучики. Казалось, тронь их, потяни, и можно забрать с собой искристое веселье. Я обхватила голову Волче ладонями и притянула к себе.

— Ты необыкновенный какой-то. Редкий. Как цветок папоротника. Отчего ты здесь, за что? Не верю я, что ты Марьин брат. Нет. Не так. Верю. Но... Ай, да ну его! — и я впила губами в уже не смеющийся рот, пытаюсь выпить из него живительной силы.

Сильные руки приподняли меня в воздух и, прежде чем утолить нарастающее желание, Волче шепнул:

— А и не верь...

Неистово пытались мы войти друг в друга, но сказанное мешало полностью отключиться. Охотник гнался за мною, вскипая кровью, и наполняя своим жаром. Я уже не ощущала собственного тела, но синие глаза,двигающиеся так низко напротив, слишком внимательные, удерживали от окончательного падения в пропасть наслаждения. Они выслеживали, загоняли в угол, пытались вытащить из меня то, чего не осознавала, допытывались. О чём он думает сейчас, в миг полного соединения? Почему так смотрит? Словно прочтя мысли, Волче развернул спиной к себе и заставил-таки забыть обо всём, заставил громко стонать и искать хоть какую-то опору, пока сносили и опрокидывали меня горячие волны. Но оправилась я быстро.

— Что ты сделал в той, другой жизни? — большие ладони, сжимающие мои груди, уже не возбуждали.

Влажный лоб уткнулся между лопаток. Волче тяжело дышал. — Как ты здесь оказался? Тебе тоже нужен Кощей, да? — я попыталась развернуться лицом или вырваться, но охотник не позволял. — Вернуться хочешь? Как и все остальные? — вопросы звучали обидно, но невозможно было не задать их.

Внутри нарождалось какое-то очень важно озарение. Нужно было лишь пробить скорлупу молчания и тайн.

— Уверена? — отец сейчас бы похож на мальчика, которому мама разрешила в первый раз остаться с ночёвкой у друга. — Сама справишься? Не боишься?

— Да нет же! Идите уже. Вдруг Эльмира испугается. — теперь мне окончательно было всё ясно, и щемящее чувство радости за отца переполняло до краёв. Но сейчас не время, не время!

Демонстративно уткнувшись в книжку, я исподлобья наблюдала, как эти двое шли к каруселям очень-очень близко, почти касаясь руками, но пока не решаясь. Вот отец и Эльмира затерялись в толпе, а я огляделась. Славик сидел на соседней скамейке и напряжённо следил за моими движениями. Пришлось кивнуть, чтобы он пересел ко мне.

— Подумала?

— Подумала.

— И какова цена?

— Полмиллиона.

Мстислав усмехнулся.

— Что, много?

— Наоборот, по-нищебродски мечтаешь.

— Ладно. Полтора миллиона.

— Вот это я называю аппетитом, приходящим во время еды. Не боишься, что кину?

— Еще раз? Тебе не привыкать! — выпалила я и прикусила язык. Мишка же просил не провоцировать.

— Выглядишь плохо. Хочешь, путёвочку тебе организую в приличный санаторий? Помимо денег, разумеется. Хотя, знаешь, — он нагнулся пониже, чтобы увидеть реакцию, — никогда не спал с инвалидами. Может махнуть с тобой. А что: природа, процедуры, отдельный номерок. И ты мне тоже кое-что должна, помнишь? Так назойливо себя предлагала, что пора, пожалуй, и взять. Мордочка-то у тебя вполне ничего, да и титьки на месте.

— Слав, так жаль твою маму. — мне не стыдно было противопоставить жестокость жестокости, даже захотелось ударить побольнее, дойти до кишок, подцепить и вытянуть наружу. — Как она, должно быть, страдала перед смертью. Сын-убийца, насильник и негодяй. Мечта любой матери.

— С-с-ука, — холодная ладонь вцепилась мне в горло, — придушу!

— Убери руку, урод. — удивительно спокойно ответила я. — Здесь на каждом дереве камеры с он-лайн трансляцией и хранением данных на трёх серверах. Твоих ресурсов не хватит.

— Думаешь, умная такая да? — Славик придвинулся почти вплотную. — Пожалеешь, что не сдохла. А пока жди бумаги на подпись, овца хромая.

Сердце громко колотилось в ушах, пока я наблюдала, как он уходил прочь. Вот следом за ним покатился парень на скейте, то обгоняя Славика, то чуть отставая. Теперь я точно знала, что могу убить человека. В порыве, в горячке, но убить.

— И не говори мне больше ничего про кликушество и учение!

Марья пожала плечами и села за стол.

— И мужу своему скажи, что подглядывать нехорошо! Гадко! И объясни мне, с чего ты сводничаешь? Вроде как ругалась давече, что чистоту не блюду. — и тут накрыло первое озарение. — Кощей! Ты слышала, о чем он говорил мне, да? Слышала! Чёрт! Сара Коннор! Дитя-спаситель! Тебе ребенок мой нужен что ли?

— По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре. Слышала?

— Марья!

Моревна тяжело, по-старушечьи поднялась с места:

— Охлонись. Вечеру жду тебя. Яблочко-то, — она улыбнулась, и мне показалось, что во рту ее не два жемчужных ряда, а гнилые чёрные пеньки, — мочёное дала тебе. Вот и думай, краса-девица. Не живое яблочко-то было. Пустое...

— То есть как? Как мочёное? Кощей же говорил, мол, с лукоморной земли? Растёт, мол!

— Так и растёт. Вона, целая бочка мочёных-то.

Марья немного покачалась на месте, рассчитывая следующий шаг.

— Вечеру приходи. — и дёрнулась вперёд, шагнув сначала несмело, а потом гораздо увереннее.

Так. Нужно взять себя в руки и успокоиться. Получается, что яблоко спасительной жизненной силой наполнила я. Что ночь с Кощеем была проверкой и попыткой влезть в мои мысли. Что Волче — не Волче, а Марья... А кто же такая Марья?

Тихонько затворяя за собой дверь, вошел дядька Лешак. Выглядел он странно: сквозь кожу проступал древесный рисунок, кончики пальцев потрескались и позеленели.

— Теперича пусто, — старик обвёл рукой горницу, — на хозяйстве оставайся, голубица. Золу вычищай, углы выметай, тенёту веником обмахивай. Припасов заготовлено — не оголодаешь.

— Дядька?

— Пора мне в вотчину свою, девица. Соки во мне бродят, лес побуживать срок пришёл, лешему самое место в чаще. — Лешак повернулся, но, вспомнив позабытое, обернулся:

— Сохатым приду, а волков не боись, не тронут.

Ответом ему из леса донеслось волчье завывание.

— А Мстиславоы?

— И Мстиславоы не тронут. Не до того ему, с горя корячится, пропадает оборотень, как есть пропадает, эх... — старик махнул рукой и вышел.

Неожиданное обретение жилплощади породило много вопросов, и я рванула за Лешаком на улицу, но не сумела втиснуть свои земные слова в картину удивительного мира, представшую перед глазами.

Медленно и с трудом отрывая ноги от земли, старик прорастал тонкими веточками, и если зимой это его превращение в могучее дерево вызывало оторопь ужаса, то сейчас я чуть не расплакалась от теснивших грудь чувств.

Не Лешак — сама Природа шагала вглубь леса, собирая вокруг мелких птах, свивающихся в вихри свежие ветерки и даже солнце, казалось, тянулось к лешему своими лучами.

— Прощай, дядька Лешак...

— Жень, как тебе, а? — отец смущённо поправлял воротник у футболки-поло. — Не слишком я, как это, моложусь что ли?

Воздуха стало категорически мало. Передо мной стоял подтянутый, симпатичный мужчина средних лет из той породы, что с годами делает человека вкуснее, харизматичнее, глубже.

— Папка, ты классно выглядишь! Смотри, на других девушек не зыркай, а то в Эльмире восточная кровь, а она, знаешь ли, не водица!

— Лишь бы над отцом посмеяться! — притворно надулся родитель, и засунул руки в карманы джинсов. — Никакой жалости!

— Ну папа-а-а!

— Ладно, ладно. Пойду. Справишься сама? Точно? Сразу звони, слышишь!

— Да, иди, в кино опоздаете!

Мне нравилось сидеть одной дома. У нескольких человек были ключи от нашей квартиры, и без помощи в случае чего я не останусь. Звонок был ожидаем, но всё равно заставил вздрогнуть.

— Женька, мы его вычислили!

— Ну!?

— На Вяземского хату снимает, гад. Мьшится. Нужно будет подумать, как его

прищучить.

— Только без драк, да?

— Ну как... куда без них? Никуда!

— Миша, ты обещал!

— Полковника помнишь? В смысле, полковник — двоюродный дядька Славкин. Не важно... — Мишка мялся, и знал, что я это чувствую, оттого нервничал ещё больше. — Отбой пока. Как придумаем, что делать, я тебя наберу.

— О чём ты мне врёшь, Миха?

— С чего ты взяла! — точно врал, но признаваться не будет. — Все прозрачно, как слеза младенца! Всё! Я побежал, до связи!

Привычно обняв эспандер ладонью, я задумалась над поведением Мишки, но прийти к какому-то выводу не успела — щелкнул замок и голос Егора звучно произнёс:

— Вечер добрый!

На уровне подкорки сразу же отозвалось — гость знает о Славике всё. Эх, Миха!

— Добрый?

— Конечно! — от Егора веяло такой притягательной силой, что я закусил губу.

Единственный поцелуй, наполовину вырвавший меня из мрака, вспоминался всё чаще, однако оборону я держала достаточно долго, чтобы убедить харизматичного автомеханика в своём полном равнодушии. Не хватало ещё жалости от красивого мужика!

— Николай позвонил, попросил проверить, раз уж я в городе.

— А... Чего приехал?

Странно, что он вдруг спрятал глаза, тоже врать будет?

— На авторынок. Кое-какие детали нужны.

— Детали, значит.

— Ну.

— Какие?

— Свечи бошевские, пара фильтров, граната на ВАЗ.

— У тебя что, свечей нет? — спасибо тебе одноклассник Ромка, ты показал мне, что это вообще такое — автомобильные свечи! — Странно, странно... А чего это вдруг мне няньку на два часа прислали? Фильм не долгий вроде бы?

— Эм-м-м. Они в ресторан потом решили.

— О?

— Как-то так, да, — сочно крякнул выключатель в ванной и зажурчала вода. — Чай попьём? Я пирожные купил.

— Какие?

— Картошка.

— Хм..., попьём!

Глава 24. Подземелье потерянных

Мне нравилась эта небольшая, но уютная светёлка, и если бы не Иван и его зятья, осталась бы у Марьи, но теперь был повод уйти. Вещей — узелок, мыслей — воз.

По коридорам терема бродил аппетитный запах пирогов, и я решила перед разговором с Моревной подкрепиться. Спускалась по лестнице, когда услышала угрожающий шёпот:

— Вон выйди, оставь её! — Золик крепко держал Марью за горло и всем телом прижимал к бревенчатой стене. — Пришибу.

Моревна вопреки логике улыбалась:

— Не зашибёшь! Жалишься, воронок? — белые руки рванули вышитую рубаху на мужской груди и коснулись смуглой кожи.

Золик вздрогнул.

— Али не знаю, пошто киснешь, пошто ночей не спишь? Али не ведаю, — тут Марья принялась развязывать узел на кушаке собеседника, — какого утешения пытаешь?

Нехорошо было смотреть, но я не могла оторваться от лица Золика. Недоумевала. Вот же, желанная женщина практически предлагает себя, а он хмурится и даже, кажется, страдает? Невольник чести что ли?

Ворон тяжело дышал, и я видела, что он уже возбужден и готов сию минуту кинуться на красавицу, умело шарящую по его телу руками.

— Иван... — у Золика перехватило дыхание — ведунья коснулась запретного.

— Почивает княжич, умаялся в трудах супружеских, хмель голову тяжелит. — ведунья дирижировала, подталкивая ворона к краю, за которым бушует безмозглая страсть.

Мужской долгий стон выражал не наслаждение, а боль, и я была уверена, что сейчас Марья в буквальном смысле готовится изнасиловать Золика. Но восточный принц справился самостоятельно. Оторвался, глубоко задышал, отвернулся от женщины, бесстыдно задирающей сарафан выше пояса, кое-как справился со штанами и глухо произнёс:

— Грязная ты, сколько молодцев высосала, отродье донное. Иди вон, не то попомни — порежу горло и ей, и себе! Не пачкай лапами своими!

Марья не унималась, ее магнитом тянуло к смуглому красавцу. Стекала по нему плотью, тёрлась и постанывала. Золик размахнулся и отвесил Моревне звонкую пощёчину. Я ойкнула от неожиданности, и странная парочка уставилась на меня.

— Мимо иду, а вы тут, кхм, беседуете вот! — улыбнувшись, я дошла до конца лестницы. — Пирогам пахнет, пойду угощусь!

— М-м-м! Вкусно! — я прикрыла глаза от наслаждения. — А ты сколько купил?

— Три.

— Тогда два мне, да?

— А как же вес?

— Плевать, коляска выдержит! — глаза напротив наполнились недоумением. — Ну, можно же один раз нарушить диету? Один разик? Разочек? — пирожное по частям падало в желудок.

— Ты обязательно встанешь на ноги. — Егор отодвинул от себя блюдце с двумя коричневыми "картошками". — Ходить будешь и танцевать. Я тебе обещаю.

— Правда? Вот спасибо, что сказал!

— Я люблю тебя, Жень. Очень. Не могу простить, что тогда из-за Лушки... Не могу... — Егор опустил голову. — Дурак.

Облизнувшись и глотнув чаю, набрала воздуха в лёгкие:

— Не переживай, кто старое помянет, тому глаз вон. Перегорело у меня всё, представляешь? Нет, ты, безусловно, очень приятный молодой человек, положительный со всех сторон, но не вызываешь никаких желаний, кроме вот. — я потянулась за пирожным и почти целиком засунула его в рот. Жевание избавляло от необходимости говорить. И решать. И даже любить.

— Ты боишься, это понятно. Боишься, что реабилитация будет долгой, что пройдёт время. Но я готов быть рядом, готов! И если споткнёшься, делая первые шаги, я поймаю.

Все было прожёвано, эрл грей прочистил горло.

— А если я не сделаю первые шаги? Вообще? Категорически? Буду сидеть до конца жизни вот на этом троне и просить тебя пересадить мою задницу на унитаз. Каждый день. В какой момент рыцарю надоест?

— Я...

— Да пошёл ты! Уходи! Выйдешь на Мира, там ночные бабочки роятся — выбирай любую! А я ни летать, ни ходить не могу! Понял?

— Нет.

— Что нет? Не понял? Понятнее объяснить?

— Не уйду! Иди ко мне..., давай же.

Я плакала, а он утешал, поглаживая по спине. Потом Егор сидел в темном зале, устроив меня на коленях, и мы целовались совсем по-детски, пока его руки не стали смелее, и моя футболка не полетел на пол, и его, а потом и вовсе зарыдал старый диван, обиженный бесцеремонностью двух ошалевших от желания людей.

— Скоро папка придёт.

— Не скоро.

— В смысле?

— Жень, ты же взрослая женщина. — и резко сменил тему. — Нигде не болит? Я не раздавил тебя?

— Дай подумать...

Сидящий на коленках перед диваном Егор приподнялся в тревоге.

— Кажется, всё целое.

— Неправильно, наверное, вот так...

— Вот ты дурак, ну вот честно! Знаешь, как это классно, когда живая. Живая! И горячая внутри. Чувствую почти каждое твое касание, иногда нет, но это не важно совсем. Встану, Егор. Я обязательно встану на ноги, потому что желание быть с тобой счастливой меня переполняет!

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Выйду.

— Хочешь в ванну?

— Хочу.

Я улыбнулась стряпухе, что щедро отрезала мне кусок мясного пирога. Видения не спрашивали, они нагло заявляли о себе. Села на скамью и отвернулась к стене. По ровному

зеленому полю экрана бежал Иван в кольчуге и богатырском шлеме. Бежал ко мне. Убивать. Свой приговор я видела в красивых глазах княжича. Откуда-то сзади закричал Мстислав. Это что же: вдвоем на одну?

Картинка сменилась.

То же поле, тот же день. Над мёртвым телом стоит Золик. На месте одного глаза — кровавая дыра, истекающая жидкостью. Ворон шатается, и слабеющие пальцы выпускают меч, вонзающийся в траву. Восточный принц падает на колени и садится на пятки. На Востоке так молятся, кажется.

Картинка снова ползёт вбок.

Огромный, просто великанских размеров чёрный с синим проблеском по шкуре конь грузно разворачивается и вышагивает прямо на меня. Одна половина его морды — белый, высушенный солнцем череп. Страшные зубы словно застыли в усмешке. Сверху ко мне тянется ладонь в кожаной перчатке с агатовыми бляшками.

— Вот и узвар поспел. Попьёшь? — вопрошает не замечающая ничего стряпуха.

— Попью, бабушка. Попью.

В кухню входит живой, но очень злой Золик. И это уже не видение.

— Не сказывай никому.

— Да уж понятно. А что между вами происходит-то?

— Промеж меня и... — ворон замолкает и откусывает большой кусок от моего пирога.

В дверях застывает Иван. Заспанный, но переполненный подозрениями.

— Духмяные пироги нынче. Мочи терпеть нет. — княжич отламывает с краю и, откусив, жует с видимым удовольствием. — Чего взмыленный, Воронович, али с бабы слез?

Стряпуха ахает, прикрывает рот передником и бочком выходит из кухни.

— Не тебя ли, гостыюшка дорогая, тешил зятёк любимый мой?

И тут меня прорывает — злая я, когда нормально не дают поесть:

— Не тебе выговаривать, княжич. Не ты ли меня по углам обжимаешь? Подглядываешь? Неужто я краше Марьи твоей?

Лицо Ивана меняется, он утирает рот рукавом и делает шаг вперёд.

— Не краше. Да кто ж тебя знает, кликушу пришлую. Морока наведёшь, потом утром отплёвывайся. — Иван в сердцах швыряет недоеденный пирог на пол. Из-под лавки выбегает кошка и быстро утягивает нежданно свалившееся лакомство в сторону.

Золик поднимает голову:

— Не то и тебе приглянулось? По какой приметочке узнал?

Иван вскидывает бровь, думает, отвечает:

— Срамно говорить, но приметочка верная. Отродясь небывалое.

— Душнит?

— Душнит. Стало, и ты заметил.

Оба поворачиваются ко мне, не сговариваясь:

— Выручай, кликуша!

Занавес.

Мы съели весь пирог, пока обсуждали ситуацию. Иван краснел, отдувался, но выдал правду. Я наблюдала за Золиком, пытающимся не показать затаённую боль взглядом. Шутка ли, слушать мужа, описывающего, каким образом его жена выражает удовольствие в

постели.

— И покинуть не могу, и пересилить не можется. Не она это! Вдругорядь гляну — головой повела, косу перебирает — моя лебёдушка.

— Я уж думала, что одна странное вижу. Ну, раз нас уже трое, значит, пора думать, как Марью выручать.

Печальные глаза Золика остановились на моих руках, теребивших деревянную фигурку.

— Чего пытаться-то?

— Где держит, изведай, — задумчиво предложил Иван, — глядь, и отыщется.

— А если..., — я не смела задать вопрос, на который мужчины уже хором давали ответ:

— Нет!

— Жива, Марьюшка моя. — Иван, настаивая на своём, аккуратно опустил ладонь на стол.

— Ну, жива так жива, — прошептала я и сжала фигуру ворона в ладонях. Зашумело в ушах, и огромный экран вырос перед мысленным взором.

Простоволосая, сидела Марья в углу на куче соломы. Глаза ее в полумраке казались бесцветными, будто вынудили ее отдать не только личность, но и прекрасную синеву радужки. У коленей свернулся клубочком Колючкин, своим мягким свечением отталкивающий тьму. Моревна легонечко раскачивалась из стороны в сторону, укачивая ладонь, что держала прижатой к груди. Откуда-то сбоку, немислимо раздвигая старые замшелые брёвна, стали пробиваться побеги неизвестного растения, они тянулись ко рту молодой женщины и, приблизившись, по очереди просовывали между губами острые кончики листьев. Капельки влаги стекали в пересохший рот, и Марья жадно глотала воду. Экран выключился, и я знала, кого пора хватать за грудки. Если получится.

Две пары глаз пытались высмотреть во мне ответ на важный вопрос.

— Жива, в темнице сидит, а где та темница, не ведаю. Да не печальтесь, с силами соберусь, ещё раз посмотрю.

От переизбытка эмоций и пирога в желудке, здорово клонило в сон. Теперь вот есть повод растрясти ленцу.

Меченый понуро плёлся сзади, недоумеая по поводу не слишком скорого моего передвижения по лесу. Он даже успевал немного полежать на пригорках, пока я высматривала среди веток зеленую листву. Если бы волк мог говорить, то наверняка спросил бы, какого лешего мне здесь нужно.

— Такого лешего! Лешака, пёсик, — отвечала я вполголоса на невысказанный вопрос.

Нашла старика почти в самой чаще, когда умаялась перешагивать через поваленные и сгнившие стволы сосен и берёз, трухлявые пеньки и островки рыхлого, покрытого крошкой облетевшей коры снега.

Человек-дерево стоял посреди большой проталины, запуская в землю корни и вытягивая к солнцу ветви. На изрезанном морщинами стволе я с трудом отыскала человеческие черты.

— Дядька! Дядька Лешак! — от моего крика Меченый, неспешно поливавший небольшую ёлочку, вздрогнул.

— Не отвечает, что делать-то? — строго спрашивала я волка со шрамом на морде. — Чего молчишь?

Если бы не положение Марьи, можно было бы не торопясь полюбоваться на лешего. Он и вправду был прекрасен. На толстых нижних ветках подпрыгивали суетливые синицы и важно расправляли затекшие крылья снегири, трясогузки ловили баланс, и еще десятки

мелких птиц сновали вокруг, создавая плотную звуковую завесу из звонкого гомона. Перекричать шум становилось все труднее, крылатые стражи берегли покой своего хозяина. Пришлось пробираться ближе, увертываясь от острых коготков и шелестящих у самого лица крыльев.

Ладони легли по сторонам от едва заметных глаз, удивительное чувство проникало через поры кожи — умиротворение, усыпляющий и замедляющий ток крови покой.

— Дядька, это я, Женя! Нужда у меня в тебе, открой глаза! — слова вылетали сами собой; где они хранились до этого момента, в какой книжке вычитаны? — Нашепчи мне, дяденька, наговори. Намекни хотя бы, я сама найду.

Птицы притихли и с интересом наблюдали за мной, уткнувшись лбом в шершавый ствол. По щеке легонько хлестнула веточка. Законы физики явно были нарушены, значит, старик уже общался со мною.

— Заломить? — спрашивала я Лешака, и птицы разом за кричали. — Понятно!

Гибкая веточка на расстоянии ладони от слова разделялась надвое, как пацанская рогатка, и я выставила её «рукояткой» вперёд. Рогатка не шевелилась, и я додумалась повернуться на 360 градусов, уловив момент, когда веточка «клюнула» воздух.

— Спасибо тебе, дядька Лешак!

Теперь мы шли быстро, Меченый, не спуская глаз с прутика, иногда забегал вперёд, предугадывая направление, а потом и вовсе припустил так, что его прямой, как палка хвост, скрылся из виду.

— Нормально! Тоже мне, бросил беззащитную женщину посреди бурелома. А еще волк!

Грязная и мокрая до клен юбка противно шлёпала по ногам, которые немного заплетались, пот застилал глаза, и я перевязала платок так, чтобы он плотно прилегал ко лбу.

Вскоре вернулся Меченый. Нетерпеливо наклоняя голову и переступая лапами, он звал за собой, возвращался, когда я отставала, торопил. Значит, дело худо. На большой и светлой поляне и веточка, и волк приказали остановиться. Мне пришлось привалиться к бугристому, поросшему чагой стволу берёзы, чтобы отдышаться.

— И? Полянка как полянка, Марья где, я вас спрашиваю, а?

Волк перескочил с места на место, а веточка потянулась носиком в самую середину.

— Ну, окейюшки, давайте посмотрим, что у нас здесь. — я нагнулась и принялась рассматривать лежалый ковёр прошлогодней листвы. — Ничего же нету!

Меченый подскочил и принялся разрывать лапами отдающий прелой гнилью слой. Через несколько секунд мощные когти звякнули о металл.

— Твою мать!

В земле влажно поблёскивало огромное железное кольцо, соединённое, по всей видимости, с горизонтально расположенной дверью в подземелье. Стайка птиц, сопровождавшая меня всю дорогу, повисела над нами какое-то время и полетела прочь. Лешак сделал всё, что мог.

— Я это не подниму! — объясняла я волку свое бездействие. — Нет, ну реально! Мужиков звать будем?

Волк смотрел на меня и шумно дышал, высунув язык.

— Понятно. Ты прав. Лучше поторопиться.

Я все же попыталась поднять внушительный бублик. Он, конечно поддался, но так, больше из вежливости.

Эх, сейчас бы сюда Мишкин джип! Его фаркоп был бы очень кстати! Треск ломаемых гнилых веток, заставил подскочить. На меня надвигался огромный лось, с небольшими, недавно народившимися рогами. Шкура его была изъедена проплешинами, в ней копошились насекомые, да и походка лесного великана была слегка нетвердой. Лось вытянул морду и затряс головой, смешно хлопнув большим ушами.

— Да ты ж моя радость! — кинулась я навстречу животному, совершенно растеряв всякую осторожность и тыча перед собой Лешаковой веточкой. — Идём, идём. Мне как раз грубая мужская сила нужна. Лось послушно, как перекормленная болонка, поплелся за мной, и остановился ровно у кольца.

— Так! — я задрала юбку и сунула в пасть ошеломлённого моими развратными действиями Меченого. — Рви давай. Живее!

Волк приноровился и принялся рывками тянуть подол в свою сторону, почти сбивая меня с ног. Раздался треск и юбка зазияла внушительной дырой. Вскоре у меня в руках была веревка из полосок ткани, связанная грубыми узлами. Голые коленки мерзли, но оно того стоило. Накинув петлю на шею флегматично ждущего лося, я хлопнула его по замшелому боку. Сохатый дернулся с места, почувствовал сопротивление, развернулся поудобнее и потянул. Скидывая комья земли, поднималась вертикально большая квадратная дверь из толстых брёвен. Лось дернул еще раз, и она опрокинулась, открывая вход в подземелье.

— Спасибо! — я снимала петлю с шеи могучего животного. — Дальше сама!

Вниз вела лестница, связанная из ошкуренных тонких бревнышек.

— Если не вернусь, гони за помощью, понял?

Волк послушно лёг, опустив морду на лапы, наблюдая, как осторожно спускаюсь вниз. От невыносимо противного запаха можно было задохнуться, и на секунду пришлось остановиться и уткнуться в рукав, пережидая приступ дурноты.

Стояла я в квадрате света, а кругом чернела непроглядная темень.

— Колючкин, дружок, иди ко мне!

Ёжик прибежал быстро и доверчиво ткнулся ном в ладонь.

— Что же ты весточку не подал, пропажа? Ладно, включайся на полную мощность, фонарик. Будем Марью нашу искать.

Колючкин и вправду засиял интенсивнее и потопал вперёд. Глаза постепенно привыкали к полутьме, и увиденное пугало так, что я в конце концов остановилась.

— Это что же? Тюрьма?

Вокруг меня, сколько хватало глаз, в земле были выкопаны ниши, застланные соломой, и каждая была занята. В поземном каземате томились белоглазые неподвижные люди. Их ничего не держало, кроме воли их тюремщика да тяжёлой двери.

— Веди к Марье, дружок. Скорее!

Я шла за Колючкиным и старалась не смотреть по сторонам. Кто играет людьми словно тряпичными куклами? Кому настолько скучно в своей ипостаси, что он примеряет чужие личины и судьбы? Не заметив неожиданно возникший поворот, чуть не впечаталась лбом в земляную стену, но уже в следующую секунду увидела и бревенчатый угол, и женщину, сидящую в нём.

— Марья! Марья Моревна! Да как докричаться-то до неё? — спросила я ёжика, справедливо полагая, что уж он-то точно знает, как разбудить хозяйку.

Колючкин привстал на задние лапки и куснул Марью за мизинец безвольно опущенной

вниз руки. Белёные глаза повело в мою сторону и богатырка заговорила не своим, грубым, старушечьим голосом:

— Иди к Кощею, дай воды ему. Только он поможет. Сколько отмеришь, столько вины возьмёшь. — и замерла, как выполнившая свой номер механическая кукла.

— Сумасшедший дом, ей богу! То не давай воды, то давай! Определились бы уже сна... чала...

Громкий вой, а следом за ним гулкий грохот прервали мой страстный монолог. Колючкин свернулся калачиком в ногах у Моревны, наплевав на то, что возвращаться мне придётся в темноте. В непроглядной тьме идти навстречу тому, кто только что захлопнул неподъёмную дверь.

Но ёжик не понадобился — из-за того самого угла, в который я чуть не врезалась, протягивал щупальца колеблющийся свет то ли факела, то ли большой свечи. По спине протекала одинокая капля холодного пота. Как там говорится? Любопытство стубило кошку...

— У ко-о-ошки четыре ноги, — затянула я жалостливо, совсем как в любимом папином фильме, — позади у неё длинный хвост. — шаги попадали в ритм незамысловатой песенки. — Но трогать её не моги-и за её малый рост, малый...

— Думаешь, зря мы это сделали?

— Почему? — Эльмира сегодня старалась не смотреть мне в глаза и постоянно краснела. — Никто же тебе не запрещал.

— Ну, не знаю, как-то на извращение похоже.

Маленькая женщина села напротив и распахнула свои умопомрачительно глубокие чёрные очи:

— Первое. Я люблю Колю. Твоего отца. У меня есть квартира, машина и даже дача. Мне не нужна прописка. Была замужем. Развелась. Он замечательный человек, просто не срослось. Второе. Я сегодня ночью занималась с ним любовью. Третье. Заниматься любовью с любимым человеком не стыдно. И это не извращение. Четвертое. Я настаиваю, чтобы вы с Егором пользовались контрацептивами, но продолжали делать то, что вызвало у тебя дикий аппетит и здоровый румянец. Пятое. Мы подберём тебе наколенный ортез, с которым ты сможешь передвигаться до операции, которая, насколько я могу судить, должна пройти уже через месяц.

— Как через месяц? — ошеломлённо спросила я.

— Можно было не сомневаться, что всё остальное ты пропустишь мимо ушей. — напряжённое лицо Эльмиры немного пугало, но я сообразила, что нужно как-то отреагировать на её признание. Откашлялась, не позволяя себе раскиснуть.

— Я рада, что папа встретил тебя, что я встретила тебя, что мы тебя встретили, в общем. Женитесь, короче. И это здорово, что у тебя есть дача.

— Так. — восточная красавица немного расслабилась. — Теперь вторая часть моего меседжа.

— Мы будем пользоваться и я хочу побыть немного извращенкой. Да.

— Вот и славно!

— Эля, — мне не давал покоя всего один страх. — А если ничего не получится с коленом?

— Пришлым духом несёт, ужели гости пожаловали?

Передо мной стояла старая женщина, пол которой, к слову, я смогла определить лишь по одежде. В остальном ее внешность с одинаковой успешностью могла подойти и женщине, и мужчине. Морщинистое лицо со слегка крючковатым носом, седые волосы, аккуратно зачёсанные назад и покрытые платком. Худые, будто лишённые мяса, с обвислой кожей руки, узловатые грубые пальцы, сложенные на клюке.

— Здравствуйте, бабушка! — вежливо, насколько позволял страх, произнесла я.

— И тебе не хворать, девонька.

— Мы же виделись, да?

— А то. По вечерней зорьке ждала тебя, но раз уж упредила срок, то давай перемолвимся.

Запах, шедший от старухи, был мне уже знаком. Так неприятно иногда пахла Марья, когда стояла слишком близко. Золик с Иваном ведь говорили, что душная она.

— Зачем вам все эти люди?

— Сама знаешь.

Догадки мои были верными, Яга, а ведь это точно была она, почти ощутимо ковырялась в моей голове.

— Нравится?

— Нравится! Бабий век короток, а моих годков — тысяча.

— Хорошо ты, бабушка, устроилась. — озарения повалили косяком. — Сначала людей заманиваешь, потом используешь, а потом и до смерти моришь. А как же искупление, как же чистилище? Всё враки, стало быть, да? Избушка на курьих ножках, где ты в баньке паришь — тоже враки? За державу не обидно?

Неожиданно Яга рассмеялась, пристукивая по земляному полу клюкой.

— Ай, да девица, ай, да догада! — смех кончился внезапно, старуха шагнула вперёд. — Соскучилась я было, на Кошю взырилась. Гордоват вишь ли, чванится передо мною.

— И ты поиграть решила. Здорово. Давно этим промышляешь?

— Давно. — бабка подошла совсем близко и приложила заскорузлую ладонь к моему животу. — По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре.

— Что?

Яркая вспышка ослепила и вынесла на поверхность. Я оглядывалась по сторонам, пытаюсь понять, где очутилась. А вслед уже несло запоздалое:

— Потешь меня, старую, повесели. Скучотно здесь.

Глава 25. Чужая душа

— Нет, ты представляешь, какова гадина? — ноги окончательно замёрзли, колени покраснели и покрылись царапинами, и ругалась я больше на всю ситуацию в целом, чем на конкретную сбрендившую личность. Меченый шёл рядом и вскидывал морду, слушал и соглашался. Да и попробовал бы не согласиться!

В таком рокерском виде в терем возвращаться не хотелось. Остатки юбок, ноги, конечно, частично прикрывали, но видок был тот ещё. В избе Лешака спокойнее, и переодеться есть во что. Нужно было подумать, нужно было высыпать все пазлы, и начинать собирать картинку заново. Кому теперь верить, у кого искать помощи?

На повороте волк отстал, сдавая пост мужчине, который рубил дрова прямо перед лешаковой землянкой. Гадкие подозрения заворочались с новой силой. Волче поднял голову, утер рукавом пот и, опершись на рукоять колуна, принялся мрачно осматривать мои оголённые ноги.

— Далеко ли летала, птаха? — спросил он не то, чтобы с осуждением, но как-то совсем не по-доброму.

— Далеко, — я обхватила сильное тело, прижавшись к широкой груди и закрыв глаза, — устала.

Запах... Многострадальные ноги подлетели вверх, Волче занёс меня в избу и усадил на лавку.

— Хорошо, что ты дров наколол. — приходилось прятать глаза от пытливой синевы. — Не замерзну.

— Не замерзнешь, — Волче подставил кадку с водой и отжал в ней кусок полотна, а потом принялся обмывать ранки. — Ох, горюха, не зря хоть юбку-то драла?

— Не зря.

* * *

— Флюорография когда? — спрашивал отец, а сам не спускал глаз с Эли, быстро и совершенно фантастически умело рубящей мясо для мантов.

Невозможно было не улыбнуться, но я сдержалась.

— На четырнадцатое решили перенести, чтобы сразу кровь сдать и всё.

— Я там приготовил... ну, знаешь, анестезиологи ведь тоже люди.

— Пап, этот не возьмёт!

— Возьмёт-не возьмёт — его дело. Ты просто намекни, а там уже как получится.

— Нико, — тихо протянула Эльмира, — твоя дочь сама решит, что и кому говорить и предлагать. Займись лучше тестом, у меня запястье с утра ноет.

— То есть теперь две на одного?

Мы с Элей переглянулись и хором ответили:

— Да!

Манты были божественными, моя будущая мачеха знала толк в восточной кухне, и я даже подозревала, что в этом ее умении и заключалась значительная доля привлекательности. Ну и что. Если отец счастлив, если по утрам по квартире раздается его

негромкое красивое пение, а с антресолей бережно снята гитара и куплены новые струны. Если новая стрижка так идет ему, то пусть будет как есть. Егор с интересом наблюдал за моим лицом и пытался прятать улыбку. Тётя Таня деловито резала пирог с грибами, Мишка, давась едой и прикрывая рот ладонью, рассказывал о том, как Гошка выиграл в каком-то там компьютерном турнире десять тысяч рублей, а младший кузен поправлял, что не десять, а девять, и не в турнире, а на соревнованиях.

Счастье царило за столом, его можно было потрогать и даже съесть, обжигаясь мясным горячим соком. И слёзы были близко-близко, но большая тёплая ладонь накрыла мою:

— Жень, ты чего?

— Ничего, — замотала я головой. — Просто хорошо сидим!

И всё же темная тень витала над нашим столом. Я чувала холодок, наблюдала странные переглядывания между Михой и Егором, но пока не хотела верить, пока нет. Сначала операция.

— Ничь яка мисячна, зоряна, ясная, — пел отец любимую свою песню, которую впервые услышал в кино про войну, и бархатный тембр его голоса будоражил нас, и ночной воздух за открытым окном. Эля, заслушавшись и задумавшись, позволила себе положить подбородок на плечо любимого мужчины, а тётка смахнула слезу.

— А все-таки как так получилось, что операция бесплатная? — неожиданно громко прошептала я, прислонившись к груди Егора, когда отец закончил, и за столом воцарилась пугающая тишина. Подозрения появлялись уже давно, но теперь мне нужны были ответы.

— Миша?

Я не подписала Славкины документы. Большой конверт так и лежал на столе не распечатанным, напрягая нас с Михой и Егором. Неужели без моего ведома дали согласие и получили деньги?

— Пап? Егор?

— Я продал джип.

— Сашке Горькавый у меня давно катер просил. Да я на рыбалку уже и не езжу. Мамку вон только катаю иногда.

— И я, — Гошка сильно и неровно покраснел, — там правда девять семьсот всего.

Отец притянул к себе Эльмиру, впервые вот, так по-хозяйски:

— Ну и мы не лаптем щи хлебаем, откладывал, накопилось. Сложили всё, и получилась приличная сумма. Хватит и на обе операции, и на реабилитацию в хорошем центре.

— Вы охренели что ли? — меня разрывало изнутри.

Тетя вскочила с места, отошла к окну:

— Женя, не надо так!

— А ты?! Джип! Зачем?

— Потому что я мужчина, а ты моя женщина, — Егор обнял и прижал к себе, обведя глазами остальных. — Мужики мы или кто?

* * *

Волче вдруг сел на пол, комкая в руках сочащуюся водой тряпку.

— Что вызнала?

— Всё. — дрожь нарастала, а за нею тянулся неизвестно откуда взявшийся страх. —

Удивительные вещи открылись мне сегодня, дорогой мой. Теперь вот и не знаю, что со всем этим делать.

Глаза напротив слегка сощурились, цеплялись за мои.

— Поведаешь?

— Не знаю, как и сказать. Представляешь, можно, оказывается людьми, как игрушками забавиться. Вытряхнуть душу из человека и своим гадким нутром наполнить. Красота! Никто и не догадается, что Марья — это и не Марья вовсе. Молчишь? Молчишь. Понятно. Значит, знал. — я засунула руку за пазуху и достала деревянного ворона. Сжала. Волче следил за каждым движением. Экран возник не сразу, но увиденное лишило меня присутствия духа и речи. Этого просто не могло случиться. Моревна же говорила, что не всегда сбывается. Не всегда.

— Видала что? — Волче хмурился.

— Скажи, — я опустилась рядом, угодив коленями в лужицу и чуть поморщившись, — любя я тебе?

— Пуще живота.

— Неужели до меня таких не встречал?

— Встречал всяких. — на пол падала стаскиваема с меня одежда, я не сопротивлялась, но и не помогала. — Врать не буду. И краше тебя бывали, и статнее. А вот с тобою, — губы жёстко прошлись по обнажённой груди, — напиться не могу, надышаться...

И как доказательство — дыхание. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох...

— О тебя споткнулся. — рывок был сильным, а обладание резким и грубым, почти животным.

— Зачем я тебе? Время кончается, да? Наследник нужен? — влажный лоб уткнулся мне в ключицу, потерялся, отвлекая от ускоряющихся движений бёдер. — Не на кого царство свое оставлять, да?

Меня развернуло и припечатало спиной о дощатый пол. Я не ждала удовольствия, но оно случилось, сбив настрой и вызывая волны тошноты. Волче дёрнулся в последний раз и больно закусил кожу у основания шеи.

— Не отпущу, — рычал он, крепко удерживая, не давая выскользнуть. — Моя была, моей и вековать будешшшшь!

Раздавленная, напуганная и потерянная лежала я под тяжёлым мужчиной.

— Проси, что хочешь, только сперва, — Волче, наконец, выскользнул из меня и я содрогнулась от ледяной пустоты, — сделай то, что должно.

— А если не сделаю?

Охотник помолчал, погладил по щиколотке.

— Сгинешь и здесь, и там. И дружки твои тоже.

— Ты не посмеешь!

— Поглядим.

— Не посмеешь, я знаю. Ты ведь не такой, да? Не такой...

Совершенное мужское тело развернулось ко мне:

— Я буду таким, каким ты захочешь, горюха. Не для того я по земле рыскал, чтобы отступить от предсказанного. Только дай воды напиться, Женя. Пить очень хочется.

— Марья говорила, что ты людей убиваешь, что смерть сеешь.

— Марья ли?

— Марья, тогда ещё она.

— Вона... — тот, кого я всё ещё называла Волче, скруглил спину и обхватил колени, как мёрзнувший после купания мальчишка на мостках у реки. — Прознала, стало быть. — он помолчал, покачался. — Я своё забираю, мне положенное. У каждого свой срок, горюха. Яговна сторожит ворота в моё царство, кому рано, тех восвояси отпускает, только сперва проверит, много ли вины да крови на человеке. В баньке её заговорённой вода особенная — всё покажет. Балует старуха, иного съесть норовит — в печке испечь. Мол землю топтать ему негоже, грязи округ себя много разбрасывает, пакости всякой. Вот только того огня многие миновали: старуху в устье запихают, заслоном прикроют, думают, погорела бабушка.

— А она? — мне страшно было перебивать, но, отвлекая внимание говорившего, я потихоньку надевала рубаху, отползала к лавке.

— Посидит, посидит, да и выпрыгнет. Дальше сторожит. Гости редко захаживают, так она сама в гости зазывать стала, побродит пособирает горемычных, да всем скопом сюда, на рубеж с моей вотчиной.

— Зоопарк, значит, устраиваете себе. Развлечение.

— А и то сказать, поживи-ка с её, погорюнься на крылечке, не то соскучишься — волком завоешь!

— Зачем ты... так. В чужом теле? Тоже скучно?

Собеседник помолчал, вздохнул.

— Эх, горюха! Верь — не верь, а как увидал в кликушестве тебя, так кровушка посохшая и выиграла. Названная ты мне, испокон веку жду, не чаял уже.

— Девица жданная... — мне становилось всё хуже. — Мстислав тоже?

— Догада.

— Это нечестно, знаешь? Это не по-людски.

— А я и не человек вовсе.

Перед глазами снова возникло сырое подземелье и мгновенный поцелуй, отвращение вызвало волну мурашек.

— Воды тебе не дам и жить с тобой не буду! Уходи прочь!

Волче поднялся и не спеша оделся. Только теперь я начинала замечать разницу в движениях, в повороте головы, в походке и даже в осанке. Запах...

— Напой меня, красна девица, вовеки твоим останусь.

— Куда? — Иван надменно поднял бровь.

— Вот сюда! — я ткнула пальцем в его солнечное сплетение. И велит оттуда, что делать и что говорить.

— Еха! — княжич ухватил себя за короткую бородку. — Не знали беды, не едали лебеды. Вызволить сумеем ли?

— Не знаю. Но народу там много.

— Пришлые должно.

— Может быть.

— А ты, — Иван был растерян и зол. — Зятёк докучливый, слово молвишь ли? Другие по домам разлетелись, под бок к жёнам, а ты возле топчешься. С чего бы?

Но Золик продолжал молчать.

— Ягу не убить, нужно что-то другое придумать. Ловушку, обманку. Не знаю... Хитрость.

— Головушку срубить — и вся недолга.

— Кому головушку?

— Марье.

— Ты что! Она же их как... как... как одежду надевает. Если голову отрубишь, то и Марья погибнет!

— Так тому и быть! Девочек кругом — косою коси. А вдовцу и жалости отмерят. И ласки.

— И княжество в придачу, да? Ну ты и гад, Ванечка!

Но недобрый молодец уже удалялся в свои покои обдумывать убийство жены.

— Не бывать тому, — прошипел рядом Золик.

— Марья тебя за мужа не простит, — я положила руку на плечо Ворона Вороновича. — Его не тронь, нужно саму Моревну выручать. Ты сову ее не видел? Серебряную?

Золик поколебался пару секунд и достал из-за пазухи кончик крыла с несколькими оставшимися перьями.

— Яга? Вот тварь!

— Ягоду искать надобно.

— Какую ягоду?

— Волчью. На ней Яга заговоры творит.

— Ты откуда... Чёрт! Трасса, фура, полицейских убили. Ты?!

— Я, — восточный принц потряс головой, отгоняя то ли совесть, то ли воспоминания. — Трафик был налаженный. Гнали в Россию сырец, иногда героин. В ту ночь в придорожной кафешке бабушка-официантка выпить дала настоечки своей. — он глубоко вздохнул. — Свыкся тут, даже говорить стал совсем иначе.

— А как в ворона попал?

— Не помню. Знаю только, что тело не выбираешь. Можешь в своём остаться, а можешь, как Мстислав, в волка. Если вовремя не спохватишься, грязь из себя не вышибешь, то ноги не унесешь, теряешь себя, меняешься, пропадаешь. И даже не в говоре дело — память из тебя вымывается, умения, чувства прежние. Прорастаешь в этой земле и уже сдвинуться не можешь.

— Грязь смыть? Как? — в который раз я задавала себе один и тот же вопрос. — Почему я? Что, мало женщин делают аборт? Да таких почти вся страна!

— Не знаю, Женя. Я пробовал разное — заблудившихся детишек из чащобы выводил, девиц от насильников отбивал. Всё зря. А потом вот Марья... Это она мне все рассказала и объяснила, и про грехи, и про волчью ягоду.

— Весна же ещё! Снег лежит, Золик, какие ягоды?

— Одна ягода. Всего одна. Тогда и к Кощею на поклон идти не нужно.

* * *

— Только ничего не бойся, ладно? — Егор шел по коридору за каталкой, пока двери операционного блока мягко не сомкнулись перед ним.

— Ну, Евгения Николаевна, как настроение?

— Бодрое!

— Вот и отлично! Сейчас эпидуралочку получите, спицы мы вам в коленочку вставим, потом в кроватке полежите немножечко. Договорились?

— Договорились, доктор!

— Мстислав, будь уже мужиком! — Золик предупреждающе вскинул ладонь, но было поздно, я не могла остановиться. — Что ты сопли на кулак наматываешь? Без твоей помощи мы не справимся.

— Вы и с моей помощью не справитесь. Сгнием мы тут, Женечка, все. Сдохнем! Если ты, конечно, к Кощею нас не проводишь.

— Нельзя к Кощею! Он обманет, Слав. Нужно Марью спасти, она нам поможет волчьи ягуды найти.

— Хорошо, — Славик еще колебался, это было видно. — что ты предлагаешь?

— Нужно, чтобы она покинула Марьино тело и стала сама собой. Какой мне показалась в подземелье — жуткой старухой.

— И что ты с нею сделаешь? Руки свяжешь? Камень на шею и в речку?

— Не знаю! Отвлекать буду! А вы... вы Марью на свет вытащите! И тогда...

— И тогда? — вкрадчиво спросил Мстислав.

— И не знаю, что тогда! Не понимаю, как это работает! Но наверх всех их, этих людей, вытащить нужно! Они же погибают под землёй!

Золик тронул меня за руку:

— Не нужно вытаскивать.

— То есть как?

— Не люди там — копии.

— погоди, Золик, как это копии? — машинально я схватила Вороновича за рубаху и держала крепко.

— Когда Яга выходит, то Марьиная сущность в своё тело возвращается. А там, внизу, сосуды для... как бы это... для временного хранения душ.

— Час от часу не легче! — Славка ткнул кулаком во вспотевший лоб. — Кто куда, а я Кощею искать пойду! Сосуды, трупы, души — не по нутру мне эта чертовщина! Сами в ней копайтесь! — однако с места не сошел.

— Откуда ты знаешь?

— Марья рассказала в ночь, когда..., — загадочный восточный принц краснел, как влюблённый подросток, — Когда согласилась.

— На что согласилась-то, дилер грёбаный, с тобой что ли переспать? Быстрее говори! — рявкнул взвинченный Мстислав. — Или ты сейчас тоже — вместилище? С чьего голоса поёшь, воронок?

— Перестань, Славка! — удержать мощного мужика, напрашивающегося на драку было сложно, но я справилась.

— На мену согласие дала! Понял?

— А ну, успокойтесь оба! Стоять! — рявкнула я в стиле своего покойного дядьки и уже гораздо тише спросила: — Марья добровольно отдала свое тело Яге? Почему? На что мена?

— На Иванову жизнь! — взгляд моего ворона разом потух. — Любит его Марья больше жизни, только себе никак признаться не могла, что не мужик он — падла подзаборная.

— Бред... — я пыталась вспомнить все разговоры с Марьей, но ничего важного из них на ум не шло. — Да у Яги этих душ полный подвал! Было что-то ещё? Да? Золик пожалуйста!

— Очень холодно, Эля!

— Сейчас я тебе горячего чайку дам, пей через трубочку, понемножку. Скоро согреешься. Нико целый термос привёз.

— А Михай и Егор? Они приедут сегодня?

— Завтра приедут. Пустили только меня, я же медсестра.

— Что сказал доктор? Эля?

— Он тебе завтра всё объяснит, — миндалевидные глаза опускаются вниз. — Всё ещё мерзнешь?

— Холодно, откуда сквозняк? Укрой меня еще одним одеялом, пожалуйста! Как над ледяной бездной стою...

— Яга у неё всего одну ночьку выпрашивала. Мол, муж у тебя пригожий, дай испробовать, не то выем из него всю душеньку и станет нежитью поганой. Всех вокруг сгубит и сам кончится — сотлеет, в прах обратится. Пришла она в ту ночь ко мне, Марья-то. Плакала, жалилась, совета спрашивала. А что я? Славка неожиданно с сочувствием положил ладонь на плечо Золика, но тот, кажется, и не заметил.

— Я бы Ивана своими руками... До зорьки не досидела, совушку свою к Яговой избе послала с согласием. А та будь такова — в ступе примчалась чуть ни свет. Только не Иван ей нужен был...

— Кощей! — ахнула я от догадки. — Она Кощея найти хотела, раз Марья никому места не выдаёт.

— Ну вот, у нас конкурентка нарисовалась! Что ты там предлагала — выманить? Связать? Сосуды на поверхность втащить? Что?

— Марьин сосуд уничтожить нужно. — Ворон прямо смотрел мне в глаза. — Совсем.

— Но тогда две души будут в одном теле, и как одна победит другую?

— Пока не знаю.

— Не знает он! Я домой хочу! — заорал Славик. — У меня там отец один! А ты мне про грёбаные сосуды. Мой тоже там, на полочке, что ли? Тогда и его грохайте!

— Как уничтожать — убивать? — перебила я купца. — А если ты ошибаешься? Она там сидит как живая. Лешак ей водицу подносит, Золик! — мне страшно было представить, что женщину в темном бревенчатом углу придется лишить жизни.

— Душу он ей бережёт, чтобы не ссохлась, чтобы доброту принимала, пока Яга бесчинствует на воле. Брошенные души усыхают, становятся крупинками песка. Мама рассказывала сказку про дэва, заключенного в кувшин. У него не было тела, а душа осталась лежать на дне моря, пока сеть рыбака не подцепила сосуд. Влага не дала душе погибнуть, питала её триста лет. Три желания исполнил дэв и стал свободен.

— Чёрт! — Мстислав хлопнул себя по лбу. — Так и нам нужно! Три желания! Бабку эту найти. Тело её, в которое душа возвращается. Уж себе-то она сосуд делать наверняка не стала. Валяется трухлявая на своей печке и переживает, душу отводит! Вот ведь стерва! С

Иваном развлекается! Это прямо виртуальная реальность, мать её!

— Ну, найдём мы тело Яги, и что?

— А то! Шантаж организуем.

— Слав, ты сам себя слышишь? И кто из женщин выберет старое тело вместо молодого?

Останется в Марье на веки вечные, и плакала наша ягода.

— И то верно, — приуныл купец. — Ладно, тогда возвращаемся к первоначальному плану: достаем Марьин сосуд и уничтожаем. Только нужно Ягу отвлечь. Она тебя вон за пять вёрст почуяла и примчалась.

— Ивана попросим? — с надеждой глядя на Вороновича предложила я. — Ну, чтобы отвлёк?

— Сексом? — нервно хохотнул Славка. — Да его теперь, когда ты ему всё рассказала, стошнит, а то и вырубит от омерзения.

— Не надо Ивана, — Золик смотрел себе под ноги. — Я отвлеку.

* * *

— Ты чего, Василёк? Болит? Медсестру позвать?

— Нет, пап, сон плохой приснился. Станный такой.

— Это просто остатки наркоза из тебя выходят.

— Нет. Это как будто правда. Я Бабу Ягу видела, представляешь? Прямо как в сказке. Живую!

— Ну, ничего в этом нет удивительного. Вот если бы ты мертвую Бабу Ягу увидела, я бы всполошился! — засмеялся отец.

— А ещё меня Кощей целовал.

— Ну, и как тебе? Понравилось?

— Знаешь, он ведь словно любит меня. Ну, я так чувствовала. Любит и ждёт, когда я в ответ полюблю.

— А ты полюбишь?

— В том-то и дело, что вроде как. Но разве можно Кощей полюбить, да ведь?

— Вот мне интересно, а что за препараты тебе вводили. Какие забавные эффекты даёт их применение!

— Ну пап!

— Не обижайся, Жека, спи. Я рядом!

* * *

— Дяденька Лешак, миленький, подскажи мне средство! — руки с тоской гладили шероховатый ствол вечного дерева. — Кощей меня..., а я ведь и не знала, что он, как Яга, может любым прикинуться! Сам знаешь, что ему на роду написано, так вот я та самая и есть. Та самая... Не от того ли Марья меня на свою сторону тянула и чистоты требовала? Дяденька, помоги же! Если не спасусь — лучше в омут!

Птицы шумели так сильно, что я не слышала даже собственных слов. Лицо, угадывающееся в рисунке коры, оставалось недвижимым.

Ну хватит. Нужно решать задачи в порядке поступления. Я вытерла слёзы и оттолкнулась от дерева.

— Не в этом, так в другом пособи! Где мне подземелье искать? Прутик твой я потеряла, теперь и не найду. И ёжик у Марьиной души в ногах сидит. Без твоей помощи не обойдусь, мне ведь ещё и Ягу отыскать нужно. Где она живёт-то? И посмотреть пыталась, но не вижу, дяденька!

Жёлто-черная птица размером с голубя сорвалась с верхушки, села на нижнюю ветку прямо перед моим лицом и неожиданно визгливо закричала. Тут же подвыванием ей ответил Меченый, гревший на солнышке серый бок.

— Вот я дура! И правда, нюх как у собаки... Тогда ведите!

Глава 26. Жертвы

— Серьёзно? — изба, которая, как гласили сказки, должна быть на курьих ножках, стояла на земле и никакого намека на её двигательную активность я не заметила.

Вход в Марьино царство был и то гораздо заковырестее. Кривовато висящая серая от времени дверь на удивление не скрипнула, внутри было чисто и пахло травами и еще чем-то ягодно-цветочным. Большая не белёная печка, стол, лавки, полынный веник в углу.

— Проходи, — Яга стояла у окна, скрестив костлявые руки. — Гостевать или дело пытаться?

— Я...

— Гостевать так гостевать. Садись.

Послушно сев на широкую лавку, в который раз отругала себя за торопливость.

— Стало быть, срок мой пришёл. Чему быть, того не миновать. Только ты зачинщику передай — не бывать никому заместо меня! — лицо Яги изменилось, превратившись в страшную маску. — Слыхала про дуб? Припадала?

— Дуб? — рука нащупала в кармане деревянного ворона. — Да, была рядом. Припадала.

— То-то же! Вот он тебя и подцепил на дубовый-то сучок.

— Кто? — я начинала путаться в происходящем, рушились догадки, воздвигались из зыбкого песка новые.

— Он самый, кому тебя пропрочили, кликуша.

— Послушайте. Врать не буду — дуб мне даёт силу видеть, как все говорят, кликушествовать. Но я не понимаю, о ком вы говорите, бабушка.

— Несмышлёная совсем, вот уж точно — горюха.

Ворча под нос неразборчивые ругательства, Яга убрала заслон, подцепила ухватом большой горшок и, отфыркиваясь по-кошачьему, поставила на стол. Сладковатый пар поднимался вверх, свиваясь в белёсые клубки. В глиняную кружку из большого деревянного черпака полился малиновый узвар.

— Пей, девица, пей. Не вздумай нос воротить...

* * *

— Примерно в восемь. Будь готов. С оружием как? — голос Михая был слишком серьёзным, и меня передернуло от предчувствия неизбежной беды.

Слишком увлеченно беседовали они с Егором, чтобы услышать, как подкатила сзади моя коляска.

— Чисто всё. Не засвеченный. Еще с тех времен лежит.

— Кто лежит? — тревогу скрыть до конца не удалось, и я заметила, как Миха шевельнул губами, отворачиваясь в сторону. Матерится.

— Сайт лежит. — слишком натянуто улыбнулся Егор. — Мы с Михаилом там в войнушку рубимся. Дос-атака, понимаешь.

— Ну! — неубедительно поддакнул кузен. — вот, надеемся, до вечера починят.

— Ты — в войнушку? И этот человек Гошке запрещает сидеть в компе до ночи? Не верю. Колитесь, что задумали? На дело идёте? Банк брать? Возьмите меня с собой, я на

стрёме постою. На меня никто и не подумает.

Мужчины напряглись, и выглядело это весьма комично.

— Да ладно! Расслабьтесь, вояки! Шучу я!

* * *

Узвар всё кружился и кружился, словно неведомый моторчик на дне кружки приводил в действие потоки напитка. Воронка затягивала мой взгляд, тянула внутрь малиновой спирали.

— Пей, девица, — всё дальше и дальше от меня звучал голос старухи, — пей, милая....

— И я не вековуха, девкой была — краше многих. Перун, должно, осерчал, сыпанул огнём да громом, еле очухалась. А дуб, под которым хоронилась, так пополам и треснул, да пламенем занялся. Из полымя того всадник выехал. Молодоватый, кудреватый богатырь. Конь под ним чернее ночи, так и вышагивает, только морда наполовину костяная, страшная. Припала я на мокру травушку, голову лукошком прикрыла, да и миновал он меня.

Голос укачивал, убаюкивал, но я не спала — запахи не давали, а Яга продолжала:

— Домой добежала, батюшке да матушке повинилась, а они не верят, баешь, говорят! Только с той поры манило меня к дубу. Как приду, как обхвачу, так и вижу.

— Что, бабушка?

— Червоточину. Гниль. Куда очи не поверну — везде зависть да черная злоба. Сторониться стала людей-то, да только как сваты приехали, так и закрутилось. Запричитала мати, завыли сёстры, и отдали меня белёшеньку во чужой двор.

Узвар все кружился, кружился, а передо мной разворачивался экран: черноволосая девушка входит в избу с венком из полевых цветов. За нею захлопывается дверь. Могильным холодом повеяло, отчаянием, страхом.

— Поедом ели, смертным боем били, дитя скинула из за непосильной работы. Только и была отрада — коровушка моя кривороженька.

— Ты убила её.

— Прирезала, косточки на бережку прикопала — заступникам рода воздание, чтобы помогли.

— Помогли?

— Выросла на том месте яблонька — ветки до земли гнула, скатывались наливные яблочки в речку и до самого Лукоморья плыли. Вот теми яблочками со свету всех и сжила. Запалила избу, да сама в лес ушла.

— Их кровь на твоих руках осталась. Там же дети были. Маленькие совсем.

— И на детках бедки! — сумасшедшая старуха смотрела на меня из-под седых бровей. — Токмо через меня прошли и чистоту нашли. Сладки детки-то, пуще меду! А коли ты с пути моего не сойдёшь, то и тебя сварю и съем! Чур!

Я резко пришла в себя: сижу на пеньке, напротив Меченый в лицо вглядывается. Ни Яги, ни избушки, ни горячего узвару, только смертельный ужас леденит кровь.

— Скукотно, говоришь, бабушка? — злость поднимала голову. — Я тебе покажу скуку, людоедка старая!

Мстислав сидел на ступеньке крыльца и наблюдал за облаками. Настроение у купца,

похоже, было не слишком хорошее, никто из слуг даже носу на двор не показывал.

— Слав, поговорить нужно.

— О! Гости! Опять сказки рассказывать будешь? Не надоело тебе? Одна! — Мстислав поднял указательный палец вверх. — Одна единственная просьба была, и ту ты проигнорировала. Так чего теперь: раз судьба жить в этом медвежьем углу, то и буду жить. Как сам хочю, уж не обессудь!

— Мы же хотели у Марьи про ягоду...

— Да пошла ты со своей ягодой! Нагородят трудностей, потом преодолевают, потом плачут от того, что плохо вышло! Скажи только, почему ты себя главной считаешь, а? Ты вообще кто, Женя? Шлюха ты, Женя. Высокомерная городская ***.

— Тебе категорически противопоказано пить. Неужели не страшно, что в твое тело чужак вселяется.

— Главное, чтобы я икру отмечивать не начал как в кино. Остальное фигня.

— А когда подкатывал ко мне, за коленки хватал, завалить пытался — нормально было? Не противно? Икра на живот не давила?

— Когда это я тебя за коленки хватал? — начал было Славка, но тут же понурился.

— Видишь! А в следующий раз убьёшь или искалечишь кого-нибудь.

— Так не я же, дорогая! Не я!

— Слав, — я села на корточки рядом, в десяти метрах от меня глухо зарычал Меченый. — Нужно стараться делать добро. Хотя бы попытаться. Мы ведь не зря здесь оказались. Каждый может измениться, даже в последнюю секунду своей жизни, но может! А Марью, да и тебя тоже, нужно спасать, понимаешь, Слав? Тогда там, в реальном мире, с нами всё будет хорошо.

— Не будет хорошо! Мама... Ты же сама видела. Если б сразу к Кощею, успел бы.

— Не успел бы, Слав. Здесь место такое — пока грязь из себя не выполощешь, пока помогать не начнёшь, не убежишь. Это я теперь точно знаю. И остаются на этой земле те, кто меняться не хочет.

— Смотри-ка! — Мстислав криво усмехнулся. — Прямо философию развела. Мы люди простые, нам на пальцах объяснять нужно.

— Тогда на пальцах...

* * *

— Ну, пойду я. — Егор потерся губами о мою шею. — Завтра на работу утром. Я теперь безлошадный, на автобусе поеду.

— Тимур с Серёжкой без тебя не справятся?

— Тачки мне пригоняют, а не им. Они помощники, а я главный. Босс! Потеряю бизнес, кто тебя кормить-то будет?

— М-м-м... не хочу, чтобы ты уходил!

Егор подхватил мою ладонь и покрутил тонкое обручальное кольцо вокруг пальца:

— Знаю. Нужно только немного потерпеть. Всё у нас будет еще, Женька. И свадьба настоящая, и свой дом.

— Люблю тебя, — я обняла мужа и крепко прижалась к широкой груди. — Завтра приедешь?

И тут Егор напрягся. Неуловимое натяжение его нервов и мышц я почувствовала кожей. И ответил он с едва заметной задержкой:

— Не знаю, как работа пойдёт. Ты, если что, во все тяжкие без меня не пускайся. А то пойдешь с горя по клубам!

— На коляске? Дурак!

— Сама такая! — Егор ловко увернулся от моей ладони. — Без году неделя замужем, а уже законного супруга молотит! Люди добрые, посмотрит, что делается! — он неожиданно жадно поцеловал меня. — До свидания!

— До свидания, любимый!

Через пару минут в комнату заглянул отец:

— Шашки?

— Яду!

— Вредничаешь?

— Капризничаю.

— Тебя никто замуж не выталкивал, сами бегом-бегом все решили, коньяком меня подкупили, а я что? Я от хорошего коньяка никогда не откажусь.

— Просватал дочь за бутылку?!

— Думаешь, мало взял? — отец засмеялся, когда Эля потянула его сзади за футболку. — Ну вот, сейчас нотации читать будут.

— Не будут! — мачеха была совершенно серьезна. — Будут кормить брокколи и куриной грудкой.

— Тогда мне тоже яду! — захохотал родитель, заражая нас обеих.

Вечер закончился за семейным столом под нескончаемые папкины анекдоты. И всё же неясная тревога не давала мне расслабиться до конца. Уже в комнате я набрала номер Егора, и противный механический голос автоответчика заставил глубоко задуматься. Почему мой законный супруг не хочет разговаривать по телефону?

* * *

Меченый уверенно вел нас к подземелью. Не знаю, как волк догадался, куда и зачем мы идём, но был он собран и на кустики не отвлекался. Золик на прощание велел быть осторожными и обещал сделать всё, чтобы Марья, она же Яга, как можно дольше оставалась вне происходящего.

— Чёрный ворон, что ты вьёссиии? — чуть задыхаясь, на ходу напевал Мстислав, а я едва попевала за зверем и человеком, норовя попасть под лапы целой стаи, шумно дышащей за спиной.

Пришлось врать Волче, что в деревне ребенку нужна помощь, но был ли то Волче... Я откинула лишние мысли и заскулила:

— Ты добыыычиии не дождёёссиии.

Один из волков остановился и, задрав вверх морду, протяжно завыл. Через пару секунд в чаще прозвучал ответный вой.

— Нельзя с тобой в разведку, Женька! Все явки спалила.

— Какие явки? — темнеющий вечерний лес пугал все сильнее, но присутствие волков успокаивало. Всё ж таки хорошо, когда на твоей стороне дюжина страшных челюстей.

— Это ведь не будет убийством, да? — дернула я Мстислава за рукав. — Если это только сосуд?

— Прекрати! — резко остановился поделщик. — Ты чего добиваешься? Думаешь, я каждый день...

— Прости, Слав. Страшно немного.

— Страшно ей! — мужчина снова размашисто зашагал вперед. — Кашу заварила, а теперь в кусты? Нет уж, ягода так ягода, спасать Марью так спасать Марью. Баста!

На неузнаваемой в сгущающихся сумерках поляне Меченый остановился, Мстислав тут же достал огниво и трут и принялся поджигать факел. Металлическое кольцо нащупала быстро, оставалось поднять крышку, но тут я целиком положила на Славкину смекалку: волков он пригнал не зря. Веревка, связанная так, чтобы образовались несколько петель, будет надета на зверей, и они помогут открыть подземелье. Я не верила в успех этой авантюры, но, когда дверь с гулким грохотом откинулась назад, уважительно покачала головой:

— Обалдеть! Слава, ты гений!

Пока мы шли по подземелью, освещая себе дорогу, Мстислав молчал. Да и что скажешь, если шагаешь словно по долине мертвецов — бледные лица пугали до одури. Вот и угол, поворот, еле заметное свечение — Колючкин на посту.

— Вот она! — голос прозвучал тихо, но эхом пронёсся по катакомбам ведьминоного хранилища.

— *** **** — сочно, но вполголоса выматерился ошарашенный Мстислав. — Как живая! Она же шевелится, Жень!?

— Теперь ты понимаешь? Нам нужно ее вытащить отсюда, перед тем как... Вытащить нужно.

— Зачем? — нерешительно спросил Славка.

— Ну... нельзя же ее просто взять и бросить. Похоронить как-то что ли.

— Так, давай без соплей сейчас. Просто берем ее и несем наверх. Держи факел!

Тени заплясали по стенам — руки мои тряслись так сильно, как будто жили своей жизнью. У ног закопошился Колючкин.

— Иди, дружок! Выходи наружу. Кончилась твоя вахта.

Ежик послушно засеменил в сторону выхода. Понятливые звери здесь всё-таки.

— Шагай! — глухо приказал Мстислав, взявший псевдо-Марью на руки. — Тяжела богатырка, дотащить бы.

Я развернулась, выставив перед собой факел, прошла несколько метров и замерла:

— Слав, что это за звук?

* * *

В 23.10 раздался звонок. Я отложила книгу и взглянула на экран сотового. Тимур.

— Жень, прости, что разбудил, Егора дай.

— Нет Егора. Уехал же домой на автобусе.

— Когда?

— Примерно в половине девятого. А что? Не доехал что ли?

Собеседник молчал.

— Тимур, не пугай! Мне одного раза выше крыши хватило.

— Он, наверное, у Михи заночевал, а я в мастерскую сунулся — нету. Вот я дурак!
Прости, Жень. Спокойной ночи!

Тимур отключился, а я, чувствуя нехорошее, открыла поисковик и вбила в пустую строку график отъезда автобусов до Кленового стана. Последний в 19:00. Телефон выскользнул из рук. Что происходит?

Мишка не отвечал, и я готова была звонить в полицию, пока не соображая, что скажу. Гошка! Он наверняка зависает в своей бродилке и точно онлайн. Нажала на белый самолётик мессенджера:

— Не спишь?

— Привет! Чё?

— Михай дома?

— Свалил.

— В город уехал?

— Фиг знает. Тачку забрал.

Пальцы зависли над виртуальной клавиатурой.

— Георгий, сейчас мне очень важно, чтобы ты ответил честно.

— Ну

— Они что-то собирались делать? Что-то опасное? Что-то, связанное с Мстиславом? — спрашивала я наугад, и подсознание мое на каждый вопрос утвердительно кивало.

— Гоша?

— Славку этого оправдали, у него родня крутая, а его адвокат тебе иск вкатить хочет...

«Гоша печатает» — синими буквами высвечивалось в диалоговом окне.

— Иск?

— Типа ты виновница аварии, и его чуть не убила. Ожоги там, типа раны. Ты его реально отмугузила что ли? И да, типа мать его от этого померла. От стресса. Моральный ущерб кароч. Миха велел не говорить. Не сдавай.

— Не сдам.

— ОК. А что случилось та?

— Случилось-то. — машинально поправила я. — Ничего, Гош. Спи.

— ОК!

* * *

Волки отчаянно защищались, даже не думая убежать и бросать вожака. Пронзительный визг смешивался с человеческими гневными выкриками и руганью. В свете нескольких факелов, что держали в руках верховые, дружинники Ивана рубили преданных Славке зверей.

Почти у самого входа в подземелье, фонтанируя вырывающейся из перерубленной шеи кровью, лежал Меченый.

— А вот и кликуша! — Иван с багровыми потекам на лице и одежде стоял над моим мертвым проводником и охранником и улыбался. — Что, стервь полевая, жёнку мою извести захотела?

Обернулась. Мстислав застыл с Марьей на руках, и я бы не хотела сейчас быть

противником этого мужчины, ошалело оглядывающего умирающих четвероногих товарищей. Вот купец нагнулся, опустил тело на землю, потянулся за мечом, висящем на боку.

— Это ты чего вздумал, купчишка мелкотный? На князя руку поднимаешь? — Иван вставал наизготовку, готовясь встретить нападение.

— Отойди — не своим голосом приказал мне Славка и, обращаясь к сопернику, нарочито громко произнёс: — Кабы ты из князи в грязи не вернулся, сучий потрох!

Резкий толчок повалил на землю: Сокол Соколович, недобро усмехаясь, поставил ногу на мой живот. Орёл Орлович, тем временем, зайдя за спину купцу, вышиб из рук Мстислава меч.

Иван выпрямился.

Бойня закончилась. Поляна была усеяна мёртвыми телами серых хищников. Кое-кто из людей стонал от боли, у сосны умирал дружинник с порванным горлом.

— Ты беду накликала! — княжич подходил ко мне вразвалочку, красуясь. — С тебя и поши невзгоды да горести. Жалко, небось, головушку терять? Не бойсь! С первого удара зарублю!

Я не могла поверить, что вот этот взлетающий вверх кусок отточенного металла может лишить меня жизни, и совсем некстати перед глазами развернулся экран: город, ночь, мужчина выходит из авто...

* * *

— О, никак народные мстители? — Славик попытался спрятаться в машину, но Михаил припечатал дверь плечом. — Бить будете, господа? Давайте! Мой адвокат уже зарегистрировал заявления об угрозах жизни и здоровью от мужа и двоюродного брата ответчицы. Думаете, я драки испугаюсь? Не на того напали, мальчики. Ну, давай, бей!

Егор спокойно ответил:

— Таких не бить, убивать надо.

— А вот это статья посерьезнее, господа. Как вам сучка мозги задурила. Это она умеет: ноги раздвигать и мозги...

Сокрушительный удар в челюсть свалил Славика на асфальт. Но он встал, отплевывая кровавую слюну и, странно согнувшись, резко развернулся в сторону Михая. Сверкнуло лезвие, Егор дернулся к захрипевшему другу, и Мстислав быстро побежал прочь.

— Не смей! — пытался кричать Михя, но Егор уже встал в стойку и терпеливо ловил в прицел удаляющуюся спину. — Егор!

Крик смешался с выстрелом.

В последний микромиг Славка прыгнул на меня, и меч Ивана с хрустом разрубил позвоночник купца, на выходе из тела воткнувшись остриём в металлическую бляшку кожаной перевязи, что пересекала грудь спасителя. Сила удара достигла моего солнечного сплетения, и в глазах потемнело от боли.

Пуля чиркнула по фонарному столбу, и Мишка, зажимая одной рукой бок, а другой толкая Егора, с облегчением выдохнул:

— Слава богу, мимо!

Жертва была принесена.

Глава 27. Иван да Марья

Видение не исчезало, несло с космической скоростью, а Иван двигался слишком медленно — жизнь давала мне возможность досмотреть кино про кузена и незнакомого парня, сильно напоминавшего Волче, до конца.

— Охренел? — Мишка привалился спиной к машине. — Сам на нары, а Женьке мыкаться?

Подхватив друга Егор расстегнул ему куртку и задрал толстовку, пытаюсь рассмотреть рану.

— Шкуру пробил, не страшно, до свадьбы заживёт. Едем ко мне, зашью.

— Болит, зараза!

— Ничего, поболит и перестанет.

Егор сел за руль Мишкиной машины и завел двигатель, помог пассажиру пристегнуться.

— На врача учился? Криво зашьёшь, меня потом девушки любить не будут, — пытался шутить Миха.

— Война научила. Салфетки есть? — Егор рванул дверцу бардачка и принялся шарить там рукой, нащупал и вынул старое полотенце, сунул Мишке в руки. — Зажми изо всех сил. Я за гильзой. Если эта сволочь заявит, без гильзы ничего не докажут.

Михай, а вместе с ним и я, смотрел сквозь лобовое стекло на бегущего к фонарному столбу мужчину и вяло бормотал:

— Ну Женька, ну и мужиков себе находи, один другого ...

Хрррсссссьььь — экран погас, и сквозь полусомкнутые ресницы я видела Ивана, стоящего над телом-сосудом Марьи. Княжич только что отрубил ей голову.

— Что, Соколик, морду кривишь? Али не по нраву? Княжий престол займу — всех одарю по заслугам. Помни! — муж Моревны похлопал Соколовича ладонью по груди. — Домой!

Я не дышала, надеясь, что меня сочтут за мертвую, да и почти была мертва от страха, но Иван не был бы собой, если бы не проверил. Мысок мягкого сафьянового сапога с размаху врезался в скулу.

— Сдохла, стервь. Едем! Горе у меня, тризну соберем. Поплачем о Марьюшке! — негодяй засмеялся.

Звук сообщения застал врасплох. Я не спала, наблюдая, как потолку ползёт тень от большого фикуса, стоящего на подоконнике. «Милая, прости, дел было много, засиделся, а телефон не проверил. Люблю» — рал муж. Врал. И это было невыносимо. Может, и вправду мы поторопились, может, отчаяние толкнуло на этот шаг и ненормальное либидо, просыпающееся только рядом с Егором. Сколько раз я уже влюблялась? Сколько раз умирала от любви и желания? А потом гасла. Почему сейчас не может быть так же?

До утра я так и не сомкнула глаз. Тени растворились в проснувшемся солнце, заглянул отец:

— Варю кофе и готовлю омлет.

— Отлично.

— Помочь?

— Справлюсь, па, спасибо!

Что-то рассказывала Эля, взбивающая в блендере очередной здоровый коктейль, отец

смеялся, а я смотрела на всё со стороны. Не то, чтобы я сама не обманывала, но вот так, нагло, да еще человек, за которого вышла замуж.

— Василёк, ты встала, но не проснулась, как погляжу! Я на работу, Эля с тобой съездит анализы сдать. Люблю обеих, побежал!

— Эй, — возмущенно крикнула Эльмира и вышла за отцом в коридор.

Она там сейчас обнимала его рукой за шею и крепко целовала. Повезло ей, в папке я была уверена, как в себе. А вот Егор...

* * *

— Слав, Славка, миленький! — я смогла поднять руки. Иванова свора скрылась во мраке и вокруг только смерть, вокруг только ужас. — Тяжело, Мстислав Гоудинович. — слезы от напряжения выбрызгивались из глаз на темную голову, свешивавшуюся с моего плеча. — Как же так, Славка?!

Большое и совсем недавно сильное тело придавливало к земле. Боль в подвздошьи при каждом движении разлеталась по каждой косточке, добегала до кончиков пальцев, обжигала олову. Я все пыталась и пыталась освободиться, пока мертвый Славка не сполз влево. Размазывая кровь и холодную грязь, на крови замешанную, я пыталась вытянуть ноги. Пережидала, давая себе отдохнуть, и снова толкала, толкала во влажный мужской бок. Наконец удалось выбраться и даже встать на четвереньки. Застывшие глаза Меченого поблескивали в лунном свете. Доползла до волка, села на колени, наплевав на промокающие юбки. Кровь была везде, от нее всё равно не спастись. Полнолуние. Время видеть нечисть, время видеть...

— Спасибо тебе, дружище! — я провела пальцами по шраму, пересекающему морду. — Кто бы ты ни был, вина твоя искуплена. Беги за радуку, серый волк!

Вставать было трудно, но я поднялась. Иван ошибся, думая, что убил Марью. Что будет, когда обнаружит настоящую? Нужно успеть предупредить, но как найти дорогу? Как опередить убийцу?

Удивительно, но теперь мне совсем не важна была волчья ягода и волшебный отвар из неё. Я не хотела платить жизнями за свое возвращение. Не хотела.

* * *

— Привет! — улыбающийся Егор прислонился к косяку. — Ругать будешь?

Невыносимая обида жгла сердце, но ссориться при Эле не хотелось.

— Нет.

Муж в два шага оказался у кровати и уткнулся в шею. Чужой. Нежеланный.

— Я на авторынок и обратно, ребята ждут. Соскучился. — он целовал меня всё жарче, поглаживал грудь, и вчера еще я бы распахнулась навстречу, приняла и поделила бы с ним восторг соединения, но сейчас не чувствовала ничего.

— Болит? — по-своему истолковал Егор мою холодность.

— Очень!

Только не плакать, только не начать обвинять. Не хочу слушать лживых оправданий.

Или хочу? Пусть убедит, пусть уговорит. Я глубоко вдохнула и на выдохе выпалила:

— Зачем тебе пистолет?

* * *

Луна издевательски смотрела сверху. Что, мол, кликуша, сама дорогу найти не можешь, немощь? А я и правда не знала, куда сворачивать после пенька, мимо которого выходила на поляну с дверью. Друг мой Меченый больше не укажет верный путь. Перешагивая через трупы волков и поскользываясь в подмерзающей крови, я добралась до пня и остановилась. Куда теперь?

Легкое зеленоватое свечение двигалось навстречу.

— Колючкин! — приглаживала твёрдые иголки, мизинцем почесав мордочку у влажного носика. — Ты настоящий друг! Только мы не успеем все равно. Этот урод убьёт Марью, его никто уже не остановит. И только я в этом виновата, ёжик. Только я.

Мы брели среди мрака, и не было сил плакать, потому что раскаяние не тушилось слезами. Сожаления не гасились солёной водой, она лишь разъедала душевные раны. Гулкий звук слышала не сразу, а он приближался и пугал. Кто-то нёсся нам навстречу сквозь бурелом. Морда гигантского лося вынырнула из зарослей внезапно, но не страх меня накрыл — радость.

— Дядька Лешак! Спасибо! — большое животное, вокруг которого вились мотыльки и светлячки, опустилось на колени, давая мне возможность забраться на спину. Подхватив Колючкина, я перекинула ногу через выпирающий хребет и вцепилась в неожиданно длинную и густую шерсть на загривке. Боялась, что упаду, но лось двигался непостижимым образом, словно летел над землёй, не причинив никакого дискомфорта, не позволив соскользнуть. Я прижалась к остро пахнущей звериным потом шее — так ветки с нарождающимися листочками не хлестали по лицу.

* * *

— Какой пистолет?

— Понятно.

— Что тебе понятно? — Егор начинал злиться, и меня пугал холодный свет глаз, из синих превращающихся в темно-серые. — Ты что-то услышала и напридумывала себе чёрт знает чего!

— Я не напридумывала! Куда вы с Мишкой вчера ездили, а? Молчишь?

— Ко мне он приезжал, в мастерскую. Тачку раритетную привезли, смотрел.

— Тачку?

— Жень, я не понимаю, из-за чего мы ссоримся. — муж примирительно улыбнулся. — Это из-за более ты раздражаешься? Хочешь, массаж тебе сделаю?

— Массаж мне Эля сделает! — взвизгнула я неожиданно для самой себя.

— У тебя истерика, любимая. Если хочешь, я выйду.

— Вы ходили к Славке. И не смей отпираться. Вы ходили к нему с пистолетом! Вы ему угрожали, да? Или ты приставлял дуло к его виску, чтобы он иск забрал?

Молчание было хуже лжи.

— Значит, правда ходили, — я обхватила голову руками. — И он согласился? Конечно, если тебе угрожают оружием, согласишься. Ты ведь не стрелял в него?

Егор прошел через комнату и остановился у окна.

— Боже... Ты стрелял в человека?! Ты?! Как ты мог?

И тут мужа прорвало:

— Стрелял, да! Стрелял! И еще выстрелю, если эта сука только попробует приблизиться, если дышать рядом с тобой посмеет! Поняла? Я его глотку перегрызу за тебя.

Он был страшен. Все рассказы о горячих точках и ранении, которые я слышала от общих знакомых, вдруг перестали быть просто фактами. Я видела изнанку войны. Сломанную психику, отодвинутые за горизонт границы человечности, я видела принятие убийства как средства. Смерти, как обычного явления.

— Ублюдок Мишку ранил, хорошо, что просто царапина. Но ранил! Ты понимаешь это? Твоего,***, брата!

Мат стал последней каплей.

— Уходи! Я не хочу тебя видеть.

— Что ты сказала? — Егор навис так угрожающе, так неожиданно грубо, что я зажмурила глаза.

— Уходи...

Он не грохнул дверь, не врезал кулаком в стену, не накричал. Просто выпрямился, и взгляд его омертвел.

— Вы чего тут ругаетесь с утра пораньше — заглянувшая Эля выглядела встревоженной. — Жень, что случилось?

— Элька, я, кажется, развожусь...

Вот и терем. Лось опустился, дав мне сойти на землю.

— Спасибо! — шепнула я в большое острроверхое ухо и опустила Колючкина на землю. — Ищи хозяйку, ёж. Ищи быстрее, времени у нас нет.

По всем у было видно, что Иван сотоварищи еще не вернулся. Я оббежала терем, пугая спящих слуг. Марьи нигде не было. Выскочила во двор и свернула на задний двор к большому сеннику. Большая дверь со скрипом подалась вперед, и я заскочила внутрь. Золик и Моревна спали прямо на куче прошлогоднего сена. Ворон сдержал слово.

— Вставайте! — громко приказала я. — Иван едет Марью убивать!

Моревна вскинулась первой, прикрывая рубашкой полные груди.

— Кликуша?

Я шагнула ближе и втянула воздух. Дыхание было обычным, человеческим.

— Марья, тебе бежать нужно, схорониться у Лешака или еще где. Муж тебя убивать едет.

— Откуда спознал? — Моревна обернулась на любовника и принялась быстро одеваться. — Кто донес про измену?

— Никто. Не знает он. Ему княжий престол нужен, перевела я взгляд на совершенное тело Золика. Он выглядел не к месту счастливыми и умиротворенным. И я бы порадовалась за влюбленного мужчину, если бы не надвигающаяся опасность.

— Чего лежишь, Ромео хренов! Беги!

Ржание въезжающих во двор лошадей заставило поежиться.

— Не успели.

Марья перекинула полураспущенную косу за спину.

— Княжий стол, стало быть...

— Беги, дура!

Богатырка качнулась ко мне и улыбнулась:

— Не по Ивану честь — на пятки мои глядеть. Пусть в очи взглянет!

— Сбегай, любезный дружок, за кольчугою моей легкокованной, шелом мой прихвати, да меч, батюшкой даренный... — Марья выпрямила спину, подняла подбородок, застыла статуей на пороге сенника.

— Мащ, у него целая дружина, не одолеешь ты их! Он Мстислава зарубил! И волков его! И голову тебе отрубил, думал, что отрубил. Что тебе, но там не ты — запуталась я в попытках объяснить происходящее и потянула женщину назад.

— Сталось, и впредь не пожалеешь головушки моей. Да ну на моей стороне правда-матушка. Не тот богатырь, кто ростком вышел, а тот кому наука впрок.

Мы замолчали, вслушиваясь, как Иван мечется по терему и орёт на слуг. Из оружейной бегом вернулся Золик. Марья неспешно, расправляя складочки, накинула на рубаху тончайшую серебристую кольчугу, подпоясалась, надела шлем, и я почувствовала, что передо мной не ведунья — сильная духом воительница. Золик встал рядом, оттеснив меня плечом. В руках у Вороновича полумесяцем поблескивал булат.

— Возьми! — Марья, не оборачиваясь, протянула какой-то камень, и я зажала его в ладони. — Коли смерть нам придёт и надежи не останется, беги к Кощею, проси спасения. Уважит он тебя.

— С чего бы?

— Слышала я побасенки его. — Марья замолчала.

Характерное позвякивание оружия о латы и кольчуги приближалось. Облако неверного света огибало стену терема и двигалось на задний двор. Моревна шагнула вперед.

— Ночь-полночь, а мужнина жена не на пуховых перинах, а на брань собралась? — Иван остановился, подняв руку. Дружинники вняли приказу. — Вижу, любушка, люди верные с тобою. Грозна рать, вело сильна! Никак изменила обетам свадебным? Не люб тебе Иванушка? Не того поля ягода? На чужого суженого влезла, сучья дочь?

— И кто же меня поносит? Что за пёс шелудивый гавкает? Уж не убивец ли? Уж не Иван ли, что к батюшке моему отравщиков подсылал, а жене своей голову рубил?

— Прознала про отравщиков? Небошь, ты их и отвела от князя.

— Я, Иван-княжий сын. Что же стоишь? Али рубиться передумал? Али руки силу потеряли, пока серых волков изводил? Так ты приляг-отдохни, силушку свою богатырскую наспи. Али медку хмельного глотни. Больше ей взяться-то неоткуда.

— Ведьма! — хрипло крикнул Иван и замахнулся мечом.

Я прижалась к створке двери и с ужасом наблюдала за поединком мужчины и женщины. Уже через минуту всем, в том числе и Ивану, стало ясно, что Марья бьётся искуснее, она выносливее и быстрее. Только об одном забыла Моревна — заплетенные волосы металась за спиной и взлетели в воздух при резких движениях. Забывшись в очередной атаке, богатырка мотнула головой, и Иван ухватил русую, толщиной в руку, косу. Марья дернулась, упала на колени, и муж, не медля ни секунды, вонзил клинок ей в шею.

Позади него раздалась испуганные вскрики. Слуги, разбуженные сначала мною, а потом

хозяином, выскочили полнобопытствовать, что происходит.

Иван оттолкнул ногой обмякшее тело. Марья упала на землю, шлем откатился. Страшное, нечеловеческое лицо княжича обратилось к Золику, который бесстрашно шел на убийцу, поводя из стороны в сторону клинком.

— Прислужей порешите. Всех до единого! — приказал Иван дружине и, уверенный в том, что воля его будет исполнена, повернулся к Вороновичу. — А вот и дружок жёнин. Сладка была Марьюшка? Сам ведаю, сладка. Слаще мёду.

Они шли по кругу, присматривались.

— Кликуша! — вдруг крикнул Золик. — Жена у меня есть, найди её. Помоги. Плохим был я мужем. — и сделал быстрый выпад.

Иван успел отскочить, оскалился, снова пошел по дуге:

— Оскоплю и псам мясо жухлое твоё отдам, чтобы знал, как чужие перины мять.

Выпад. Звон металла, хриплый выдох. Отступление. Свист булата, вскрик. Снова кружение.

Со стороны терема неслись страшные крики. Женщин и мужчин безжалостно убивали. Закусила кулак, не понимая, что делать, и получится ли спастись второй раз за ночь. Вопли умирающих были невыносимы, и я заткнула уши, опустившись на землю, устланную соломой. Колючкин, задирая мордочку, нюхал воздух. Матушкино подарение, говорила Марья.

Золик что-то выкрикнул на незнакомом языке, развернулся, но меч Иван был быстрее. Воронович рухнул на колени, зажимая рукою живот. Он что-то говорил, но расслышать было невозможно: дружина бесновалась в смертоносном раже, забивая уже мертвых, не в состоянии остановиться, опьянев от вседозволенности и крови.

— Кликуша! — хохотнул Иван. — Выходи, словечком перемолвимся!

— Колючкин, сослужи мне последнюю службу, — взяла я ежика на руки и убрала за спину. Прятаться больше не имело смысла. Меня все равно поймают и изрубят, как несчастных девушек, чьи рубашки сейчас белели в темноте, напиткиваемые горячей невинной кровью.

— Ай да павушка! Ай да лебёдушка! — издевался княжич.

Я и вправду выглядела ужасно — в засохшей крови, растрёпанная. Ну и что. Какая разница, все равно умирать.

— А сам-то? Боров навозный! Урод!

— О-на! Смела! — Иван воткнул меч в землю и оперся на него. Устал. — Будешь мне служить? Не обижу. Кощеюшку найдёшь, а я тебя уваживать буду. Всех князей одолею, стану един княжить.

— Не станешь, кишка у тебя тонка, Ванюша

Я размахнулась и впечатала в лицо Марьиного мужа собравшегося в клубок ежа. Пока княжич пытался оторвать от себя Колючкина, побежала со всех ног к входу в Марьино подполье.

Избушка спустилась по столбу сразу, я вошла и оказалась в земляном коридоре. Темень непроглядная. Сунула руку в карман и обхватила переданный Марьей камень. Он грел ладонь, и я вынула его, уверенная, что он поможет. Из центра плоской гальки бил узкий, рассеивающийся фонтаном, луч. Куриный бог. Так мы в детстве называли такие камешки. Смотрели сквозь дырочки на солнце, загадывали желания и считали, что эта находка — на счастье. Луч двигался сам по себе, чертя медленно гаснущие линии на сырых стенах. Но вот

он провел вертикальную черту, и земля раздвинулась, открывая знакомую темницу.

— Пришлшшшшлллаа. — Кощей покачивался на цепях. — Сумелааааа.

Не отвечая, ринулась туда, откуда лилась вода и подставила бадейку. Я набирала воду и поила, набирала и поила, набирал и поила, уже сбившись со счёту, машинально утирая костлявый подбородок, поддерживая голову. Не всматриваясь в того, кто постепенно обретал силу и плоть.

— Хватит! — я вздрогнула от окрика и выронила бадейку. Вода хлынула на ноги, приводя в чувство, заставляя понять, что только что натворила.

Сколько прошло времени? Пять минут? Десять? Полчаса?

Передо мной на цепях висел совсем другой человек. Налитое силой большое тело с густой порослью в паху. Крепкая шея. Черные, тронутые сединой спутанные волосы, острый взгляд, отражающий свет куриного бога.

— Почему к Волче не побежала, кликуша? — скрип цепей был все таким же мерным. — Пошто ко мне ринулась?

— Ты поможешь, — прошептала я.

— Смотри, — скомандовал тот, кого звали Кощеем, и без особого усилия свёл руки. Толстые звенья цепи лопнули и со звоном упали на пол. Я наблюдала, как сильные пальцы разгибали кандалы, как мужчина пропадает в сгущающемся тумане, а потом появляется вновь — в черном облачении и черном же шлеме на голове.

Кощей вышел в проем, ни сказав мне ни слова, ни пообещав ничего. Обманутые надежды были последней каплей. То, что возвращения не будет, не волновало, но я хотела наказать Ивана. Застонала, стукнув себя мокрой рукой по лбу: кто в здравом уме поверил бы отрицательному персонажу сказки? Бессильно прислонившись к холодной стене, закрыла глаза. Как же я устала. И правда, почему не к Волче?

— Кликуша! — позвал обретший красоту и мощь голос.

— Иди ты...

— Кликуша! — звук обволакивал. С удивлением я наблюдала, как мои руки поднимаются вверх, чувствовала, как невидимая сила выпрямляет ноги и толкает вперед. Меня вынесло наружу.

Кощей дождался, когда встану самостоятельно, взмахнул каким-то необъятным черным плащом, и в тот же миг мы оказались перед Иваном, которому один из дружинников лил воду на лицо. Я поискала глазами Колючкина, но не увидела. Может, его раздавили, и он погас?

Отопрело глядя на приближающегося Кощея, Иван стал подниматься на ноги, дружинники, стаскивающие мертвые тела в большую кучу, в ужасе замирали. Блестящий конский хвост, свисавший с высокой шишки на черном шлеме, развивался при ходьбе, крыльями струился по воздуху плащ, поскрипывали под немалым весом кожаные сапоги.

— Кто? — черный воин легко откинул дружинника, держащего ковш с водой, в сторону. Тот отлетел на несколько метров и ударился о распахнутую дверь сарая. В тишине было хорошо слышно, как с мягким хрустом сломались его кости. — Кто посмел моё тронуть?

Кощей склонил колено перед Марьей и тут же встал.

Лицо Ивана, покрытое капельками крови и вспухающими следами от ежовых иголок, бледнело на глазах. Но я уже бежала к лежащему на земле Золику.

— Эй, ты живой. Ну хотя бы ты! Выживи, ворон! — Я нащупала слабый пульс. — Золик, ты живой. Открывай глаза!

Миндалевидные очи распахнулись, и я обняла темноволосую голову:

— Хорошо-то как! Дай посмотрю, что там у тебя! — рубашка вымокла от крови, но рана была скользкой. Меч распорол кожу и мясо, не дойдя до внутренностей. — Нормально все. По касательной, ворон. Ты будешь жить! Я тебя вылечу!

Но Золик не слушал, а смотрел на что-то за моей спиной.

Кощей стоял над Иваном, а тот что-то говорил быстро-быстро, разводя руками, заискивающе кланяясь и пытаясь поймать взгляд.

Мне было плевать, о чем беседуют эти двое, важнее было спасти Золика.

— Вот видишь, а ты про жену. Сам приедешь и все передашь. Умирать он собрался! Фиг тебе с маслом. Не позволю! — я рвала подол нижней юбки, сворачивая полоску ткани в рыхлый валик. Прижимала рану, помогала подняться сначала на колени, а потом и на ноги. Подставила плечо.

Ночной воздух со свистом разрезало что-то большое и искрящее, раздался глухой удар, поднялась невесть откуда взявшаяся пыль, и я увидела резную деревянную ступу, в которой сидела косматая Яга.

— И не вспомнил подруженьку, и не приветил! — она протянула костлявую руку к Кощей. — Отдай мне кликушу. Ответ держать будет за урон.

Глава 28. Кровавая жатва

— Урон? — Кощей наблюдал, как бабка спиной к зрителям выползает из ступы.

Зрелище было комичным, но никто не улыбался.

— Косточки мои старые! Охо-хо, ажно в глазах потемнело. — кому-то жалуясь, приговаривала Яга, оправляя юбки. — Разорение кликуша учинила в моем подполе, людишек навела, кровью утопила. Урон! Как не урон?

Машинально я крепко прижала Золика к себе. Парень пошатывался, но стоял.

— Это ты, людоедка, урон наносишь! Зачем ты в Марью входила? Зачем ею прикидывалась? Сволочь ты!

— Эка! — Яга развела руки в стороны, призывая в свидетели оторопевших дружинников, которые, похоже, наконец, начали осознавать, что натворили. — Люди добрые! Видано ль, чтобы Ягу укоряли? А кто ж вас в последний час пред загробьем приветит? Кто ж вам под порогом домину разметёт? Кто ж в баньке попарит, отмоет от зла ядовитого и горя тягучего? Бабушка Яга! А что тела молодого себе восхотела, так не зазорно! — она остановилась в шаге от нас с вороном. — Всяк теплое да молодое ищет, всяк хвори забыть хочет, а с Марьюшкиными телесами я бы еще век людей в Кощеево царство провожала! А теперь истлеют мои косточки, мхом зарастут, порушили красу ненаглядную, порубили березоньку белую, сгубили богатырку неодолимую! У-у-у-у, — старуха сжала костлявый кулак. — Без тебя, кликуша, жить бы ей, да поживать по добру!

Я задохнулась от злости:

— Врешь! Ты хотела Кощей отыскать да за каждый глоток воды цену назначить!

— А то не вина! — Яга страшно улыбнулась. — Тебе-то, чернь, не по уму загадка. Не ты ли водички поднесла Кощеюшке? Не ты ли себе отраду выменяла? Охотника своего прибрать хочешь? Так уж червивый он, не восцветет наново!

— Как это, червивый?

* * *

— Ну... Какие ваши годы, — преувеличенно бодро отвечал хирург. — Спицы вынем, восстановитесь, а потом будем смотреть динамику. Да. — он отложил серо-черные листы рентгеновских снимков в сторону. — Нос не вешать! Не получилось одним способом, получится другим.

— А затемнение?

— Анализы, пункция, рентген в нескольких проекциях. Хорошего ортопеда посоветую. Туберкулез костей летальности не даёт.

— А что даёт? Хромоту?

— Милая девушка! — хирург сцепил пальцы. — Пока ничего не ясно. Есть только пятно, идентифицировать его, извините за термин, в данный момент, не имея полной клинической картины, я не возьмусь. Другая, знаете ли, специализация. Излишне драматизировать ситуацию не нужно. Нужно собраться и методично обследоваться. У вас еще одна операция, не забывайте! Не век же вам со спицами ходить. Да?

— Да...

Эля катила коляску, то и дело порывалась начать разговор, но мне говорить не хотелось. Все катилось в бездну — брак, здоровье, сама жизнь. Перспектив в 26 лет никаких.

* * *

Яга не ответила. Тяжело ступая, она подходила к Кощею.

— Поднялся, хозяин темной сторонушки, поднялся! Не бывать больше вольнице людской!

— Не твоя ли вольница была? — Кощей спрашивал спокойно, но по коже побежали мурашки.

— Уходим! — шепнула я Золику. — Пусть перегрызутся!

Но не тут-то было. Гаденьш Иван в попытке выслужиться ухватил меня за косу и громко спросил:

— Куда засобиралась, голубка? Куда воронка несешь?

Кощей и Яга разом обернулись. Золика сильно качнуло, он потянул меня в сторону, и волосы, зажатые в кулаке, затрещали, а я вскрикнула.

Но тут пальцы Ивана разжались, его приподняло над землёй, пронесло как дирижабль над нашими головами, перевернуло и шваркнуло на спину. Княжич пытался пошевелиться, но его давило сверху, и только тихое "а-а-а" доносилось до наших ушей. Взметнулся огромный меч, и Кощей разрубил Ивана ровно посередине. А потом еще, и ещё... Длинный широкий клинок взлетал и опускался, сея вокруг себя кровавые семена и белоснежные осколки костей.

— Ой ты! — суетилась Яга, неожиданно проворно оббегая палача то с одной, то с другой стороны, облизывая с губ попадающие на них ошметки плоти. — Мясо-то, мясо! Без жиринки! Славное мясо-то. Пропадает, ой, попадает княжье мясо!

Предел был пройден. Я не чувствовала больше ни страха, ни омерзения, ничего из того, что должна испытывать в этой ужасающей ситуации. Преодолена грань, за которой сознание просто отказывалось воспринимать происходящее. Крепче прижимая к себе Золика, начала медленно уходить в сторону: нужно было спасти друга, о себе и не думалось. Я запретила себе думать и рефлексировать. Не сейчас, не здесь. Я все перетерплю, все вынесу, только бы уйти!

Мимо, даже не пытаясь воспротивиться Кощейевой воле, протащились Сокол Соколович и Орёл Орлович. Оба таращили глаза в немом ужасе.

— Живой и мертвой воды в три дни отЫщете, сполОснете, — Кощей ткнул пальцем в кровавое месиво, — восстанет Иван от земли, а нет, так летать вам во веки вечные птицами!

Краешком мозга отметила изощренность ловушки, выстроенной Кощейем для Ивановых приспешников. Жестоко.

Убежать от судьбы у нас не получилось. Яга, вдруг вспомнившая обо мне, ринулась наперерез, подскочила почти вплотную, ткнула в живот и больно вцепилась в груди:

— А крепка кликуша телесами! Крепка, сладка, моложава! — омерзительный запах бил в нос, кровавая слюна стекала вниз с морщинистых губ. — Ты пошто у меня хозяйевала? Пошто не тобою покладенное с места трогала? Тати ночные! Без просу во хозяйском подполье разорение творила! Отдай мне кликушу, Кощейошко! Уважь подруженьку старинную!

— Мы, — отчего-то я терялась под тяжелым взглядом Кощея, который намеренно или случайно закрыл от меня жуткие останки Ивана, — Марью хотели попросить... чтобы она ягоду волчьей, чтобы отвар... Домой мы хотим вернуться. Вот!

— Ведьминой воды восхотела! — в притворном удивлении вскинула руки и шлепнула ими по бестелесным бедрам Яга. — Ишь, ягоду!

— Марья научила бы! — настаивала я, теряя всякий страх.

— Не Марьиного разума мои заговоры!

— Ничего, справились бы! Не бином Ньютона!

Старуха вдруг начала приплясывать на месте, наматывая на пальцы концы платка, съехавшего с головы еще во время полета:

— Взять яду змеиного полнаперсточка, водицы полнолуной, — она посмотрела на небо, отыскивая Луну, — из тихого омутка, тарвы-одоленя щепотку, волчьей ягоду и, — Яга резко выбросила в сторону руку, — вороний глаз!

Я не успела отбить это ее движение, острые черные когти проткнули кожу глазницы и вырвали у Золика глаз.

— На-ка то, подареньице! — бабка подхватила мою руку, вложила в ладонь теплый влажный шар и сжала пальцы. — За лихо тебе отмщенье!

Я перевела взгляд со своего кулака, сочащегося тоненькими кровавыми струйками, на Золика. Ворон терял опору и жизнь, а на лице его вместо глаза зияла дыра. Меня накрывало толстым ватным одеялом, лишая возможности слышать, и уже совершенно равнодушно я смотрела, как огромный меч рассекает плоть и сносит с худых старческих плеч косматую голову. Два тела рухнули наземь одновременно — Золика и Яги. Колени подогнулись, и я, ощущая почти благодарность собственному телу за избавление от мук, потеряла сознание.

Очень хотелось пить, очень. Лошадь подо мною и всадник за спиной, видимо, не слишком торопились, ехали медленно. С трудом разлепила ресницы.

Над бескрайней серой равниной низко нависало свинцовое небо с редкими белыми прожилками перистых облаков. Плотная тишина, которую можно было пощупать, пробивалась стуком копыт по каменистой почве. Дороги не было. Конь просто шел вперед, раздвигая широкой грудью высокую, почти ему до морды, безжизненную траву.

— Куда мы едем? — преодолевая невыносимую сухость во рту спросила я.

Ответа не последовало.

Но это не раздражало и не огорчало. Прохладное умиротворение капля за каплей проникало в вены. Кто там умер? Кого изрубили? Кому вырвали глаз? Не всё ли равно? Мне хорошо и покойно на груди у мужчины, который не хочет разговаривать. Попыталась разжать кулак, но пальцы слиплись. Раскрыла ладонь с трудом — человеческий глаз с черной радужкой смотрел куда-то в сторону. Надо же. Это Золика. Вороний глаз. Для ведьминой воды. Вода.

— Пить? — спросила, но снова не получила ответа. Тот, кто сидел сзади, дунул мне в темечко, пальцы сомкнулись над подарением Яги, глаза сами собой закрылись, и я сладко, с облегчением заснула.

Проснулась от холода. Графитового цвета стены без малейшего декора были строги и величественны. Большое — в полстены, зеркало, стиснуто массивной кованой рамой, свитой из чугунных веток, птиц, змей и большеротых рыб. Стол, пара размахнувшихся подлокотниками в стороны стульев. Вместительный, в готическом стиле шкаф. И лежу я на широкой кровати с высоким деревянным изголовьем. Чудеса!

Ничего не болело, не мучило, прошла жажда и нервный зуд, от которого хотелось расцарапать кожу. Но засохшие грязь и кровь остались. Боже мой, сколько смертей я видела? Было ли всё это правдой?

Встала и подошла к зеркалу, пора было взглянуть правде в лицо. Жуткая картина. Я уткнулась в ладони: такой грязной видеть себя никогда ее доводилось.

— Ступай, смой с себя горести.

Обернулась на голос и встретилась с пронзительным взглядом черных, чернее моих, глаз. Кощей. Холоден, статен, отстранен. В подземелье он был куда коммуникабельнее.

— Зачем сюда привез? Ты отпустишь меня домой? Выполнишь желание?

Не ответил! Только жестом показал направление, и я повиновалась. Баня — это кстати.

Натопленное огромное помещение мало напоминало Марьину баньку. Стены были выложены серо-голубой мозаикой, в центре мерцал чистой водой овальный бассейн, в котором плавали огромные листья кувшинок, увенчанные желтыми цветочными головками. Почему они не вянут? Жарко же.

Я разделась и, зачерпывая большим ковшом теплую воду из большой бочки, без каких-либо эмоций смотрела, как коричневые потоки стекали с моего тела и устремлялись к углублению с отверстием слива, прикрытого искусно выкованным цветком. Меня никто не торопил, никто не входил, и я плескалась столько, сколько понадобилось мозгу, чтобы считать тело полностью отмытым. Пахучий травяной настой был приготовлен для волос, и я, продираясь пальцами сквозь спутанные пряди, промывала и промывала их, пока не почувствовала шелковое послушание. Ворох грязной одежды остался лежать на полу. Надеть это снова не могла, но где взять чистую, не представляла. Не голой же появляться перед Кощей! Чтобы как-то оттянуть время, спустилась в бассейн и, расталкивая кувшинки, поплыла вдоль бортиков из черного с серыми прожилками мрамора. Силы должны были покинуть меня после интенсивных водных процедур, но они прибывали, я не чувствовала усталости, наоборот, хотелось двигаться, делать что-то, куда то идти. И очень хотелось есть.

Голод был странным, постепенно оттесняющим все остальные чувства, животным. Если бы пришлось отбирать еду у другого, я бы отобрала, ничуть не устыдясь. Кувшинки сбились в центр бассейна, а я всё никак не могла выти из воды, пока не увидела входящего Кощея. Испанские гранды в пору своего величия могли бы позавидовать этой осанке и гордой посадке головы. Как славно он изрубил Ивана. Как правильно. Как призывно смотрят сейчас его глаза. Медленно поднимаясь по ступенькам, ведущим со дна, я подошла к повелителю и склонила голову:

— Я в твоей воле! — невыносимый восторг разлился по телу, едва большая ладонь легла на плечо. — Делай со мной, что хочешь!

Хотелось, чтобы он сжал крепко, до боли, смял в комок, втиснул в землю, и тогда я бы стала опорой его прекрасным ногам, и ни один враг не смог бы свалить господина, попать его власть! Если бы в руках был нож, я вспорола бы себе живот, если бы он приказал, умерла бы за него. Обожание нужно было как-то выразить, доказать, и я рухнула на пол, и простерлась ниц перед тем, кого сердце, в невозможности разлюбить, поставило выше жизни.

Кощей не двигался и молчал. Повелителю мало поклонения? Конечно, нужно другое. Я поползла к вороху своей одежды, принялась шарить в грязных тряпках, пытаюсь найти хоть что-то, что помогло бы отдать жизнь за господина. Я испытывала настоящее желание отдаться смерти и получить от этого самое большое удовольствие. Руки продолжали

перебирать складки, шупать, но внезапно что-то иное начало пробиваться сквозь сладостный морок. Что-то сильное, подобное ростку дерева, пробивающего асфальт. Моя личность возвращалась, а с нею всё, что было пережито. Кощей стоял, не меняя позы, не смотрел. Что я творю! Он же подавляет меня, козёл костяной!

Прямо передо мной высился металлический поставец под большой глубокой чашей с травяным отваром. И еще перед этим негодяем голая на пол падала? Вот дура! Руки ухватили загнутые кнаружи края, и я размахнулась, целясь в голову.

Неуловимым движением мой враг вскинул руку, и чаша треснула в воздухе, осыпаясь мелкими осколками на пол.

— Да что ты о себе возомнил? Я тебе не кукла! Придурок!

Кощей подходил, скользил взглядом по обнажённому телу.

— Не мне над тобою властвовать! Ты владычица и надо мною, и над моим уделом!

По коже прошелестели невидимые прикосновения. Тончайшая рубашка, богато расшитый перламутром и речным жемчугом сарафан, сафьяновые красные сапожки — всё появлялось из ниоткуда, всё было в пору и отторжения не вызывало.

— Домой отпустишь? — я не собиралась продаваться за шмотки, надо будет, гольшом убегу.

— Здесь отныне дом твой.

— Ну уж нет! С меня ваших злодеяний хватит! Я хочу спокойной привычной жизни, слышишь? Без всего этого сказочного дерьма!

Кощей протянул руку:

— Со мною править будешь. Женой назову, единой плотью своей.

— Чего? — невозможно было поверить в услышанное. — Не хватало еще с маньяком жить. А ты маньяк, убийца! — и я оттолкнула руку, тянущуюся погладить меня по лицу.

Кощей качнулся от слабого удара и, подняв на меня глаза, полные то ли радости, то ли обожания, скомандовал:

— Ступай по пятам моим!

Стена купальни расступилась — чудеса когда-нибудь здесь кончатся? — и мы вышли на поляну, опоясанную черными мертвыми деревьями.

Прямо посередине стояла конструкция, весьма напоминающая колодец. Последовала еще одна просьба:

— Встань по правую руку.

Я повиновалась, но не успела осмотреться, как перед колодцем появился человек. Он был хорошо, даже дорого одет, но растерян и испуган.

— По болоту бродит, не здесь. — Кощей пристально смотрел на меня. — Позови водицу!

Я не спросила, как, уже откуда-то знала — сложила ладони лодочкой. Из колодца потянулись тонкие прозрачные струйки и слились в лужицу в моих руках.

— Взгляни...

Экран возник мгновенно, погружая меня в чужую жизнь. Уже знакомый мужчина сидел за столом и что-то с улыбкой объяснял старушке, прижимающей к себе целлофановый пакет. Она кивала, но в глазах еще оставалась неуверенность. Но вот прозвучал решающий аргумент, морщинистые руки принялись разворачивать сверток и выкладывать разномастные пачки купюр, перетянутые детскими резинками для волос.

Смена картинки.

Бабушка лежит на диване. На руке манжета от аппарата для измерения давления. Рядом туда-сюда ходит сын. Он громко ругается с кем-то по телефону. Его жена машет руками, и мужчина выходит из комнаты. Бабушка плачет, женщина сообщает цифры давления, качает головой, но потом ободряюще улыбается, протягивает стакан с водой, гладит по щеке, утешая. Бабушка кивает, а потом отворачивается к стенке. Жена сына встает и тихонько выходит. В глазах ее боль и сожаление, в коридоре она утыкается мужу в грудь, тот гладит ее по спине, обещая и грозя карой мошеннику. Бабушка делает последний вздох и замирает навечно.

Мужчина мечется по поляне, не понимая, как оказался на ней.

— Есть ли зло за ним?

— Есть.

— Ответит ли?

— Ответит.

— Смерти повинен?

— погоди! — я снова смотрю на экран, где тот же мужчина сидит в больничном коридоре. За несколькими стенами от него бьется маленькое сердечко. Оно цепляется за жизнь, борется, и молодой хирург, стоящий на ногах третий час, осторожно выдыхает.

— Нельзя смерти! — вода в руках мутнеет, но всё ещё прозрачна. — Ты что делаешь?! Я не могу, не имею права!

— Смерти!

— Нет! Пусть искупит. Или... Нельзя смерти. Зачем ты заставляешь меня решать? Это жестоко!

— Ответ держи!

— Хорошо! Пусть остается, пусть искупает вину. Боже! — тяжелая ноша ложится на душу. — Ты не отпустишь? Я не вернусь?

— Нет. Тебе судьбы вершить людские. Хочешь, в чертогах моих оставайся, хочешь — в избу Яги перебирайся. Воля твоя. Но отсюда нет тебе пути-дороги. Сына родишь — он наша замена, как срок придёт.

— А как же желания? Кто-нибудь уже спросит, чего я хочу? Ты же обманул меня!

— Не было обману, — Кощей дышит мне в лоб, и в дыхании его смешана полынь и свежий ветер. — И не будет!

— Тогда я хочу к Волче! Отпусти! Какая тебе разница, где мне жить? — развожу ладони, и вода, в которой видна суть человеческая, поднимается, распадается на мельчайшие капельки и становится серым облачком, тянущимся к небу.

Глава 29. Волчья ягода

Черное крыло плаща отсекает от колодца, и вот я стою перед избой охотника. Несколько волков вскочили на ноги и прижали уши, выражая безропотную покорность. Волнение сбивает дыхание: столько всего произошло за эти дни, а мы не поговорили, не объяснились, да и как рассказать гордецу, что его телом воспользовалась нежить? Заливистый девичий смех остановил на пороге, но я упрямо толкнула дверь. Волче скидывает голову. Нет меня больше в этих синих глазах. Пустота в них. Червоточина.

— Горюха! — вскочил он с лавки, поправляя штаны. — Горюха моя! Думал, покинула, домой вернулась! Я тут... — он запнулся, покраснел. Погасли синие очи. Девушка собрала распахнутую рубаху и прикрыла юбками голые ноги. Она умнее, она поняла:

— Матушка, — склонила голову, — береги, охраняй!

— Живите в сытости! — сдавлено выпалила я и выбежала вон.

Волки окружили, я гладила серые морды.

— Дураки вы... уходите от него, он не перестанет убивать никогда. Он меня убил. Я приму, уходите от него...

Шла по пробивающейся к свету первой траве. Придерживала ветки с полопавшимися почками. А как дошла, прижалась к морщинистому стволу, и всё, что запрещала себе вспоминать и переживать, заново всколыхнулось: запах крови, вонь черных душ, сильное обнажённое тело с чужими глазами. Птахи кружили надо мной, садились на плечи, весело щебетали, терлись крошечными головками о мои щеки. Утешали.

— Дядька Лешак, один ты у меня и остался тут, — шмыгнула я носом, — даже Волче... Жить не хочу, постыло всё! Нет веры никому, дяденька!

Гибкие побеги обвили спину и плечи, зеленые листочки шелестели у самого лица:

— Поплачь! — шептали они. — Живи!

И я плакала, редела белугой, кричала и выла, глядя в серое небо, выпуская боль и отвращение, страх и отчаяние, так долго копившиеся.

Лешак шептал и шептал мне ласковые слова, пока последняя слезинка не вытекла из глаз. Рассказывал мне о том, как я буду жить, как носить и растить необыкновенное дитя. Объяснял, что сила моя почти безгранична, и на рубеже мертвого, только я смогу удержать живое. Что граница миров — не преграда, и то, что полюбить нельзя, станет роднее любимых. Что жертвуя — получаешь в другом. Леший укачивал меня на крепких ветках, и я задышала легче.

— Дядька Лешак, а волчья ягода — она какая? Покажи?

— Век от века растет она, корни под землёй далёко стелются. Ждет своего часа, соком наливается. А потом пролитой крови напьется и выходит к солнышку.

— Какой крови?

— Верной крови, без корысти за другого отданной.

Теперь я смогла найти дорогу, мне не нужны были приметы и помощники, бежала, цепляясь жемчужинами за ветки, безжалостно отрывала их. Потом старалась не смотреть на тела, не думать о Славке, подошла к Меченому. Он все так же лежал, вытянув морду ко входу в подземелье, и стервятники его не тронули. Внутренне содрогаясь от предчувствия, погладила большую голову и принялась ждать.

Серая шерсть задвигалась, словно волк снова задышал, волоски разметались воронкой.

И кожа начала натягиваться, приподниматься, пока не прорвалась как тонкая бумага. Крупный заостренный кверху бутон держался на толстом стебле, выдвигающемся из волчьей плоти медленно, но непрерывно. Вот показались два больших желтоватых трёхпалых листа на тонких черенках, такой же рисовала мне Марья на ладони, они расправились, обрели сочность, стали насыщаться светом и зеленеть.

Тело Меченого начало оседать, сохнуть, превращаться в пыль.

— Спасибо тебе, серый волк! — успела сказать ему на прощание, прежде чем останки опали на землю. — Твоя жертва принята.

Там, куда мне не было дороги, чуть раньше обычного притормозил перед светофором водитель с заметным шрамом от переносицы до виска. Он выиграл пару секунд: огромный, потерявший управление самосвал с песком в кузове пронёсся в паре сантиметров от переднего бампера легковушки. КАМАЗ доехал до входа в подземный пешеходный переход, со страшным скрежетом перевалился через невысокий бортик и рухнул вниз, на лестницу. Перекресток замер. Мужчина с трудом оторвал руки от руля и тут же начал набирать 112, думая о том, что жизнь дала ему, таксисту, отсидевшему за разбойное с тяжким телесным, второй шанс.

Бутон распухал. Я потрогала его пальцем, ощущая приятную шероховатость.

— Милая! — пожилая женщина в простой льняной одежде сидела напротив, только под нею была не грязь, а молодая зеленая трава. — Вот ты и пришла. А то жду-пожду, устала...

Защемило в груди от внезапного озарения — бабушка!

— Я, милая. Давно за тобой смотрю, как матери твоей не стало. Не слушаешь ты меня, озорничаешь.

— Бабушка, ты что здесь делаешь?

— Место моё тут было, пока Яга не перехватила. А теперь вон, смотри!

Я обернулась на выход из подземелья, откуда белым паром выходили силуэты людей и даже животных. Они чуть замирали, а потом летели в разные стороны, нагоняя упущенное время, разыскивая свои тела.

— Твоя заслуга, внученька, оттого и честь тебе великая.

— С Кощеем жить?

— Людям помогать!

— Как?

— Будешь стоять на границе миров, станешь справедливо судить, разводить по разные стороны. Кому назад, кому в Кощеево царство, а кому здесь обретаться. Весь наш род за тобой. С испокон веку мы здесь службу свою несли, уж и не вспомнить...

— Получается, меня сюда не просто так принесло, не за грехи?

— И за грехи тоже, да только кто же без них? Студенец о тебе всем растрезвонил, он первый узнал нашу кровь. Сполохи по небу пустил, собрал всех округ. Вот и ждали.

— Бабушка, это что же, мне тут всю жизнь жить?

— Всю, внученька. До последнего остаточка. Поберегла бы ты себя. Встань с холодной землицы, простынешь, а тебе еще ребеночка родить. Вон он, хоронится до поры. Славный мальчик. Ему здесь править после вас. В нём и добро, и зло. Сам и судья, сам и палач. А вернешься в старый мир, завянет росточек твой, не народится никогда.

— Кощей же Бессмертный, бабуль. Он никогда не умрёт.

— Всё когда-нибудь умирает, родная. И стальные иголки ржавчина пожирает. И тебе свой конец придёт. Ляжешь под заветный дуб, и простоит он еще тысячу лет.

— Нет-нет, сейчас вот ягода вылупится, я её сорву, настой сделаю, выпью и дома окажусь. А с ребенком ничего и не случится, что случиться-то может? Ничего! Яга говорила, что еще траву нужно и яду змеиного. Только так домой. У меня и вороновый глаз есть. Был. Бабушка?

Но никто не ответил, нежное перламутровое облако поднималось в синее небо. Легкий треск заставил посмотреть на ягоду, бутон лопался, распадаясь на четыре части. Иссинячёрная блестящая бусина принялась расти.

— Отдай мне!

Волки высоко задирали морды, чуя мертвечину. Полуобнажённый Волче с ножом наперевес стоял за моей спиной.

— Отдай, домой хочу! Мстислав пьяный сказывал, что волшебная ягода-то.

Встала на ноги, задумалась. Кого я полюбила? Когда? За что?

— Не ты это был.

— Что? — напряженное великолепное тело, сводившее меня с ума, было готово к прыжку.

— Не ты... Ягоду не отдам, а убить ты меня не посмеешь.

— Посмею. — Волче шагнул вперёд. — Мне не привыкать. Я солдат.

— Солдаты защищают, охотник. А ты убил старика, что овцу среди камней искал.

— А здесь все такие! Малышка, думаешь, лучше была? Душегубка та ещё!

— Злой ты... Она искупила, только не успела назад. Уже родилась снова, Волче.

— Отдай ягоду, ведьма! — охотник наступал, оттесняя к чернеющему входу в подземелье. — Не уйти тебе!

— Нет. — за спиной запахло полынью. — И тебе не уйти, Волче!

Я сделала два шага в сторону, и Кощей вышел вперёд.

— Что велишь?

— Отпусти его.

Кощей вытянул вперёд руку, и охотник провалился в землю по пояс.

— Поразмысли, пёс смердячий, на кого тьявкать осмеливаешься!

Волки нагнули головы, поджали хвосты и стали потихоньку отходить в чащу, оставляя жоака в одиночестве.

— Не тужи, девица! — Кощей протягивал мне ладонь. — Все образуется.

Мы подошли к ягоде, что раздулась до размеров теннисного мяча. Ее гладкая поверхность становилась зеркальной, и я видела наши отражения. Но вот кожица натянулась так сильно, что, казалась, вот-вот лопнет.

— Рви, коли решила. — Кощей отступил назад. — Препону чинить не стану. Рви, не успеешь.

Я нагнулась и всмотрелась в отражение на блестящей поверхности. На меня, улыбаясь беззубым ртом, смотрел пухлый младенец.

— Пообещай! — даже не удивилась, когда позади почувствовала опору и большие ладони легли мне на плечи. — Пообещай, что спасёшь для меня... — и я назвала имена.

Кожица лопнула, сотни крохотных капель взмыли вверх, и в сером небе перекинула своё коромысло за край земли яркая радуга.

Эпилог

— Пусти меня. — я крепко сжала подлокотник холодного каменного трона.

— Нет тебе там места, не думай, что остаться сможешь.

— Знаю. Хочу всех увидеть.

— Причина есть ли? Все равно позадь них всю жизнь стоять будешь.

— Скучаю. А мне скучать нельзя. Пусти? — я смотрела в бездонные глаза и видела своё отражение в золотом ореоле. Любит.... — Обещал ведь.

* * *

Дождь затихал, робко выглядывало солнце. По парку, примыкающему к больнице, гуляли мама и дочка. Я заправила выбившуюся прядку за крошечное ушко.

Дунула вслед.

— Луша! — звала дочку молодая женщина, держащая в руках зонт и машинально катающая пустую прогулочную коляску-трость. — Лукерья!

Маленькая девочка с очаровательно шкродным выражением лица нарочно шлёпала ногами в розовых сапожках по неглубоким лужицам и заходила в заразительном хохоте, когда брызги подлетали до самых щёк.

— Лукерья! Горе ты луковое, прекрати сейчас же! Я папе пожалуюсь! Господи, дай мне сил не прибить этого ребёнка!

Я улыбнулась. Невеличка Луша доверчиво вобрала в себя то, что было передано моей волей от той, другой Луши: смелость, умение быть преданной и невероятное жизнелюбие. Она будет счастливой, эта девочка. На ее пути случатся трудности и беды, но умница с редким именем Лукерья всегда будет выбирать правильный путь.

* * *

Пробив несколько слоев пространства вошла в свой дом. Отец стоял над кушеткой, на которой лежала молодая женщина. Он нагнулся и укрыл её пледом, погладил по плечу, коснулся смуглой щеки.

— Папа, у тебя родятся два сына. Я обязательно помогу твоей женщине. Родной мой. — губы скользнули по отцовской щеке.

— Ой, я уснула, да? — Эльмира села, протирая глаза. — Сплю и сплю всё время. Впрочем, — она поднялась, шагнула к мужу и приложила его руку к своему животу. — Нико, я тебе должна кое что сказать.

* * *

— Принимая во внимание тяжесть совершенных правонарушений и руководствуясь статьёй номер...

Я скользнула по лицу Мстислава ледяным взглядом, подсудимый поморщился. Почуял, зверь! Оплаченная другой кровью жизнь не пойдет ему впрок. Искупление бывает не полным. Его могила быстро зарастёт сорной травой.

* * *

Мишка чертыхался сквозь зубы, пытаясь завязать бабочку. Нарядный и неожиданно красиво причёсанный Гошка пытался помочь, но старший брат рычал на него, и вся эта сценка вызывала у меня острое чувство одиночества. Тётя Таня на кухне в вечернем платье и фартуке колдовала над тарелками с нерезкой и проверяла кастрюли.

— Ма! — Михай вёл себя как ребёнок. — Ма! Можно я без бабочки жениться буду? Ма, ты чего?

— Коля говорит, что Женя идти отказывается. — тётя всхлипнула. — Год девка по больницам мыкается! Год! Никакой ведь ей жизни.

— Не год, а почти год, не мыкается, а обследуется, и жизнь у нее будет, вот увидишь. Я в Егора верю! Ма, ну можно я без бабочки...

Через четыре улицы от них в старой избе Макарихи, что сдавала комнату приезжим, перед зеркалом стояла удивительной красоты девушка в свадебном платье. Макариха суетилась, зачем-то искала булавку и тайком смахивала набегающие слёзы.

— Сделай его счастливым, хорошо? — поймала я в отражении синие глаза, опущенные густыми длинными ресницами.

— Хорошо, — ответила Марья. — Заглядывай почаще. Поболтаем.

— Маруся! — голосила из-за стенки Макариха. — Приехали!

* * *

Женька тяжело опиралась на казенный больничный костыль, с перемотанной тряпками — чтобы не натирала — перекладиной. Ее согнутая ссутулившаяся спина казалась камнем на фоне живой ряби на поверхности пруда. Снова пошёл мелкий дождь, звучащий в унисон с настроением.

Подплывали утки, приученные больными и персоналом к угощениям, побрякивали, шумно взмахивали крыльями и разочарованно отворачивались от странной неподвижной женщины. Она плакала, и слезы жгли мне душу.

— Не плачь, милая, — шептала я, выпуская из рук мелкую серовато-коричневую птаху, — моя хорошая сильная девочка.

Обняла, дунула в висок, разгоняя дождевые капли, стекающие по коже. Птаха кружила над нашими головами. Лешак выбирал, он не мог ошибиться.

— Завтра, уже завтра всё изменится, только потерпи. Посмотри, кто к тебе идёт! Прими...

У поворота на пруд стоял мужчина, и мне не нужно было смотреть ему в лицо, чтобы

узнать. Сердце кольнуло от осознания вечной потери. Грехи отпущены, жизнь войдет в свою колею, Егор. Волче, не смотри с такой тоской на Женьку. Завтра диагноз не подтвердится. Обещаю, всё у вас будет хорошо. А теперь иди к ней!

Мужчина посмотрел на пакет с продуктами, висящий в руке, и решился.

Я вздрогнула и подтянула поближе неудобный костыль, оглянулась. Ощущение теплого воздуха на виске не проходило. Нервы что ли? Мелкая птица кружила над моей головой. На стервятника не похожа, за дерева приняла, видимо. Да и не удивительно, дерево и есть — бесполезное, никому не нужное бревно. Калека.

— Волчина! Женя Волчина! — резкий крик медсестры вывел из оцепенения. — Муж тебя ищет. Ты чего здесь мокнешь-то?

Моя жертва тоже была принята...

* * *

— Теперь ты спокойна?

— Да.

Рука в черной кожаной перчатке с агатовыми бляшками подхватила, подтянула вверх, и вот я уже сижу на огромном вороном коне, мерно вышагивающим среди серого мёртвого леса.

Упирающееся кроной в тусклое небо зеленое дерево раскинуло в стороны гибкие ветви. Внизу они сплетались в колыбель, выстланную мягким птичьим пухом и листьями мать-и-мачехи.

Маленький мальчик пытался поймать юркую синичку, беспрестанно перепрыгивающую с места на место, сжимал пустые кулачки, смеялся, показывая два белоснежных передних зуба. Нежное серебристое мерцание окутывало его ручки по локти.

— Пусть резвится. Лешак приглядит. Рубежи осмотреть надобно, поедем?

— Поедем. — я взмахнула рукой, и над нашим сыном зависло в воздухе красное сочное яблоко.

Малыш засмеялся и потянулся к новой игрушке. У самых корней, свернувшись клубком, спал Колючкин, он потянулся, разбуженный шумом, подвигал носиком и снова скрутился в светящийся шар.

Вороной резко вскидывал наполовину костяную голову, разгоняя бесплотные тени, окружавшие со всех сторон.

— Гости у нас, Ега.

Я доверяла его чутью:

— Кто?

— Трое. Зла за плечами немеряно. Переборешь меня, Берегиня?

— Посмотрим, за так людей не отдам.

— Грозна ты, как погляжу.

— Не грознее тебя.

Конь перешел в мягкий размеренный галоп, я вдохнула горький запах полыни и прижалась спиной к повелителю обратной стороны жизни, с которым сегодня мы снова встанем по разные стороны.

Больше книг на сайте - Knigoed.net